

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ГРАФИКА А.Д.А.Г.Р. PARIS

СТМ

Живем вверх ногами
«Ла-Манша больше нет»

Сергей Станкевич:
«Я представляю
степень риска...»

Восстанет ли Зевс?
Сколько можно
терять!..

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС —
ОСНОВА НАШЕГО УСКОРЕНИЯ!

ЭКСПЕДИЦИЯ «СТ. М.»

Заполярный треугольник

Александр Висляев

Как вы помните, в № 6 «Ст. М.» был опубликован анонс международной комплексной экологической экспедиции «Кольский меридиан». Мы пригласили принять участие в этой природоохранной акции наших читателей, кто неравнодушен к экологическим бедам страны. Первые из откликнувшихся на наш призыв составили костяк августовского этапа экспедиции. Их работе и посвящен репортаж специального корреспондента — участника экспедиции.

— Ну, что ты на меня рычишь? Ну, ошибся немного! Так ведь ничего не случилось, — в голосе Костика недовольство. Он облокотился о сложенный из крупных камней холм и всем своим видом дает понять, что вина за собой не ведает.

После крутого подъема на перевале мне, вместо перекура,

пришлось долго бегать по отрогам и кулуарам в поисках сошедшего с тропы Костика. В результате — сбито дыхание, худым ходит грудь, и слова с трудом продираются сквозь глотку.

Возобновляю «диалог» вопросом:

— Ты обо что облокотился?

— О тур, естественно...

— Тропа с турами идет ста метрами выше и полукилометром левей. Да и не делают их такими большими. Под этими камнями один из...

Костик недоверчиво поворачивается. Его взгляд упирается в маленький, почти игрушечный, кривобокый крестик (нормальных размеров крест очень скоро снес бы ветер, частенько свирепствующий на перевале с чудовищной силой). Дошло. Костя нагибается за своим рюкзаком, весящим почти столько же, сколько он сам:

— Помоги надеть и давай выбираться к нашим...

Наши между тем времени даром не теряли. Гульнара и Наташа занялись отбором проб лишайников, которых на перевале оказалось неожиданно много. Через несколько недель этим мягким, разноцветным комочкам предстоит «рассказать» ученым, какой отравой и в каком количестве «потчует» окрестности Рендский горно-обогатительный комбинат.

Не сидели без дела и ребята из киногруппы. Их воображение поразила дикой, почти первозданный каменный хаос, царящий на перевале. И теперь они «строчат» двумя кино-

камерами, как скорострельными пулеметами.

— Наконец-то! — восклицает Гульнара, завидев нас.

Такой прием настроение Кости не улучшает. Жалко, что пришлось на него накричать. Тем более, что вклад Кости Соленова, председателя рязанского студенческого турклуба «Альтаир», первым откликнувшегося на призыв «Ст. М.», в августовский этап экспедиции переоценить трудно. На протяжении всего похода он старался помогать чем мог каждому из нас. Стоило перед выходом на маршрут чуть «потерять бдительность», как большая часть снаряжения и продуктов перекочевывала в объемистый Костин рюкзаки. Развести костер, сходить за водой и дровами, поставить палатки, приготовить обед — первым, по собственному почину за все

это брался Константин.

Инцидент на перевале — сошел с тропы, проигнорировав приказ остановиться, переданный по цепочке, — единственный его прокол за всю экспедицию. И понять, почему Костик так поступил, проще простого. На первый взгляд перевал любому опытному горнику кажется таким простеньким и уютно-домашним, что мысль об опасности просто не приходит в голову.

Своим коварством перевал Элемерайк почти полностью обязан погоде. Она, погода, вообще на Кольском полуострове плохо поддается прогнозам, а здесь ее нельзя предсказать и на десять минут вперед. Только что светило солнце, по небу весело бежали легкие перистые облака, перед глазами открылась величественная панорама, и вдруг... Подул шкваль-

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с января 1974 года.
1990, № 12, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Виктор Астафьев,
Анатолий Богомолов,
Феликс Волков,
Екатерина Гордеева,
Владимир Грошев,
Егор Исаев,
Анатолий Карпов,
Константин Лебединский,
Ярослав Микуляк
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Александр Сельянов,
Станислав Смирнов,
Людмила Третьякова,
Ольга Чистенкова,
Андрей Шаронов,
Михаил Щипанов

Главный художник
Александр Архутин
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., д. 5а,
«Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке смысла на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 24.09.90. Подп. в печ. 29.10.90. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 1 150 000 экз. (1-й завод 500 000 экз.). Заказ 2206. Цена 30 коп.

Орден Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сушчевская ул., д. 21.

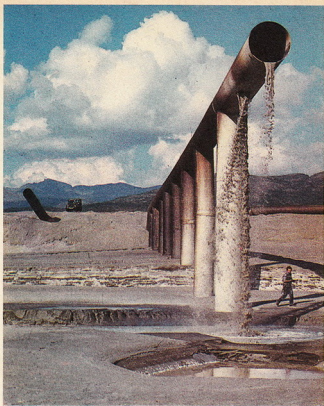
© «Студенческий меридиан», 1990 г.

ный ветер, пошел снег, и свалившийся невесть откуда плотный, как вата, туман скрывает только далекие красоты, но и стоящего в двух шагах.

Раз все в сборе, самое время подобру-поздорову унести с перевала ноги. Туда! Вниз! К Сейдозеру, конечной точке маршрута и всего августовского этапа экспедиции.

Дальше команду поведет шеф нашей киногоруппы, кинорежиссер из Туркмении Анатолий Харибин. У него нет громких туристических титулов, как у Кости, но за последние десять лет, прожитых в самом южном уголке Союза, Толя успел познакомиться с горами на «ты».

Я замыкающий, в обязанности входит держать всех членов группы в поле зрения. Это на тот случай, если кто-либо вновь испытает страстное желание заблудиться или отстать. Пока группа «впрягается» в рюкзаки и растягивается по тропе, мне удастся наконец докурить сигарету и осмотреться. Как по заказу в это время выглядывает солнце, доселе прятавшееся в облаках. В его лучах, километрах в восьми-десяти от нас, вспыхивает обломок огромного зеркала, со всех сторон зажатый крутыми горами. Сейдозеро. Мы в послед-

нее время слышали о нем столько удивительного, что желание добраться до него стало для членов экспедиции чем-то вроде идеи фикс.

Одним из нас не терпелось увидеть священный камень, которому поклоняются коренные жители — саами. Он, по рассказам, представляет собой своеобразный барельеф, очень точно изображающий многометровую человеческую фигуру. Его скульптор — природа. Материал — подступающая к озеру скала. Кстати, именно он и дал название Сейдозеру (сейд — саамски — святой камень).

Другим хотелось узнать, в силу каких неизвестных обстоятельств рыбы в Сейде в десять

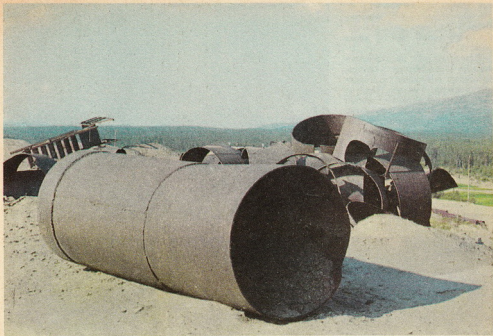

раз больше, чем в других озерах Заполярья, и почему по обилию редких представителей флоры окрестности озера могут смело конкурировать с ботаническим садом?

А сколько споров и дебатов вызвали среди участников экспедиции разговоры об Афоне — колыском варианте снежного человека. Рассказывали же нам о нем несколько десятков совершенно разных людей.

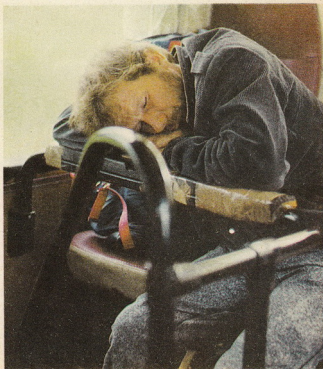
Впрочем, не все рассказы-напутствия пришлось нам по душе. По вполне понятным причинам подробная информация о том, что на Сейдозере и соседнем с ним Умбозере иногда бесследно пропадают люди, их лодки, палатки и рюкзаки, особого энтузиазма среди команды не вызвала.

Замечу в скобках, что за те пять дней, проведенных на Сейде, родилась гипотеза (правда, нуждающаяся в проверке), которая весьма логично увязывает существование на озере Афони и таинственное исчезновение людей. Причем и то и другое она объясняет отнюдь не сверхъестественными причинами. Автор этого смелого предположения Наталья Кравчук,

командир дружины охраны природы Кишиневского пединститута (она также приглашена в постоянный состав экспедиции). Ей самой пришлось стать свидетелем событий, породивших гипотезу. Но это тема уже другого материала.

Казалось бы, только вчера мы штурмовали перевал, а уже пришло время готовиться в обратный путь. Завтра с утра, как поется в песне: «Крылья сложат палатки, их кончен полет...», а пока мы сидим у прощального вечернего костра. У огня колдуют Костик и Гульнара Давлетшина. Решив напоследок побаловать команду, они увлеченно пекут блины и варят брусничное варенье. Благо, ягод здесь, как говорит Костик, немерено.

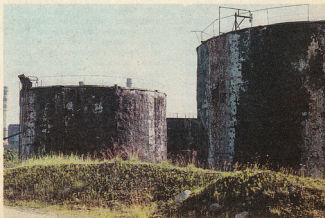

После Терского берега нашим экологическим полигоном (одновременно и «съемочной площадкой») стали окрестности Мончегорска. Несколько десятилетий назад природа этих мест в своей щедрости и красоте мало чем отличалась от терской. А сегодня...

Вокруг Мончегорска образовалась многокилометровая «мертвая зона». В ней птицы не поют, деревья не растут... О том, что здесь когда-то были прекрасные леса, напоминают лишь остоны сосновых и березовых стволов, кое-где сиротливо вздымающихся к небу. Справедливости ради надо заметить, что в этой рукотворной пустыне местами еще встречаются ягоды и грибы. Вот только есть их нельзя — если, конечно, вы не решились покон-

Чемоданное, точней, рюкзачное настроение навевает грусть и одновременно заставляет прикинуть, что же сделано за время экспедиции.

Фильм! Над ним идет работа с самого начала августовского этапа, с маршрута по Терскому берегу. Эта его часть будет рассказывать о красоте и богатстве дикой, практически еще нетронутой человеком природы. Впрочем, и в этом, казалось бы, еще здоровом организме кинообъектив находил признаки надвигающихся неизлечимых болезней — например, молевый лесосплав по Умбе, буквально на глазах губящий реку.

чить жизнь самоубийством. Отравлены! Отравлен тяжелыми металлами и единственный питьевой источник Мончегорска — озеро Монча.

Кстати сказать, и сам Мончегорск из 149 обследованных городов СССР по загрязнению почв тяжелыми металлами занимает первое место. Если пойти в природу, несладко и человеку. По детской заболеваемости Мончегорск утвердился в первой десятке городов СССР. В нем катастрофически растет число онкологических заболеваний.

«Виновник торжества» — гигантский комбинат «Североникель». (С этого года у него стало еще более звучное название — концерн).

Естественно, оргкомитет экспедиции «Кольский меридиан» проявляет к этому «монстру» особое внимание. Несколько наших исследовательских групп работало здесь весной и осенью 1990 года, серьезные научные изыскания будут продолжаться и в 1991 году.

Сейдозеро было третьим и последним районом августовского этапа экспедиции. За изумительную красоту Сейду называют жемчужиной Кольского полуострова. Однако нас, членов экспедиции, не раз предупреждали, что «благодаря» Ревендскому горно-обогатительному комбинату оно и соседнее Умба-озеро, да и весь район в целом, может разделить судьбу Мончегорска.

Фильм, последние метры которого мы сняли на святом озере, должен, как нам думается, стать своеобразным предупреждением. А пробы земли и растений, взятые в его окрестностях, помогут оценить, сколь реальна опасность угрожает озеру.

Может быть, и у наших читателей возникнет желание принять участие в работе экспедиции «Кольский меридиан». Тогда присылайте в редакцию «Ст. М.» свои заявки и... До встречи на Кольском.

И последнее. Не могу не выразить благодарности Центральному совету ВООП, финансировавшему этот этап, как и сотрудникам творческой студии «Аргус», организовавшим кино съемку.

Этап завершён. Экспедиция продолжается.

ПИСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ

Что же с нами будет?

Говорят, учиться в Москве — престижно, подразумевая, что столичное образование самое лучшее. Ну, что ж, не спорю. Но не хочется верить в то, что где-то учат еще хуже. Я не сказала бы, что в нашем МХТИ имени Д. И. Менделеева нетребовательные или незнающие преподаватели. Нет, конечно. Ведь наш институт — головной в химической промышленности, ведущий в отрасли. Преподаватели — высших научных званий. Все вроде бы прекрасно...

Но вот послали нас, студентов 3-го курса, на практику — ни близко, ни далеко — в город Сумы. Приятный такой городок: зеленый, чистый, река, цветы, фонтаны, «Химпром»... То, что этот «Химпром» загрязняет окружающую среду, от нас даже на лекциях не скрывали: что делать — устаревшее оборудование, много ручного труда, плохие условия и т. п. Ну, что ж, это нас не смутило — химики все же: знаем — бывали.

Распределили нас по цехам, и стали мы выполнять свой план на 36... страниц. Аккуратно списали регламент, все, как надо, эскизы, слушали лекции, смотрели аппараты. Вроде бы все знакомо. Все, да не все: знакомых аппаратов меньше, чем неизвестных, если не сказать — мало. Воистину странно: вроде уже весь курс прошли, должны бы все знать. Да не тут-то было. Самым сложным заданием нашей итоговой практики был расчет хим. аппарата. Наша бригада не унывая, взялась за дело. И тут после недолгого общения с механиком цеха, человеком весьма хорошо разбирающимся в своем деле, мы узнаем, что те книжки, по которым нас учат, давно устарели. Что эти учебники — для «младших классов».

Представляете, в какое уни-

зительное положение мы попали — студенты московского вуза? Что же за уровень образования в институте, если, приходя на допотопнейшее предприятие, чувствуешь себя не в своей тарелке? Куда уж там до новых технологий, до автоматизированных систем...

А если подумать в другом направлении, то это страшнее. Скоро начнем жить по законам рыночной экономики и частного предпринимательства. Так наш студент не выдержит никакой конкуренции на рынке специалистов. Провалится. И даже со свистом. И что же делать всем нам? Заниматься самообразованием, скажете вы? Но где достать книги, узнать методики, как разобраться в лавине информации, которая обрушивается на студента, когда он пытается учиться сам? Да и не все у нас такие уж самоотверженные и целеустремленные, чтобы отжаться на самообразование. Как всегда было: д/сад, школа, институт, работа. А теперь, получаясь, цепочка оборвется раньше: д/сад, школа, институт... А дальше как знаешь, как можешь, чему соответствуешь — устраивать, распределять никто не будет. Рынок специалистов — все гоняться будут за самым качественным «товаром».

Хандра нападает, уныние, неуверенность — не привычки мы еще к самостоятельности...

Что же будет с нами?

Ольга Ляпина,
студентка МХТИ

Никому до нас нет дела

Я поражаюсь детской наивности студентов — большинство писем об их неустроенности (в общежитии, коопхозе, стройотряде). Дорогие студенты, никому до нас нет дела — вот что мне хочется сказать. А у меня-то есть все основания так говорить.

Однажды я получила весьма странный ответ от комиссии,

отвечающей за поселение в общежитие: профорг группы мне разъяснил, что я обыкновенная студентка — то есть ни староста, ни комсорг, ни профорг, ни донор и даже не имею спортивного разряда, — шансов на место в общежитии у меня нет.

Целый год я моталась по друзьям, спала там, где примут, случилось, что и на вокзале. Успеваемость при такой жизни, понятно, очень даже ниже среднего. Никому до меня дела не было. Некоторые только с сожалением вздыхали.

В итоге: я беременна (как-то надо было расплачиваться за ночлег), жизнь моя искалечена...

Наверное, все пройдет, залечится, но, безусловно, «всеселую» студенческую пору я никогда не забуду.

О. К., г. Свердловск

Я тоже была студенткой

Какая же была дура, что пошла в университет. По правде говоря, сделала это только для родителей. Им очень хотелось, чтобы у дочки было высшее образование. Я и поступила на филфак. Прочиталась два года и, слава богу, опомнилась: кем я буду? Детишек всю жизнь учить, как надо жить и что делать? Тетради ночами проверять да выслушивать претензии чопорных дам из роно? Да к тому же конейки перед зарплатой считать, как всю жизнь это делаю мои родители?! Поразмыслила я и — от ворот поворот...

Теперь вот работаю парикмахером. Нравится. Говорю честно. Каждый день передо мной не сонные лица ребят — им бесконечно надо что-то втюльковывать, — а благодарные лица женщин, которых я делаю красивее. И уважают меня — во всяком случае, унижаться перед последним лоботрясом мне не приходится...

Да что говорить: подлая я свободна — могу и в кино сходять, и по дому все успеваю,

и читаю больше, чем раньше, есть время и возможность достать хорошую книгу. В свои двадцать с небольшим лет имею около трехсот рублей в месяц — столько мои родители, всю жизнь отпахавшие, не получают. Так что во взаимоотношениях моих с папой и мамой все в порядке — попереживали, покричали и... успокоились. Хорошо дочке — хорошо и им.

И, знаете, жаль мне своих сокурсниц: получают дипломы, помыкаются с устройством, на вернейка тоска на них нападёт зеленая. Разве что детям своим с удовольствием покажут книжечки об окончании вуза: «Смотрите, какая мама ваша была умная».

Ольга М., Ленинград

Переубедите меня, пожалуйста

Через пару дней я получу диплом. Но вот что мне с ним, с этим дипломом, делать, честно говоря, не знаю... Вроде и учился 5 лет, а, получается, все впустую.

Читаешь, к примеру, книги о нашем недалеком прошлом: бурные двадцатые-тридцатые, тяжелые и кровавые сороковые, полные надежд и энтузиазма пятидесятые, спокойные, почти счастливые, шестидесятые... Люди работают, борются, учатся... И все, все к чему-то стремятся, о чем-то мечтают. Спорят, строят, ошибаются, совершают подвиги, открывают неизведанное...

А вот что мы делаем, чего ищем и хотим — не знаю. Да, те наши предки из недалекого прошлого ошибались, шли не туда, куда надо. Но все же они имели то, чего, к сожалению, не досталось многим из нас, — цель. Их целью было и «построение социализма», и «построение коммунизма», и «победа над врагами», и «покорение целины»... И главное: они верили в себя, в свое дело, в будущее светлое. У них была вера...

Мне, конечно, жаль, что весь энтузиазм тех лет был израсходован на построение «ничего», где царит хаос и где, как говорят, и собака хозяина не найдет. Но что осталось нам? Что нам строить, во что верить, к какому будущему стремиться? Я без пяти минут учитель. Но никогда (!) не войду в класс, потому что мне нечего сказать детям. И на простой, казалось бы, вчера вопрос: «Во имя чего и кого мы учимся?» — я не смогу ответить: «Во имя своего народа, для счастья себя». Ведь нет его, этого будущего, а если есть, то какое оно? Мрак сплошной, и света не видать... А ведь так хочется простой человеческой жизни, без строительства всяких «измов»...

Ромэн Тер-Газарин, г. Ереван

Желающим сочетать творчество и коммерцию

Многопрофильное объединение «Ритм» создает банк данных на специалистов, желающих участвовать в работе временных трудовых коллективов в различных областях науки, техники и производства.

Имеются заказы, предлагающие валютные расчеты.

Объединение «Ритм» рассмотрит предложения по созданию самостоятельных хозрасчетных подразделений.

Адрес объединения:
107078, Москва, ул. Садовая-Спасская, 19/2. Телефон:
262-13-11. Телегаин: 112890
ШСО. Телекс: 412274 RITM
SU. Телефакс 2061173.

Вадим Бурлак: «Война против человечества уже началась...»

По какому пути пойдет человечество? Как люди могут повлиять на развитие истории? Какими нам быть, чтобы выжить? Вопросы эти отнюдь не праздные и не риторические для созданной в прошлом году Всесоюзной организации «Спасем мир и природу» (СМиП). Наш корреспондент встретился с председателем правления ассоциации Вадимом Бурлаком.

Вадим Николаевич, насколько слов о вашей организации.

— СМиП — молодая организация, образовавшаяся как реакция на критическую обстановку в мире. У нас нет готовых политических, научных, идеологических или экономических рецептов. Принцип нашей работы — поиск и эксперимент. Членами ассоциации являются государственные и общественные деятели, журналисты и представители деловых кругов, студенты и ученые.

Организация пока немногочисленна, но, думаю, у нее большое будущее. За год существования установлены связи со многими зарубежными партиями, в наше движение вовлекаются самые широкие слои населения, люди разных возрастов, профессий, верований, национальностей. Имеется значительный банк информации. Обширен круг деятельности ассоциации — от создания научных концепций до экологических субботников, от создания произведений искусства до строительства очистных сооружений.

— Деятельность организации направлена на разрешение глобальной проблемы человечества. Хотелось бы внести ясность в существо дела. Что это? Демографическая или экологическая проблема? Проблема минерально-сырьевых

ресурсов или энергетический кризис? Голод? Эпидемии или мировая война? Космические катаклизмы или стихийные бедствия?

— Глобальными для человечества являются все эти проблемы. Но, пожалуй, главным законом выживания является взаимосвязь всех ее составных элементов. Например, космос воздействует на все геологические и биологические процессы, на поведение животных и людей. Причиной войн и вооруженных конфликтов неоднократно являлись экономические, политические или даже экологические проблемы. Они, в свою очередь, возникают из-за формы распределения минерально-сырьевых ресурсов и других природных богатств, из-за перенаселения той или иной территории. Перенаселение, нищета, войны, стихийные бедствия способствуют вспыхиванию эпидемий, росту преступности, моральной деградации. Вооружение и войны поглощают огромные материальные и людские ресурсы, которые могли бы быть использованы не только для борьбы с эпидемиями, но и для разрешения других составляющих глобальной проблемы выживания человечества.

Экология, политика, экономика становятся все больше взаимосвязаны. Они создают неразрывный комплекс причин и

следствий. Источение земель, загрязнение рек и атмосферы приводят к заболеваниям, потере трудоспособности здоровыми людьми, а отсюда путь — к нищете, социальной напряженности. В свою очередь, нищета, голод, безработица усиливают беспощадную неодолимую эксплуатацию природных ресурсов. А демографический взрыв, индустриализация привели к тому, что среда обитания стала утрачивать химическое и физическое равновесие.

— Но, к сожалению, для многих проблема выживания человечества представляется чем-то фантастическим, нереальным. Подобный подход приводит к тому, что экономика, которая должна, казалось, способствовать процветанию человечества, развивается во вред миру и природе. Международные общественные, государственные и неформальные организации, пытающиеся решить составные проблемы выживания, разрознены в своих действиях. Они обычно ориентированы на двести локальные проблемы. Из-за этого возникает ненужное дублирование и разногласия, отсутствует целенаправленность действий. Что, по-вашему, необходимо для обеспечения единства?

— Во-первых, научная основа, создание теории глобальной проблемы выживания. Во-вторых, экономическая база. Необходимо также понимание и поддержка широких масс общечеловечности, их стремление к действию. Вот почему ассоциация «Спасем мир и природу» является союзом науки, промышленности, экономики, искусства, политики, направленным на решение глобальной проблемы выживания человечества в целом. К этой проблеме СМиП подходит комплексно.

Но, к сожалению, находятся люди, которые научно-технический прогресс и социальные перемены нашего времени пытаются регулировать с помощью институтов первой половины XX века. Облагченные властью, они не в состоянии понять глубокие изменения жизни, осмыслить глобальную проблему выживания. Те же, кто понимает это, зачастую ощущают

свою беспомощность и незнание, что надо делать, где искать идеи для нового политического синтеза.

Наша задача — объединить сомневающийся и растерявшийся. Прогресс немалым без увеличения финансирования социальных программ, программ образования или экономики энергии.

— *Насколько мне известно, создание ассоциации было небезболезненным. Были даже попытки приклеить вам ярлык «эсхатологии». Религиозное представление о конечной судьбе мира и человечества, вера в*

появление великого избавителя или мессии сегодня развиваются во многих религиях. Во времена социальных потрясений, политических катастроф мессианские верования подхватывались широкими народными массами. Есть ли что-нибудь общее у эсхатологии и СМип?

— Только одно — желание вселить в сознание людей надежду на выживание. Что отличает? Прежде всего то, что мы надеемся не на какого-то мессию или чудесного избавителя, а верим в объединенный человеческий разум и волю. Планетарная война против челове-

ства уже началась, но эту войну можно выиграть.

— *Является ли национальная проблема составной глобальной проблемы выживания?*

— Несколько лет назад мне пришлось встречаться с работниками Чернобыльской АЭС. Когда речь шла о глобальной проблеме выживания и национальных проблемах, один работник спросил: «Может быть, в других странах национальная проблема стоит так остро, что ее нужно включать в проблемы выживания?.. Но у нас — то единая семья!»

Да, так нас учили в школе, так каждый день утверждали средства массовой информации.

Но закипели события в Армении и Азербайджане, в Прибалтике и Молдавии, начались националистические страсти на Украине и даже в Туве. На сегодняшний день в нашей стране нет ни одной республики, где не поднималась бы национальный вопрос. Дело дошло уже не только до политических дискуссий, льется кровь людей разных национальностей, убеждений и верований. Национализм — явление планетарное, и если в какой-либо стране он затихает, то все равно он является составным элементом глобальной проблемы выживания.

— *И последний вопрос. Вадим Николаевич, что, на ваш взгляд, может сделать каждый в решении глобальной проблемы выживания?*

— Это может показаться банальным и незначительным, но себе самому всегда следует напоминать: я пятимиллиардная частица человеческого, часть великого организма. И начинать надо с самого простого — с отказа от вредных привычек. Соблюдать во всем режим экономии, участвовать в миротворческо-экологическом движении. Беречь собственное здоровье, потому что оно — достоинство мира, частица природы и человечества.

Никакая программа решения проблемы выживания не будет реальной, если каждый не почувствует себя лично ответственным за судьбу мира и природы.

Беседу вел Андрей Советов

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Восстанет ли Зевс?

Мы пытаемся постигнуть прошлое, создаем иллюзии проникновения в будущее, но настоящее будет вечно довлеть над нами, вести нас только ему ведомыми путями, расставляя ловушки и уготовливая измены тому делу, которому сегодня мы так ревностно служим. А мы, как слепцы, устремляемся за прекрасными голосами сифен; они заглупотизировали нас обворожительными словами и красивыми фразами, за которыми уже трудно разглядеть скрывающуюся действительность. И мы не можем проснуться, заметить, что водят нас сифены по одному и тому же магическому кругу, вечно порождаящему деспотию.

Однако сон, даже длиною в вечность, все равно когда-нибудь заканчивается. И чтобы вырваться из этого замкнуто-

го круга, надо разобраться прежде всего в самих себе и в том, что происходит вокруг нас.

Трагичность положения России заключается в раздвоенном характере происходящих в ней перемен. В отличие от Прибалтики, где возрождение национального самосознания и создание правового государства — процесс неразрывный, представляющий собой как бы двучленную задачу, Россия разделила себя на два противоположных, непримиримых лагеря.

Как объяснить эту разорванность? Старые рассуждения о космополитичности русской интеллигенции и, как результат, отпадение ее от патристического движения вряд ли нас сегодня целиком удовлетворят. Действительно, в основной своей массе русская интеллигенция воспринимает демократические идеи как само собой разумеющуюся правду. Зло и несправедливость нашей общественной жизни оскпляют нашу мысль, делают ее примитивной, и все противоположное нашей гнетущей реальности воспринимается уже как великое благо. И цель демократии уже представляется нам совершенно элементарной: через демократическое государство — к созданию свободной личности. Однако в такой упрощенной форме идеи демократии снимают ответственность с личности и формируют мораль, нацеленную на ожидание того, что всякое богатство жизни придет извне. А это и есть путь вырождения демократии, путь измены демократии.

Найдутся, конечно, оптимисты, которые станут доказывать, что не имеет кто-либо права вновь ставить эксперименты над народом, уже пострадавшим свою Гологофу и испытывающим великое чудо воскрешения. Но будущее заложено в нас самих, бытие человеческого духа «заминировано» свободой. Свобода реализуется, вырвется из плена, преодолает гнетущее нас рабство. Но это не должна быть свобода, при которой теряется личное и национальное самообладание; расковывание хаоса не уготовливает демократию, оно делает ее невозможной. Это всегда дорога к насилию и деспотии.

Процесс выхода свободы из плена должен сопровождаться повышением ответственности, способности господствовать над собой. Только человек от-

ветственный может быть истинно свободным. Воля должна быть устремлена к существованию в свободе, к перерождению собственного «я». Этот внутрисоблаженный процесс приведет к изменению общественного строя, но в этом случае в соответствии с реальным направлением народной воли. Однако этот путь не самый легкий. «Труднее всего, — подтверждает Александр Солженицын в «Красном колесе», — прочертить среднюю линию общественного развития: не помогает, как на краях, горло, кулак, бомба, решетка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твердого мужества, самого расчетливого терпения, самого точного знания».

Мы же снова сегодня собираемся идти самым легким путем, не подозревая, что он может быть самым опасным...

Ведь только на первый взгляд трудно объяснить, почему еще год назад на многих собраниях по выдвижению кандидатов в депутаты творилось нечто, мало похожее на человеческий диалог либо дискуссию: кандидаты не выпускали на трибуну, осмивались, кричали, мешали говорить, устраивали неудобным обструкцию, даже не выслушав аргументы. Такое поведение — не что иное, как прямое следствие эпохи тотальных запретов, приказов и инструкций, существовавших ранее. Но если в прошлом собрание превращалось в пустую формальность с молчаливого согласия его участников, то сейчас любое собрание можно свести на нет, имея «луженые глотки» и весистые кулаки. Еще не так давно многие наши государственные и партийные руководители иначе, как окриком или приказом, с людьми не разговаривали и были непримиримы к любым формам инакомыслия, то сегодня уже народ не желает и не умеет вести дискуссию.

И если в свое время мы справедливо возмущались бюрократической затеей — окружными предвыборными собраниями, позволявшими аппарату отсеивать неудобных кандидатов, то сегодня эту практику приняли на вооружение «новые демократы», деля людей на «чистых» и «нечистых», от-

браковывая неудобных кандидатов и оставляя за собой право решать, кто из демократических кандидатов более достойный, более «равный среди равных». Лучше послушный, чем инициативный, смелый и решительный. Так начинают закладывать основы будущей тоталитарной системы.

Сегодня эти «новые демократы» повели за собой истстрадавшиеся народные массы, придавая главное значение агитациям, митинговым выступлениям, считая их лучшими средствами скорейшего освобождения от вопиющего в нашей жизни Зла. Но в основе подобной деятельности лежит ошибка не только политического, но и морального характера, то есть представление о том, что изменение общества не есть плод совершенствования человека, а карта, на которую следует ставить с тем, чтобы выиграть в исторической игре.

Демократия не есть просто совокупность демократических институтов, а выработанная в народе посредством самовоспитания способность к самоуправлению (зашло в тупик вузовское студенческое самоуправление в стране, не достигли ожидаемой цели и попытки создать его в нашем вузе. Рассуждали мы примерно так же, как и большинство сегодняшних демократов: создали Совет студенческого самоуправления, и все проблемы автоматически будут решены. Ан нет. Студентов, способных и желающих принять участие в общественной институтской работе, оказалось единицы).

То же ожидает и сегодняшних демократов, которые, может быть, завтра придут к власти. Придут и увидят, что с народом, еще не готовым к демократии, не осознающим, с какой ответственностью она сопряжена, цивилизованное общество построить нельзя. И где гарантии, что они не найдут единственно приемлемый, на их взгляд, способ управления людьми (на первом этапе обуздание толпы): реакцию?

Так неужели у нас нет шансов вырваться из порочного круга? Есть. И история подсказывает его нам.

Во дни святого Сергия Радонежского экономическая самостоятельность и духовная сила

московских «небывальцев» сломали ненавистное ордынское иго, а на исходе великой смуты в дни гражданина Минина и князя Пожарского именно предпримчивые, хозяйственные русские люди сумели взять власть в свои руки и изгнать из Кремля иноземных захватчиков. О свободной казацкой волинице до сих пор слагают песни, ведь именно эти экономически независимые люди первыми вставали шитом на защиту Родины и были лучшими воинами. Я думаю, что теперь уже многим становится ясно, что главный залог спасения Отечества — возвращение отнятого у народа богатства в руки тружеников. Тогда трудно будет кому бы то ни было вновь захватить власть и лишит снова народ воли, ибо, как совершенно правильно выразился Петр Столыпин, «достаток — это и есть кованая свобода».

Во всех религиях мира существовал сюжет, более всего нам известный по греческой мифологии. Кронос свергнул с небесного престола своего отца Урана, осклопил его, лишив жизненной силы, и сочетался с матерью-Землей. Кронос смертельно боялся новых поколений, которые должны были прийти ему на смену, и вместе со своей старческой гвардией атлантов поддерживал им же установленный порядок при помощи всего двух «безобидных» приемов: запрета думать и небольшого каннибализма — поедания собственных младенцев. Казалось, что это должно продлиться до бесконечности. Однако мы знаем, что Зевс при помощи матери Геи восстанет против отца и победит его. Он еще мал, но он готовится к бою...

Но экзальтированные жадной предвещившей битвы с бюрократическим государством Кроноса, давайте не будем забывать, что именно Зевс накажет Прометея, когда тот принесет людям огонь.

*Валерий Цепкало,
студент Московского
государственного института
международных отношений*

Сергей Станкевич: «Я представляю степень риска...»

Жесткий ветер, клочья, ржавый звук... Тревога, оставляющая на лицах, домах, выбитых из земли руинах церквей, на вздыбленных дорогах свои разрушительные пометы.

Москва. Мой город... центр родины, державы, мира...

Москва — центр Вселенной...

Для Космического содружества, которое существует, по мнению некоторых ученых, мы все еще потенциально мыслящая цивилизация, на счету которой 12 500 малых и больших разрушительных войн. Кто из нас почувствовал это «горькое дыхание истории», кто понял, что пришла злосчастная пора — пора выбора пути, тот сделает свой выбор в пользу будущего.

Новое время сказалось во всем — в правительстве, в литературе, в обществе, в народе — много было неловкого, неискреннего, смутного, но все чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идем.

*Немая страна приучилась к слову, страна канцелярской тайны — к гласности, страна крепостного рабства — роптать на ошейник...
А Герцен*

Кто эти люди, вышедшие в путь? Их лица, лики отразятся в мировом звездном океане и в каждой речушке, молящей о спасении. Вот почему важно Лицо человека не газетное, не телевизионное, не политическое. Не в иподастии... а приватное лицо. Ибо суть будущей жизни — частное человеческое лицо лиц... Открытое, не искаженное ужасом войны, судорогой сталинских лагерей, не обугленное радиоактивной пылью застойных дорог, не ослепленное тупостью быта, без биографии-характеристики (глянцевой, ни-ни компромата), без

четкого черно-белого фото (5×4; 3 шт.), где к лацкану пиджака аккуратно прикручено множество вымученных, вымороченных, фальшивых дат.

«...и вот меня вызывает в райком второй секретарь. Сначала со мной говорит помощник, корректно, без нажима... но, видит, напрасно, и уже бюро в полном составе, весь секретариат в креслах и прямо в лицо: «Это диверсия... топчешь партию...» — и всякое другое. Вспоминают митинг в Лужниках, другие митинги, зачитывают выдержки из выступлений... цитируют...»

Сначала в пылу хотели сразу исключить, но потом вдруг: «Надо помочь, молодой коммунист, может быть, посоветуем ему снять кандидатуру?» И все как будто обрадовались, нашелся выход. «Правильно!» — подхватили.

Я отказался. Сказал, что делать этого не собираюсь. Не стану лгать. «Ну, хорошо, — говорят, — до выборов три дня, могут найтись крикуны, скажут — оказали нажим! А этого

нам не надо. Поступим иначе. Вы ответите подпись под телеграммой, выступите в печати... и все будет нормально!»

Конечно, я отказался. Тогда предложили последнее — «Исключить!» И началось обсуждение...»

Вступление

Надежда подобна ночному небу: нет такого уголка, где бы глаз, упорно ищущий, не открыл в конце концов какую-нибудь звезду.

О. Фелье

— Да, — ответила я, — буду писать. — И посмотрела на фото. «Сергей Станкевич (36 лет), — говорилось в газете — неистово независимый интеллект — впервые вышел на первый план в 1988 году, когда организовал московский Народный фронт — первую политическую группу, бросившую вызов монополии Коммунистической партии на власть. С тех пор он неутомимо трудится во имя торжества парламентской демократии в качестве народного депутата СССР, а также заместителя председателя Моссовета».

«Вы о ком говорили?» — спросил меня обедающий тут же, в редакционном закутке, коллега и посмотрел на фото. «А... о молодых политиках! Новой генерации. Ге-не-рация — слово-то какое, ты вслушайся!»

Я промолчала.

«Такой колбасы я еще бы съел! — сказал он обиженно. — Да ты души-то не щипи, у тебя одно вечное клише — одно на всех! А они интересны прежде всего... — Он замолк, подыскивая слово, потом выпалил убежденно: — Рассудочность...»

Я посмотрела в темноту: «...бетховенский стук судьбы в окно остро чувствовался, и смертельным ужасом сжимались сердца...» (П. Флоренский)

Это были первые дни после доклада Николая Рыжкова, когда в Москве стали торговать, просматривая прописку... не было войны... не было карточек... был май 1990 года со

¹ Речь идет о телеграмме в защиту Б. Н. Ельцина. (Примечание автора).

всеми вытекающими речушками, дождями, подводными политическими течениями, следствиями и последствиями.

Переходный период от весны к лету, от неутожных тревожных дней к теплу или бог знает к чему... В один из таких дней я подошла к Сергею Борисовичу Станкевичу. Неровное солнце осветило его лицо, высветив самую суть — внимательность ко всему, что окружало.

Мы условились о встрече.

Штрихи к портрету

Истина не может заставить человека быть недобрым или самоуверенным. Проявления истины всегда кроются, смиренны и просты.

Л. Толстой

Некоторое время мы сидели молча. Станкевич рассматривал книгу со статьями и выступлениями А. Д. Сахарова, а я — кабинет... Да... безнадежно пустые тяжелые стены... белые воротнички... черные костюмы с

пригнанными галстуками...

Сергей Борисович поднял глаза, мягко улыбнулся и сказал:

— Да... тут не очень-то уютно. Я тоже сразу это почувствовал. Сразу освободил стены... — И, листая книгу, продолжил: — Встреча с Андреем Дмитриевичем была для меня замечательной удачей. Сначала я познакомился с легендой. О нем говорили как о всезнающем пророке. Рассказывали, что он всюду ездил, всех защищал — обиженных, диссидентов, говорил одними афоризмами... Потом встреча в депутатском клубе. Собрались во второй раз. Все ново, неожиданно. Спорим о повестке дня съезда, о регламенте, о необходимости изменений в Конституции, о порядке избрания Верховного Совета... о многом другом. А поскольку я долгие годы изучал парламент, его классическую модель, у меня тоже было несколько задумок, которыми хотелось поделиться. Я говорил с Г. Поповым, с Ю. Афанасьевым... Одним словом, «разошлись» — строим планы, «ломаем копыя!» Время идет... Андрей Дмитриевич в сторонке — дремлет ли, думает ли? А к концу встрепенулся и говорит, все, о чем вы тут спорите, что предлагаете, все очень важно и интересно, но у меня так не получится, я стар, чтобы учиться политике, я могу сделать что-нибудь самое простое, и я готов сделать это простое, готов встать и рассказать, о чем думаю, и все честно... Этот день я запомнил, — сказал Сергей Борисович. И, протягивая книгу, добавил: — Сахаров не тиражируется!

Звякнул телефон-вертушка. Так странно называется правительственная связь. Наш разговор прервался.

Удивительная категория — воображение. Оно вдруг перенесло меня из этого старорежимного здания в скромный заальчик, где вечно стоит тишина... где среди венков и букетов Андрей Дмитриевич Сахаров в строгом черном костюме без орденов. Летит печальная музыка, движутся люди — резко сжимает грудь — тяжесть бед. Слезы, цветы, скромная надпись на алой ленте «от Союзницына с любовью...». Улица, люди...

...Кажется, вся Москва вышла проститься... Радиоголос приносит: «...колонну возглавляют народные депутаты СССР Станкевич, Гаер, Ельцин, Куценко...» Гражданская панихида... зажженные свечи... на траурной трибуне Г. Попов, Ю. Афанасьев, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Д. Лихачев, С. Станкевич, А. Собчак, Г. Янукин, А. Мурашев, представители Московской трибуны, «Саюдиса», балтийской депутатской группы... польский сенатор Збигнев Ромашевский, Клаудио Мартелли — вице-председатель совета министров Итальянской Республики.

Траурный митинг открыл Дмитрий Сергеевич Лихачев... «Он был настоящим пророк. Пророк в древнем, исконном смысле этого слова, человек, призывавший своих современников к нравственному обновлению ради будущего...»

15 декабря на заседании съезда Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Горбачев сказал: «Я разделяю чувства делегатов съезда. Воспринимаю эту беду всем сердцем, с огромной болью...» На Востряковском кладбище родные, друзья, Посол США Джек Ф. Мэтлок...

Скорбно плавающий кортеж, клятва — прощание сжатых в молчании рук и понимание вечности жизни — всё продолжается: вера, надежда, любовь... И среди нас есть и будут люди, для которых, как и для Андрея Сахарова: «...человечность стала политической сама по себе... стала новым мышлением, новым чувствованием, абсолютным нравственным компасом» (Ю. Карякин).

Зазвонил телефон. Я положила книгу на стол. Станкевич снял трубку и сказал:

— Все в порядке.

— Что? — не сразу поняла я и поглядела в его осунувшееся лицо.

— Все в порядке, — повторил он. — У нас сейчас как — чуть малейшее напряжение, и вновь воспроизводится гражданская война. Крик, самосуд. Вчера — к стенке контрреволюционеров, сегодня — аппаратчиков. В государственстве разруха, и «петь» вместо работы? Кому мы прокладываем дорогу, прошибаем стену... Товарищам, которые

органически не способны делать дело. Гробим здоровье, душу, времени в обрез... а они митингуют. И ничего не объяснишь. Эдакий порочный круг бессмысленных дебатов и номенклатурного маскарада! А что москвичам? Обездоленным старикам, детям, беженцам? Ведь Москва была вечным городом стол-о!-начальников.

Люди ущербенно к этому притерпелись. Обидел один, жаловались другому. Били челом Христа ради, пока душу не выворачивало. Редкие чудачки обращались в суд. Приходят письма: «Мы вас выбирали... дайте немедленно, иначе зачем демократия?!» или «Скорее земаи, воли, раскрепостите... обеспечьте свободу действий». А где сознательный выбор? Где желание работать вместе?

Он уперся локтями в стол и задумался, но ненадолго: в кабинет кто-то заглянул, и Станкевич вышел в приемную.

...В неподвижности стен, в чопорности мебели, в уходящем вдаль тяжелом бордовом ковре, в шквале звонков, писем, жалоб, в топоте ног, в шуме людей, спящих по коридору в поисках Гавриила Попова и Сергея Станкевича — они были нужны всем и сразу, — видела мне враждебный человеческому естеству бешеный ритм, некое напоминание в лоб, стук молоточка — спеш! Твое время истекает... Но время — не любовь... время — категория относительная, его нет как такового... Поэтому за окном все шло своим чередом — стояло теплое лето, светилась трава от звезд, люди бродили в парках в легких цветных одеждах и говорили друг другу нежные слова... И только в Московской думе мысль не смыкала глаз... Я отошла от окна и прислушалась.

— Зачем устраивать эту бесплодную безнравственную атаку на кабинет мэра и его заместителя? — тихо, но твердо говорил кому-то Станкевич. — У нас еще 460 депутатов и громадный депутатский корпус. — Он помолчал и закончил: — Наша задача и состоит в том, чтобы создать миллионам москвичей условия, в которых они могли бы помочь себе сами... Да... да... и путем независимой от государства экономической деятельности, защи-

щая свои права через суд, обращаясь в прессу. И всем этим мы занимаемся сейчас! — Он закрыл дверь и пошел по кабинету. — Жием в условиях военной атаки. «Кричат загонычки, и лают псы до рвоты, кровь на снегу и пятна красные флажков!» К чему этот крик? Люди не понимают, что существуют два способа погубить демократию: первый — задушить ее в зародыше, второй — дать ей безграничные просторы. Знаете, сейчас особенно тяжело. И вот заставляю себя не писать стихи... задавил в себе... а потом... саморазрушение... нечто подобное я испытываю и при разлуке, когда уезжаю...

Я поняла, что он говорит о Родине.

Темнело. Мне стало как-то грустно. Как-то не по себе...

— Сегодня особенно хочется послушать музыку... Чайковского... — закончил он. — Но, к сожалению, не успеваю...

И я спросила, вставая: — Так жертвовать всем? Ради «роковых» процедурных вопросов?

— Процедурных? — переспросил он и улыбнулся. От него исходил свет надежды. — Да... да, готов! Не ради процедурных, конечно. Готов. Остудятся страсти, вернемся к рабочей атмосфере. Сосредоточимся. Начнем работать, и сейчас уже сделано немало.

В комнату вошел помощник Андрей Лямочкин... зазвонил телефон... вошли люди...

— Мы совсем не успели поговорить! — расстроилась я.

Но Станкевича уже окружили и заговорили все разом.

— Вот тебе и политика, думала я, спускаясь по темной лестнице, ни театра, ни игры, ни каламбуров, ни ржемого парика — все жизни: и горькое, и сладкое. Толкаясь в автобусе, я открыла книгу и прочитала: «С какими муками я начинал! Каким холодом целыми днями преследовало меня написанное. Но так велика была опасность и так ничтожны были давние его передряжки, что я совсем не чувствовал этого холода...»

Как на свиданье с юностью моей

...Уходит на юг птичья стая. Присяду у сонной реки. Здесь ветер листает на тихой осине

И представилось белое легкое здание института... Колонны, коридоры... аудитории... и баллы высшие... По ажурным лестницам, не держась за перила, бежит поток — молодые лица, смеющиеся глаза — «Мы в списке!». А завтра еще вперед... а сегодня — вверх, вниз, движется, толкают друг друга плечами.

И я прошла по зданию института, дошла до общежития... и встаю перед глазами длинная казарма с закрытыми изнутри дверями, солдатская тишина... Только капает время из небрежно брошенных рукомоиников да что-то дымит, парится, бродит на темной забытой плите. Живая душа, откликнись, какое сегодня число? Молчание в ответ...

Ни Ромео, ни Джульетты, ни Татьяны Лариной, ни Бакунины, ни Герцена... лишь четко слышу: бьет из рукомоиника, бежит, не останавливаясь, время. Может быть, отсюда потом идет по жизни «казарменная» дружба, плечо к плечу под хорутвями и с гусеницами танков, отсюда шестует по жизни и простая, как правда, любовь (слепая лампочка, простыня на окне, бой барабана — все с пылу, с жару, на ходу... Он надел сковороду!). А впрочем, какие новости... на плуц как на плуц, все на месте, все к лицу! Впервые, что ли, нам — холод *общежития, общепита, обще-какое там жития, об-лоно, об-кома, обстрога, обструкция, обовлаживание, обнищание, об пол...* лбом, а потом — неумение помолчать, выслушать, найти *общие душевные слова*. Известно, что агрессивность — черта характера, не профессии. Вот и здесь — грубость коридоров, окна без занавесок, потолок на полу... И грохот, и хохот, и вновь тишина... Лишь полощется на ветру афишка-клочок с грубо намалеванной девицей: «В городе Сочи — темные ночи!»

И мне скорее хотелось выйти, выбежать к свету, к облупленному дому с детскими колготами на ветру, не обустроенному, но еще не совсем погубленному, с абажурчиком, а не с голый качающейся лампочкой...

— Что Усачовка! — прервал мои невеселые размышления Сергей Станкевич и поспет-

лел. — Двери не закрывались... да и не было дверей в иных комнатах... по ночам музыка... приезжал Высоцкий... приходили какие-то люди, отерженные, голодные, кто спал, кто тут же ел что было, кто чай пил... жизнь была лихорадочная, болезненная, карнавальная... «чрево Москвы», Воронья слобода, одним словом, «дно», конечно, в понимании того времени. Поток смывал одни лица, приносил другие... Первые курсы... когда еще не было сверхзадачи, а потом вдруг неожиданная удача, так сказать, *обретение высокого смысла*... надо было выбирать: либо-либо. И я начал вытаскивать себя из себя. И цель была, и человек, который много помог мне. Мой руководитель Евгения Иванова Попова. Вообще скучать было некогда...

— Давит, гнетет, скучно здесь, — говорила мне нынешние студенты, толпясь у высокого бюста Ленина.

— А вы делаете что-нибудь!
— Да что делать-то?! — отвечали они, и выражение недоумения окрашивало уже детские их лица. На следующие мои слова они начинали злиться.

Да... здесь рождаются не поэты, а скорее революционеры, но не по убеждению, а по темпераменту, и осознающие себя не без некоторого самодовольства, с частью влияния на людей, еще меньше развитых и непривычных критически относиться к своему мнению. Здесь скорее произойдет разрушение лучших черт, а не их углубление, и возникнут люди, подавленные своими инстинктами, с вечным желанием защищаться, наступаая...

«А понимание свободы, — писал Н. Бердяев, — зависит от меры внутренней культуры человека, от степени его духовности. Свободный человек управляет собой... и свободу нельзя из ничего вывести, в ней надо изначально пребывать».

— Вот именно пребывать, — задумчиво произнес Станкевич.

— Это вы про характеристку? Что она действительно была?

— Да... была... и группа... и лидер, и несколько человек с ним, и подписи под характе-

листки. Здесь много шафля и так разрослась бузина. Здесь я, чуть робая, сказала Вам: «Я вакоблена!»

«В кого же?» — Вы тихо спросили, и я опустила глаза. «Ах, в реку, в осину, в Россию... в Вас, милый, в траву, в небеса!»

— Ура! Десятый класс!

— Да, — улыбнулся Сергей Станкевич — и чудеснейшим образом помолодел... — Романтическое время... Как-то задумалась — впереди десятый, и пошла адская работа. Решила раз и навсегда начать новую жизнь. Выдали отличный аттестат. Потом работала.

«Добросовестен, аккуратен, выдержан...» — из характеристики для поступления в педагогический. Экзамены. Сочинение: «Великая радость работа, в полях, за станком, за столом...» (Брюсов В.)

Работа как работа, отличная работа.

— А... — сказал Сергей Борисович, листая ее, — ведь тогда многое было напояк, школа воспитывала, ритуалы, эдакое демонстративное мышление, некий жаргон, которым пользовались все. Поэтому я скорее помню не события, а ощущения... Сам процесс... Сначала детство... как гусеница... потом «обрастаешь» догмами, как куколка, твердыми догмами... потом мучительно их сбрасываешь, а когда сбросишь... вот тогда и полетишь! — И он посмотрел на свою детскую фотографию с улыбкой...

ристиков, и кроме всего прочего, отменные: эгоцентризм, индивидуализм, прагматизм...

Счастливец тот, кто жил «в ногу» со своим временем, с тем временем... не углубляясь, не выпадая, не виновато погрязая. Нес его мутный поток, как щепку, и вынес — кого к широкому креслу, кого — при мехоньку к БАМу, кого — к тарбараму, кого — к светлему «комбудуцелю».

Это про них в букваре я учила, не соображая, но крепко запоминая: «Он честен и бестрашен, на суше и в воде, товарища и друга, не бросит он в беде, в трамвай войдет калек, старик войдет в вагон и старцу и калек уступит место он. Он гнезд не разоряет не курит и не врет не виснет на подножках, чужого не берет, его дворцы в «Артеке», его «Артек» в Крыму все будущее мира принадлежит ему... в Казани он татарин в Алма-Ате казах, на Украине украинец и осетин в горах (одну строку забыла, но помнила, что всем таким, как я, он пример!) И кто же он такой? Он — девочка, он — мальчик. Он — юный пионер... шагом шарж!

— Да нет... — спокойно возражал он. — Теперь-то я понимаю, у них было право так поступать, хотя я не понимал их искреннего комсомольского энтузиазма — выпадал, был виноват, что погрузился в книги, в науку, словом, в делание дела... и порой не замечал, что другие люди живут по своим принятым законам, а я как бы некий вызов, как бы бравировал...

А мне вспомнились ненароком оброненные им слова: «Каждый все же должен быть нацелен на исполнение своего внутреннего запаса, на труд, а не на гордыню, на свой долг. От исполнения внутреннего запаса каждого из нас, нашего внутреннего наполнения зависит будущее страны, государства личности, ведь, в конечном итоге, личность — основа всего...»

— Он сразу выделился, как один из самых блестящих студентов, схватывал самое главное! — рассказала мне Евгения Ивановна Попова, профессор, доктор наук, известный специалист по американистике. — Се-

режу я знаю с четвертого курса. Он был в моем семинаре по тематике «Проблема послевоенной истории США. Американский конгресс. Американский парламентаризм». Тема довольно трудная, требующая умения анализировать дебаты в конгрессе при голосовании. Много черновой нудной работы с обработкой перфокарт. Занимался математикой... математическими методами в истории. Выучил английский язык...

Помните, он первый предложил поименное голосование в Верховном Совете СССР. Он, конечно, сделал сам себя. И не только учился, всегда подрабатывал, не хотел родителей обременять, ездил на стройки. Все умеет — и поспорит мастер — скажет прямо в точку — и дело. Но и обидеть мог, не со зла, скорее по молодости — лучше всех скажет и не уступит... Защитился, конечно, на «отлично». Мы на кафедре в аспирантуру рекомендовали, его диссертация — из области математических методов в применении к истории конгресса США, и докторская... скорее всего будет на эту тему. У него всегда была цель воздействовать на политику в демократическом духе. И думаю, сумеет. Ведь не жалеет себя и организатор пресосходный, а Н. Винер считал это талантом редким и ценным. Но мне казалось, он был всегда излишне сдержан, не умел улыбаться, специал работать... Да... никогда не жил лениво, беззаботно...

Хлопнули двери. В комнату ворвались студенты-двоечники. Лица их были безоблачны, они спешили «залатать» дыры в зачетках.

— Что вас так много? — спросила я.

— Митинговали! — ответила за всех рыжий веселый парень. — А вот теперь... — и он развел руками...

Все они были с Усачовки... где когда-то и сам Сергей Станкевич пел и играл на гитаре, читал свои стихотворения...

«Когда вдоль зарастающих просек вал цветов всколыхнется от ветра... безответные любые вопросы... нет ответа... Помолчим... Откровенно чужды. Словеса, что пленяют нас с вами. Как назвать мимолет-

ное чудо?.. Нет названия. Не найти, не придумать — не выйдет. Пусть смирюсь перед этим уделом. Двум желаньям моим — жить и видеть. Нет предела...»

«При психической и нервной крепости я все же был всегда впечатлительным до самозабвения, — писал Павел Флоренский, — всегда был упоен цветами, запахами, звуками и, главное, формами и соотношением их, так что не выходил из состояния экстаза. Радость бытия и острый интерес переполняли все мое существо; я всегда кипел и ни минуты не оставался невозбужденным. Это происходило от силы впечатления и от повышенности внимания к ним. Для меня не было спокойных восприятий — таковые вовсе не доходили до моего сознания, всегда занятого чем-нибудь чрезвычайно интересным. Каждое восприятие связывается с другим, и сама собой строится уже какая-нибудь схема, где разнородное по малым, но глубоким, на мою оценку, признакам соотносено друг с другом...»

— В детстве я с родителями объездил страну от Прибалтики до Дальнего Востока. Отец по специальности юрист. У нас сейчас дети не считаются продолжателями, а вот я, — промолвил Сергей Борисович... и бережно, достав из поджака фотографию, посмотрел на нее и протянул мне.

Я взглядела в лицо, сравнивая.

— Это не лучшая фотография. Он много пережил. Был на войне...

Много пережил... это было лицо, отмеченное чувством внутреннего достоинства, которое так сразу не объяснить. Посмотришь и поймешь одно — этому человеку можно довериться.

С чего начинается любовь? К людям, к небу, к дороге, к родине?

Был дом, был отец, который сумел защитить этот дом, родину. Может быть, облагать всю правду о войне бесчеловечно, но знать и помнить, что на войне не бывает победителей, просто необходимо, чтобы сперечь мир от новых бед. Итоги каждой из войн чудовищны для любой из воюющих сторон. Ужас, сиротство, беженцы

страха, боли, отчаяния... труженики шарашек... узники советских...

«Я хочу превратиться в муравья и умереть под ногами страдающего ребенка...» — скажет поэт.

«Самое дорогое в человеке — чувство собственного достоинства... лагерь не делает человека ни хуже, ни лучше», — скажет прозаик.

Был май. Победа. Салютные залпы. Встреча — «Слава героям!».

Но чье бормотание доносится из-за дома, где собраны отбросы; чей шепот: раз, два, три... эта бутылка — на булку, эта пойдет — на кефир... а к ужину снова придут...

Мы вернулись... Слава героям... Мы все убиты на той войне!

Сергею Станкевичу вышло строить себя на малоощущаемых пластах. На земле, впитавшей в себя и боль, и праведную кровь, и пот отцов... С детства, вобрав в себя настоящее, а не ущербное тепло родного дома, его свет и звездное небо, он не затанит в себе «психологический яд», который многих приведет к мимой деятельности, к закрытому сознанию — «затаптыванию» цветов, людей, поверженных могил со сбитыми наземь крестами... Говорят, эмоции воздействуют на нас на клеточном уровне... видно, отец очень радовался сыну, если сын сберег это тепло, сделавшись продолжателем рода, перенес это тепло на жизнь.

Природа завершает и продолжает свое развитие одновременно и в ветке, и в стволе, и в корнях. Вот эти черты достоинства и мужской твердости, которые с первого взгляда привлекали в отца, были переданы в сына... Под внешней мягкостью проступала та самая сила, которую называют самостоятельностью или все сам, своим трудом, терпением, выдержкой. А ноша все та же, что и у отца, — жизнь. Вот откуда начинался этот рост души, дышащей законом золотого сечения. А этот закон — опорная точка не только каждой гармоничной личности, но также опорная точка здания — здания конструкции системы, той грядущей, самой прочной и легкой...

Наполнить смыслом каждое мгновенье

...Разве не может возникнуть правительство, в котором решение о том, что хорошо, а что дурно, будет зависеть не от правящего большинства, а от совета? В котором большинство было бы решающим только там, где можно применить правило компромисса?

Г. Торо

Слово «карьер» определяется старыми словарями как «поприще жизни». Поприще жизни Сергея Станкевича, его судьба политика и человека — яркое отражение процессов, происходящих в стране. Это судьба Нового дня. Шаги новых людей определяют не только будущее, но и решают текущее и осветят прошлое. Эти люди как бы под током, им некогда отдохнуть, расслабиться, присесть у реки... Они должны спасти эту реку, этот живо текущий ручей своим напряжением от обмеления, загнивания, мухи застывания.

Жизнь требует на каждом витке решения новых задач и новых усилий, Сергей Станкевич чутко улавливает этот момент перехода от одного витка к другому и делает каждый раз шаг навстречу.

— Это не какая-нибудь передовица в газете. Это судьба. Скоролапа ключьями слетала... Такая гротескно-трагическая картина. Ведь раньше я этого не знал. Пережитое помогло

уйти от многих прежних стереотипов. Это была живая жизнь, работа людей, их ужас, их полное отупление. Раньше мне казалось, что все недостатки нашей жизни — это не следствие самого общественного устройства, а следствие некой развращенности коррумпированной группы, — вспоминал он об одном из периодов своей жизни. — Раньше я вообще не представлял, как работала аппаратная система. Что может быть страшнее этого разнузданного самодовольства, чиновничьего хамского произвола. И эта вечная борьба за власть, за немедленную власть. А ведь сейчас не самое удачное время для игры политических страстей. Это трагедия, когда седина в висках, тоска в глазах, а человек все продолжает прежний ритуальный идеологический танец. Он давно уже все понял, он знает, что происходит на самом деле, и тем не менее в силу многолетней инерции продолжает глать себе.

— И все же как же быть?

— Надо работать всем тем, у кого мозги не набекрень. Тем, кого еще не раздвинула аппаратная школа. Мы подходим к качественно новому изменению всех аспектов жизни, всех ее основ — экономических, политических, идейных... впервые возможен союз всех сил — от умеренных до радикальных. Приход молодых к нам — это знак надежды, знак будущего. У нас множество проблем, медлить нельзя ни в одной из сфер. Уже приняты решения о передаче жилья в собственность населению, думаем о разгосударствлении торговли, налажен капитальный ремонт домов и дорог, открыта биржа, несколько зданий в Москве переоборудованы для родильных домов и детских садов, пытаются создать нормальные условия для развития кооперации, занимаемся зелеными зонами...

Дрогнули старинные часы!

— А времени так мало.

Угловатость комнаты ярко оттеняла задумчивое лицо. В нем как бы присутствовало сразу — твоих имен я знаю три — вернее, я не знала их, а только угадывала — несколько личностей, они при определенной сверхусилии добивались

концентрации мысли, которая иногда казалась озарением.

Сергей Станкевич легко поднялся, стер усталость с лица и сказала неожиданно:

— Иногда беседеешь с людьми... вдруг провалишься... вставнешься и снова за работу, домой добираешь поздно, дочка уже спит. Что поделаешь, ситуация напряжена. Забастовки...

— Это вы о заявлениях шахтеров?

— И о них тоже. Если есть ад, то он — там... — Он взволнованно заходил по комнате. — Вот представьте: черная непроницаемая мгла, со мною несколько человек с телевидения, им-то идти вообще необязательно, аппаратуру внести невозможно, но они пошли со мной. Шли по циклолотку в воде, проход в лаве узкий, ползти тяжело, все нависает, впереди — путь, а кажется, не двинуться, но шахтеры — работают... Ползешь — вдруг черный ком, а это человек... человек копошится — работает! Тьма, давление, жара, влажность... выплозди наконец. И такой спазм ужаса и сострадания.

Потом кладбище со страшными могилами... много одинаковых могил, и на всех одна и та же дата...

И такой теплым летний вечер, вы, наверное, знаете, что на могилы хлеб крошат... А тут — яркое уходящее солнце и алые яблоки с дерев падают, струятся, падают...

Возвращаемся — шахтерский барак и шахтер, который только что вылез из этой щели, вернулся «домой», в барак... Он каждый день приходит сюда и каждый день знает, что здесь дед его умирал, отца выносили. Сам он здесь умрет и сын его. А сейчас пока сын играет во дворе, по которому стекают изо дня в день канализационные стоки! Такое не забудешь, пока жив. Помните фильм Говорухина «Так жить нельзя»?

— Я не смотрела.

В дверь заглянули.

— К вам из театра.

— Сейчас... Конечно, время скудное, тяжелое. Аппаратные силы, проиграв на выборах в Москве и Ленинграде, пытаются

ся удуть оба источника «демократической заразы», путем изоляции организовать необъявленную блокаду. Москва — сердце России, и если перерезать артерии... одним словом, от судьбы демократии в Москве и Ленинграде зависит судьбы демократических движений не только России... И все же, пусть я выгляжу безнадежным идеалистом — нельзя зреть. Надо думать о будущем — об искусстве, культуре, Храмах... Пока мы думаем об этом в сегодняшней тяжелой обстановке, когда не хватает самого насущного, Россия не погибла, ее душа жива и все будет нормально.

Он встал.

— А каков выход из критической ситуации? — заторопилась я.

— Перестройка отсчитывает шестой год, а мы не дальше от пропасти, а все ближе к ней. Правительство трижды меняло свою программу. Но ведь так можно затягивать до бесконечности. Уповать уже не на что. Мы не те, что пять лет назад, и видим больше, и понимаем больше. Путь ясен — правительство Рыжкова должно уйти в отставку, на смену должно прийти новое коалиционное правительство доверия, способное решить немедленно насущные проблемы. В наших сердцах говорит не месье, а горькая осознанная решимость. Нам нужен шанс, нужен простор для долгожданных перемен. Уже сегодня должна быть принята программа Шаталина — Явлинского, поддержанная Ельциным и Горбачевым. И как можно скорей должен начать действовать цивилизованный рынок. При этом — полный отказ от пожарных методов, от вьшейшей в нас штурмовщины, отказ — с переходом на опережающее управление, с готовностью принять ответственность и разделить с народом все трудности, отказавшись от всех привилегий...

В дверь постучали.

— Люди не виноваты, — быстро закончил он, — они не выбирали, в какое время родиться. Их проталили через мясорубку, а в конце... — он не договорил и, прощаясь, добавил: — Поэтому я категорически против строить целенаправленно

внешне новое общество. Надо просто жить по-людски, не забывая каждого человека. А для этого давно нужны перемены.

К постижению истины

Разве должен гражданин... отречься от своей совести во имя законодателя?... Надлежит воспитывать уважение к справедливости, а не к праву. Единственной обязанностью... является поступать так, как в данную минуту я считаю уместным.
Г. Торо

Я спросила разрешения и стала рассматривать книги на полке. Вернее — корешки книг. Здесь были «Вехи», томик А. Ахматовой, «История России», «Сумерки богов», тома Н. Некрасова, Лесков, «Проблема воспитания Европы», «На пути к свободе совести», книги по математике, А. Рублев, много книг на английском языке, «Птенцы гнезда Петрова», Н. Бердяев, П. Флоренский, Булгаков, Солженицын, тома Щедрина... книги были не новые, хорошо и долго читанные. Особняком лежала открытая книга, я заглянула — это была Библия (Екклесиаст). Книг было множество и всюду, поэтому я бросила их рассматривать... взяла фотографии — здесь были и семейные фото, и задумчиво глядящий Сахаров, улыбающийся Валенса, на цветном фоне, у парапета, неприличный Маркс, моментальная сьемка съезда, фотография Горбачева в движении...

Что-то дописав, Сергей Борисович прервал паузу.

— Совершенно никогда читать, хорошо, что еще можно читать в дороге — сорок, пятьдесят минут, пока едешь по московским делам, да обед прихватываю, если удается, — и он с тоской оглядел полки. — На размышление нужно время, чтобы не шараяться из стороны в сторону. Мир переходит на новый экономический уклад, к природосберегающей, науко- и интеллектотемной экономике. Если мы не поспеем к этому переходу, то рискуем отстать навсегда. А наши конфликты! Все — социальные, экономические, личностные, политические — не перечесть. Нужна реабилитация конфликта, ведь

без очищающего конфликта не обойтись. Поэтому необходима определенная культура несогласия — цивилизованный конфликт. Самоограничение по принципу «не навреди». Разумные компромиссы, которые не расценивались бы как «измена принципам». Ведь порой одно неосторожное слово — и поломано столько доброго...

Да, действительно у нас повсюду много раздражительности, амбициозности, желания ущипнуть или распухнуть. Спорят обо всем на свете, забывая порой заглянуть в свою душу. Спорят, конечно, и о новом политическом движении. В одной из статей о Борисе Николаевиче Ельцине утверждается, что политик должен быть предсказуем. Думается, что такое заявление звучит прямолинейно на фоне усложнившейся духовной жизни нашей политики. Разве не главное в этой жизни оставаться самим собой, какие бы ярвайки тебе ни клеили. В этом отношении Сергей Станкевич не обижени. Ему достается с обеих сторон. Он и «центрист», и «конформист», и «левак», и чуть ли не «реакционер»... Пишут и говорят разное. Там, где от него «собравшиися ждали суперреволюционности... он вопреки ожиданиям...».

Или вдруг он «назвал практику тотальной конфронтации худшими чертами большевизма...».

А этот вечный наш грозный окрик «горячих голов»: «...разделяют ли представителяи Мос-

совета оценку Президента, данную Станкевичем...» А он — Сергей Станкевич, вступивший в партию «на горбачевской волне», он — связавший свою жизнь, свои надежды и поммыслы с движением перестройки, неизменно все эти годы подчеркивает совершенно искренне не «левое», не «правое», а именно свое понимание этого процесса и личности, ознаменовавшей новое время.

«Преимущество М. С. Горбачева в том, что он как бы соединяет в своих руках два мира — старый, уходящий, и новый, нарождающийся. Причем удерживает эти два мира от фатального конфликта, от насильственной конфронтации. И в этом качестве он незаменим. Горбачев, пожалуй, единственный, кто мог начать этот поворот...»

«Из множества качеств, которые отличают всякого большого политика,— пишет Станкевич в своей работе «О феномене Горбачева»,— выделю два: умение видеть ситуацию и умение видеть человека. Горбачев то и другое видит предельно точно.»

И как бы его ни «крестили», Сергей Станкевич вечно остается самим собой — прежде всего свободным человеком, личностью... и это понимается, принимается и, в конечном счете, оценивается современниками — и близкими людьми, и далекими, и депутатами, и недепутатами...

При выдвижении на пост Председателя Верховного Совета СССР молодых политиков Сергея Станкевича и Николая Федорова характеризовали следующим образом:

«Председатель Верховного Совета должен быть независим от Президента СССР, иногда в интересах законотворческого процесса, вместе с парламентом и противостоять ему, что логично вытекает из принципа разделения властей... в интересах дела должен уметь вести конструктивный диалог со всеми парламентскими течениями, иметь высокий уровень компетентности. Предложенные кандидатуры полностью отвечают этим критериям.»

Не амбициозное самолюбие, не ущемленность невосполненной мечты, не престижность, а «глубокая боль за родину, за судьбу демократических пере-

мен» движет Сергеем Станкевичем и такими, как он, все эти годы.

Я не из левых и не из правых... «я — из концлагеря»,— отвечает Владимир Буковский на этот вечный вопрос. И такой ответ близок каждому из нас, близок тому, кто принял боль и горечь земли своей, политой слезами, придушенной стонами... тому, кто делал по ней свои первые робкие шаги и кто прижмется к ней, исторгнув последний вздох, с прощальной любовью...

Но разве мы не пострадали свое право на самих себя?

Дома я бережно достаю запрещенные книги. Начинаю листать... Бердяев, Солженицын, Розанов, Замiatин, Ахматова, Чаадаев... Листаю долго-долго и вспоминаю время, когда вот так же бережно разглаживали мы под партой тонкие папирусные листки, вчитываясь в запрещенные слова... Конечно, перестройка не только в свободе слова. И все же в начале всего — Слово. Свободное слово Горбачева... Все послушно прислушались. Потом удивленно зашептались, потом заговорили вполголоса, потом разом — громко — хором — митингом. Нашлись любители по старинке одернуть: «Какое общественное мнение? Разве у гусударя нет своего мнения?» Но было поздно, резба была сорвана. Мы вступили в век политики нового мышления. И путь личности, возвестившей этот век — труден и драматичен. Как путь всякой необычайной личности. И впереди нас ждало много чаянного и нечаянного.

Горбачевым был сделан самый первый, самый бесповоротный шаг — навстречу будущему. И этого шага уже никому не повторить. И остановить невозможно. Этот шаг — движение в ходе самой истории.

«История персонафицируется в людях...» (Н. Бердяев) А людей выдвигает время. Само время, насыщенные бурными событиями, выводит на острые проблемы, а проблемы вызывают людей, способных разрешить их всей своей жизнью. И эта длающаяся непрерывная связь...

Известно, с каким трудом наша политика освобождается от въевшихся в саму ткань жизни стереотипов. Именно

поэтому важно, что «новая волна» политиков — это прежде всего личности, имеющие свой личностный взгляд на мир, свой выстраданный индивидуальный путь.

Это явление личностей и есть ответ на всеобщее застойное желание предсказуемости — касается ли оно нашего времени или отдельной личности, вызванной этим временем. Черты, которые отмечают современники в новых политиках, — надежду изменить мир к лучшему, интеллигентность, честность, бесстрашие, желание быть полезным своему народу — а в Сергее Станкевиче я бы отметила врожденную мягкость к людям и жесткость к себе, могущую обернуться болью, переплетение дара предчувствия и умение видеть реальный мир, видеть и не отступать — все эти черты, которые обозначались мне при кратком знакомстве, говорят о невозможности конечных решений в творящей личности, в творящей природе.

И здесь Сергей Станкевич, как, впрочем, и все мы, *продолжатель* — звено в живой цепи, потому что как бы мы порой от себя ни отрекались, нам никуда не уйти от наших исконных традиций, своей памяти, устоев. Думаю, он часто вспоминает любивших и любящих его людей, близких — верщих в него. Ведь это те островки родной земли, которые держат еще наше тепло и помнят легкие шаги наших отцов. Это те проталины, на которых может выстоять человек, сохранивший *доверчивый свет любви к людям*, той памяти — до грани, до национальностей, до языков. Тех времен, когда людям был ведом лишь один жест, который спас их. И этот жест: «Возьмемся за руки, друзья!» — вот его словесный смысл. С этого жеста начиналась наша человеческая жизнь с ее уходящими вдаль — дорогами. Мы древнее самих себя, древнее вражды, мира, древнее Земли, ибо принадлежим Вселенной, большой нашей Родине. «Горькое дыхание истории» (Н. Бердяев) — это лишь один из наших путей памяти.

На пристрелянном месте

Цель мироздания — развитие духа, и первое условие развития духа — свобода.

Ренан

Уходит в прошлое время «диктатуры личности», время героев и злодеев. Встает вопрос об открытости человека, партий. Усеченная личность или группа личностей (партия), вымещающая свои неисполненные возможности на людях, сведена с арены, трибун и воспринимается без смятенного страха в коммунальках съездов и кухонь...

На фоне надвигающегося на Землю экологического смерча нам нужно сберечь *доверчивое человеческое лицо*. Ибо только свободный человек определит и свод законов и сохранит теплое дыхание рек и зрелость колоса...

«Никогда, ни в один век, — писал мыслитель, — какими бы бластательными открытиями они ни были ознаменованы, проблема смысла жизни не вставала перед человечеством так остроактуально, как в последнее время...»

«Мы стали *другими!*» — скажет в своем *покаянии* в Проценко воскресенье 1990 года Сергей Станкевич перед тысячами людей, собравшихся на митинг защиты перестройки на Зубовской площади. — Мы пришли сказать тем, кто облечен властью... Время бездумного послушанья прошло, власть догмы рухнула навсегда. За то, что мы не могли сделать этого раньше, *прости нас, Россия!* — и площадь повторит велед за ним: «*Прости, Россия!*»

«*Исключить!*» — И началось *обсуждение*.

Потом много раз *вызывали*. Так называемые *беседы в идеологическом отделе*. *Однажды в разгар «политических страстей» вызывают. Прихожу. Не успел спросить: «Зачем?» — работник руками замахал: мол, потому, а сейчас у него срочные дела. А делов-то... Едем, говорит, в горьком, показывать макет оформления района, и что-то там еще о первомайской демонстрации и колонне...*

Это был *а-по-феоз*, когда в таком малюсеньком эпизоде *концентрируется все — вся*

«наша» тмимая деятельность, все «наши» мнимые фальшивые отношения с людьми. Вышел... и вдруг обнаружил в себе такое ожесточение. Это была сильнейшая встряска. Некая сверхконцентрация боли.

Эту их мелодию «Подбор и расстановка и воспитание кадров» — *петь можно — можно в целую симфонию развернуть. Каков афоризм! А?! Какая концовка... — воспитание кадров... Вот где она, сверхконцентрация идеи!*

В здании Верховного Совета СССР 18 июля 1990 года состоялось пресс-конференция Межрегиональной депутатской группы, Московского объединения избирателей и других демократических организаций.

После нескольких заявлений депутатов слово было предоставлено ректору Московского авиационного института народному депутату СССР Рыжову Ю., члену КПСС с 1961 года, который зачитал заявление группы народных депутатов СССР о выходе из состава КПСС. Это заявление подписали: член КПСС с 1965 года, народный депутат СССР Бочаров М., член КПСС с 1962 года, народный депутат СССР Тихонов В., член КПСС, народный депутат СССР Яблоков А. и член КПСС, народный депутат СССР Станкевич С. и группа депутатов РСФСР и Моссовета.

Май — август 1990 г.

Послесловие

Человеку не дано понимать, если в нем нет любви, и не дано узнавать, если он не жертвует собой.

Ленорман

— Да, — ответила я, — закончила.

— Вы о ком говорили? — спросил меня обедающий тут же, в редакционном закутке, коллега.

— А, о молодых политиках! Ну, и что они?

Я промолчала.

— Ну, тогда давай пить чай, холодно нынче!

Это были первые дни после поездки по стране Бориса Ельцина. Дни, когда российский парламент получил кредит доверия у народа. Когда говорили

Сколько можно терять!..

11 сентября сего года в Москве в результате короткого замыкания в электросети, не обеспеченной соответствующими автоматами защиты, загорелся музей выдающегося русского химика, соратника Д. И. Менделеева и В. И. Вернадского академика Н. Д. Зелинского. Случайно не повторилась трагедия загоревшейся якобы по причине халатности 15 февраля 1988 года Библиотеки АН СССР в Ленинграде. Дело в том, что музей Зелинского расположен в крыле первого в России Московского университета, освоенного еще Ломоносовым. Надо ли напоминать, что с ним неразрывно связаны имена М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, И. М. Сеченова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. Н. Толстого, В. И. Вернадского, С. И. Вавилова, Д. И. Менделеева и многих других светил отечественной культуры и науки.

Николай Дмитриевич Зелинский (1861—1953) заведает хранить старомуниверситетские здания в их исконном состоянии, дабы не прервать традицию отечественного просвещения. Однако после его смерти все аудитории оных были разломаны, а здания отданы совершенно посторонним учреждениям. Нетронутым до сегодняшнего дня остался только факультет журналистики МГУ. Но, к нашему стыду его выпускников, за 30 лет они не защитили своим профессиональным пером их легендарную обитель.

Из телеграммы президенту СССР М. С. Горбачеву и председателю Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцину:

«...Этой осенью исполняется 75 лет со времени создания Н. Д. Зелинским противохимической защиты. Противогаз Зелинского спас миллионы жизней и до сих пор стоит на защите человека во всех странах. Центр ноосферной защиты при

музее Зелинского просит вашего содействия для скорейшего восстановления музея академика Зелинского как национального достояния. Заведующий музеем Андрей Николаевич Зелинский».

Историческая справка: в конце мая 1915 года немцы впервые применили против русских ядовитые газы — хлор и фосген. Зелинский, из личного опыта знавший, что это такое (проходя практику в Германии, случайно открыл газ иприт и едва не погиб тогда), отложив все дела, приступил к созданию противогазовой защиты немедленно. И уже 1 августа доложил по инстанции, что она найдена. Однако принц А. П. Ольденбургский, который отвечал за снабжение армии средствами защиты, возглавил травлю и дискредитацию открытия Зелинского. Только благодаря вмешательству царя Николая II, который лично присутствовал на испытании целого ряда образцов в городе Могилаеве в феврале 1916 года, противогаз Зелинского побеждает. Все модели противогаса вместе с методикой приготовления активированного угля незамедлительно были переданы союзникам русским Генштабом. Однако за рубежом имя Н. Д. Зелинского в связи с его изобретением никогда не упоминается. Там противогаз называют просто «маскагаз», как нечто упавшее с неба.

Прискорбно, но факт: из пожара в Ленинградской библиотеке Академии наук должны выводы не сделаны. Очевидно, необходимо срочное специальное правительственное постановление не только по всесоюзной проверке электросетей на предмет их безопасности, но и по скорейшей реорганизации Минэнерго. Слыхом дорого обходится народу безответственность и безнаказанность названного. Иначе мы будем терять одно за другим наше ничем не восполнимое достояние. Григорий Калужный

о программе, крестным отцом которой называли Михаила Бочарова. Программе, разработанной группой под руководством академика С. Шаталина и опубликованной под четким названием «Человек, свобода, рынок». Дни, когда не хватало поголовно всего, не было несколько дней и хлеба... Когда пытались разродить Москву на «тридцать три удельных княжества», а Краснопресненский район объявил своей собственностью здание Верховного Совета... И Моссовет бесстрашно «принимал меры» к прекращению «вакханалии суверенитетов»...

Шел сентябрь 1990 года. Переходный период от лета к осени, от дождей к изморози, а может быть, к бабьему лету. В один из таких дней я пошла к окну. Подошла и поглядела вниз — с надеждой!

За окном дыбилась Москва — добрая и беспощадная, светлая и величавая, враждебная и родная до боли... И, как бы угадывая эту некую боль, этот невысказанный вопрос, я услышала:

— Город должен быть *человеколюбивым*. Для этого должны приниматься решения не только глобального характера. Конечно, прежде всего нужна стратегия. Мы стали сейчас обладателями гигантской собственности и обязаны должным образом распорядиться землей, помещениями в городе. Всем этим мы занимаемся. И все же никакая политика не спасет нас, если не будет доброжелательства друг к другу. Что могут дать холодные расчёты на вечность некие массовые постановления-сооружения?! Ничего, кроме холода. Людям нужен мир, покой, тепло семейного очага, а не бетонированные раздвинувшие квадратные метры на душу. Ведь от домашнего очага начинается наша дорога. Какому будущему мы ее пролагаем? Конечно, не тому, что представление о счастье связано с борьбой. Довольно всеокушающей ненависти. Лично для меня представление о счастье связано с созданием. Поэтому я думаю о будущем с *тревогой и надеждой*.

Мария Каммианова

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

«О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе»

Игорь Акимов, Виктор Клименко

1. Книга — обоюдоострая бритва. Книга ширпотребовская (детектив, приключения, бытовые и социальные романы, прозаические и поэтические штамповки) — это ластик, кото-

рый стирает время нашей жизни без следа. Безобидного чтения нет. Читать пустую либо плохую книгу — убивать себя.

Книга высокохудожественная — желанное лакомство для потребителя и укромная гавань, где во время бури может залатать порванные паруса души талант.

Книга-первоисточник (клас-

сиков науки) — приглашает на свою территорию и дает образцы культуры мышления. Она учит верить себе, учит не доверять очевидному и убеждает, что и ты бы так смог. («И я так думал!»)

Книга-учебник — это заслонка, которая укрепляет нашу раковину, но одновременно отражает от мира. Это мир, подвергнутый вивисекции. В нем все описано, все известно, все понятно; на все дан ответ. В этом мире жизнь комфортна, но ни одна задача не решается через стальные жалюзи неоспоримых и неколебимых законов и формул.

Вывод: ни одна из этих книг не учит мыслить; ни одна не учит решать задачи. Потому что только действуя — мы самостоятельно мыслим, только действуя — решаем задачи.

2. Память — кладбище чужих мыслей.

Если вы сами дошли до какой-то мысли, что-то поняли, осознали — ваша мысль наполнена энергией эмоций, которые давали жизнь чувству, родившему эту мысль. И если потом вы ею пользуетесь, она

Продолжение. Начало в № 10—12 за 1988 год, в № 1, 3—7, 10, 12 за 1989 год и № 7, 10, 11 за 1990 год

становится вашим надежным подспорьем, инструментом действия. Ведь она полна энергией ваших эмоций и чувств — что позволяло пользоваться ею без усилий; и поскольку она — часть вас, вы пользуетесь ею не размышляя. Ее не надо вспоминать!

Чужая, извлеченная из книги мысль не имеет энергии. Значит, в таком виде она не может быть инструментом действия. Вначале ее нужно наполнить энергией, между прочим — своей, и к стати — колоссальной энергией. Вы должны ее пережить! Не кажется ли вам, что и проще, и интересней пользоваться собственными мыслями?..

3. Доминанта «хочу все знать» — лабиринт из которого единственный выход — на выходе.

Напоминаем, что у человека может быть только одна доминанта. И если она возникла — она тащит на себя всю энергию и информацию, подавляя уже в зародыше остальные доминанты. Доминанта всезнания, доминанта «сперва изучу весь материал, а потом буду создавать свое» — исключает творчество. Потому что установка на «изучу» не имеет конечной реальной цели.

Если у человека возникла доминанта на задачу (*истинная доминанта возникает сама!*), она тащит на себя энергию и информацию лишь до тех пор, пока задача не будет решена. Решил задачу — процесс прекратился и место в сознании освобождается для новой доминанты.

Если человек решил: «сперва изучу весь материал» (эта доминанта взята извне, она придумана, и, поскольку в ней нет стержня задачи, человек убеждает себя в необычайно высокой ценности этого фантома — ведь иначе она не сможет зарядиться достаточной энергией, чтобы задавить все сомнения в своей истинности), — он идет практически в никуда. «Все» не имеет границ; значит, движение в никуда — это ходьба на месте.

Задача имеет дело с 1) неизвестным; с неизвестным, которое определяет и 2) цель, и необходимый 3) минимум информации. Задача «сперва изучу» имеет дело с 1) неуловимым;

отсутствие ясной конечной цели вынуждает идти по 2) цепочке мелких целей; при этом процесс накопления информации растет как снежный ком, стремится к 3) посылному максимуму.

Эту цепочку целей отличает неотвратимая их депальвация. Если начальная цель — порождающая — «изучу все!», кажется грандиозной и поражает воображение, то с каждым шагом, с каждой новой целью возникает привыкание — и цели соответственно мельчают, пока в один прекрасный день не исчезнут совсем, убитые простой мыслью: «знаю все». Как вы понимаете, все это время доминанта жила эмоциями наслаждения. Но если в начале работы эти эмоции рождало действие (первоначальное изучение материала), то с какого-то момента (чем мельче цель — тем меньше действие) все большее место стала занимать оценка, гурманство. Откуда же появляется «знаю все»? — Раковина стала настолько толстой и твердой, что уже не пропускает не только задач, но и мало-мальски свежей информации. С этого момента о нашем эрудите и крупнейшем знатоке в данной области знания можно говорить как о законченном творческом импонтенте.

Запомните: выполняя задачу — человек снимает копии; решая задачи — он создает оригиналы.

18

Вернемся к людям, которые к книжному знанию относятся... ну, скажем так: спокойно, деловито. Для кого книжное знание — просто справочный материал.

Вернемся к самоучкам.

К 1) умельцам и 2) мудрецам.

Напомним, что их отличает: 1) культура мышления (значит — и гармоничное эпк), 2) оптимальный энергопотенциал.

Состояние энергопотенциала показывает, что они с детства развивались без помех. А когда же проявилась культура мышления?

Как целостный механизм — уже у сформировавшегося таланта. Но его росток проклюнулся в тот момент, когда ребе-

нок в первый раз заявил всему миру: «Я сам!»

Самостоятельность — это выражение культуры мышления.

Ребенок сам выбирает цель, сам размышляет, как ее достичь, сам берет на себя ответственность за результат.

Если взрослые пресекают его запретами (дисциплина) — они затапывают хрупкий росток культуры мышления; то, что в детстве происходит естественно, без усилий, само собой, — взрослому будет стоить длительного и огромного напряжения всех жизненных сил.

Если взрослые стараются опережать желание ребенка, делать все за него — они обрекают его на приятный, но бесплодный удел потребителя.

Если ребенок никогда не заявляет «я сам», если он изначально послушен, если действует только по указке — он уже раб, и виновин в этом только родители.

19

Поощряемое «я сам», поощряемая самостоятельность приучают получать удовольствие от действия. От процесса. От процесса расширения своей территории.

Чем закрепляется территория?

Оригиналами. Продуктами талантливой работы.

У потребителя их нет — вот почему территория, на которую он претендует (помимо собственного тела), — мнимая.

Еще и еще раз подчеркнем: талант трудится не ради продуктов, не ради оригиналов; его привлекает только процесс, значит — работа культуры мышления. (Работа матрицы тоже приятна, но не более. Ведь при этом нет преодоления. Соответственно и положительные эмоции кратковременны и почти неуловимы.)

Первый из рассматриваемых нами самоучек — умелец.

Умелец с детства привыкает «думать руками».

Его материал — конкретный, вещный, предметный мир.

Снова и снова он испытывает себя, охотно берясь за любую подвинувшуюся задачу, и получает удовлетворение от того, что убеждается: могу! И это могу! И это!..

С каждым действием его культура мышления совершенствуется, с каждой решенной задачей его территория увеличивается, он это чувствует — и переживает восторг. Повторяем: не от результата, не от полученного продукта — только от ощущения расширившейся территории, только от овладения еще вчера неведомыми ему законами природы. Он наслаждается участием в пиршестве его культуры мышления, которой покоряется любой материал, и любая задача послушно реализуется в небывалый доселе в природе механизм.

Из этого ясно, что в принципе книги ему не нужны. Он ими пользуется — но только как справочным материалом: чтобы избежать рутинной работы. Но если справочные издания ему недоступны — тоже не беда: любую необходимую информацию он может создать сам. Например, при необходимости он может создать теорию дифференциального и интегрального исчисления — и ничуть не огорчится, узнав, что ее до него открывали уже не раз. Он получил свое в процессе ее создания, и если б ему потребовалось — пошел бы и дальше. Но конкретная задача решена, дальше идти не требуется — и он бросает это дело и копает в другом месте — там, где ему интересней.

Каков умелец — таков и его инструмент. Потому что в его инструменте материализованы все его знания, все открытые им законы природы. Работая своим инструментом, он материализует процесс своего мышления. Точнейше снятая стружка — это реально расширенная им территория.

Никакой его труд не бывает зрящим. Если он сегодня придумал и сделал велосипед — порадуемся вместе с ним и втайне обнадежимся: ведь завтра он может придумать — и сделать! — золотой ключик. Непременно сделает! Ведь единственное условие, необходимое, чтобы эта задача была решена, — ему это должно быть интересно.

20

Теперь разберемся с мудрецом.

Мудрец с детства привыкает «думать словами».

Его главная способность — непосредственность.

Значит, в любом предмете, явлении, действии он сразу видит самое существенное (корень, пружину, смысл) — и называет его абсолютно точным, единственно верным словом. Дает ему имя.

Это получается у него без труда, само собой, естественно. Он просто не может иначе. И не хочет иначе! Ведь, давая предмету точное имя, он получает удовольствие. Потому что эту точность он осознает — и именно осознание точности доставляет ему удовольствие.

Он наслаждается качеством мысли.

Значит, опять награждает не результат, а процесс — процесс обнаружения и называния истины.

Непосредственность — счастливое достояние всех здоровых, нормально развитых детей. Не зря говорят: устами младенца глаголет истина. Куда она девается потом? — Падает энергopotенциал, разрушается гармония эпок — и как следствие нарабатывается привычка к пользованию спасительными клише и стереотипами.

Если человек умудряется сохранить свою непосредственность, он становится служителем муз (для поэта, художника, музыканта, архитектора) непосредственность — самое ценное достояние) либо зачисляется обществом в категорию чудаков. Непосредственный человек удивляется всему, а поскольку что у него на уме, то и на языке — он создает беспокойство окружающим рабам, которые оказываются перед неприятным выбором: либо отказываться от расколотых его непосредственностью привычных клише, либо вышвырнуть его из своей среды, а если это почему-либо невозможно — задвигать его энергopotенциал, пока он не станет таким же, как они.

Мудрец pronосит непосредственность через всю жизнь. Она для него — как палочка для слепца. И поскольку этим инструментом мудрец пользуется постоянно — он владеет им виртуозно. Не правда ли, удобный случай, чтобы повто-

рить столь любимый нами закон: функция творит орган.

Ребенок видит только поверхность — и дает имя образу. Мудрец видит на полную глубину — и дает имя смыслу.

Он воспринимает слово как ключ к тайне. Как решение задачи.

Заветное слово, вещное слово, волшебное слово («сезам») — их открывали и ими одаривали мудрецы.

Само по себе, вне определенных обстоятельств это слово немного стоит. Но в единственной ситуации — именно той, когда оно работает, — оно становится ключом, запускающим в действие огромный энергopotенциал.

И он получает удовольствие не от результата, а от процесса нахождения этого слова.

От работы своей культуры мышления.

Она — главный механизм.

Продукт — смысл.

А что же вначале? — на входе? с чего начинается?

С вопроса. С вопроса, который задает природа или другой человек.

21

Мудрец начинается в детстве, но собственно мудрецом становится не скоро и не сразу. Вначале это всего лишь непосредственный человек, затем (когда нарабатанная культура мышления становится заметна окружающим сразу) — очень умный человек. И с самого начала — талантливый.

Но до мудреца еще далеко. Гусенице еще только предстоит пройти через смерть и превратиться в бабочку.

Культура мышления не может не работать — и наш герой без устали решает: сперва — только задачи, затем — задачи (уже почти не замечая — передоверив их матрице) и проблемы. Его территория уже улетела за дальние горизонты и там продолжает приращиваться, его энергopotенциал неудержимо нарастает, его эпк едва успевает перестраивать структуру, чтобы энергия не разрушила гармоничный механизм. Кажется — чего же больше? иди вперед, продолжай!..

А он вдруг останавливается. Механизм, столь успешно расправлявшийся со всеми за-

дачами и проблемами подряд, перестает их пускать в себя.

Но ведь он не может не работать! — воскликнете вы, и мы с удовольствием признаем: — Конечно. — Что же? — Истину...

И произошло вот что. В какой-то момент очередной энергетический всплеск, очередная волна поднимает его на новый

уровень — и оттуда вся его предмыслимая работа, все решенные задачи и проблемы — все это вдруг представляется ему необязательным и мелким. И те проблемы, что еще вчера теснились вокруг и жгут своей очереди и сегодня, — и они, хотя и не решенные, кажутся ему едва ли не пошлыми. И все лишь потому, что прилив энергопо-

тенциала поднял его над ними. А энергию нужно тратить. Ей нужна достойная цель. Он поднимает голову — и видит, что перед ним высоко и далеко (но уже доступная!) громоздится твердыня Истины. Сила есть — он ничего не боится. Он раздвигает — не спрашивая имен — цепляющиеся за его стремени все нерешенные проблемы, дает шпоры своему коно, подлетает к сверкающему щиту Истины и смело наносит звонкий удар копьем. Он посылает вызов самому Богу!

Он выбирает одиночество.

Одни это делают буквально — уходят в скиты, в отшельничество, мало того — на годы принимают обет молчания; другие внешне ничем не меняют своего образа жизни, но сущность ее становится принципиально иной — публичное одиночество не менее тяжкий груз, чем самая строгая схима.

Это всегда сознательный шаг. И толкают на него не обстоятельства жизни, а осознанная потребность.

Потребность понять себя до конца. Потребность увидеть в себе Бога. Именно в этом слиянии своей души с Богом и есть Истина.

Для чего при этом необходимо одиночество?

Чтобы стать самим собой.

Вообще отрезать себя от мира нельзя — это смерть. Верен противоположный ход — слиться с миром, со Вселенной, с Богом. А для этого необходимо освободиться от суеты, которая забила и облепила нашу жизнь настолько, что мы ни себя, ни своей жизни уже не видим — только суету. Вот почему мы сказали, что публичное одиночество, одиночество в привычных житейских обстоятельствах стократ трудней одиночества отшельника.

Любое одиночество — это подвиг.

Любое одиночество — это колоссальная работа.

(Внимание! Несчастные одинокие — это не про вас. Одиноким человек стремится к другим людям, к суете, к забвению. К добровольному рабству. Одиночество — это освобождение от всех пут, это — рывок к свободе.)

Любое одиночество — это счастье, потому что это жизнь по законам природы, потому что

это каждодневное неуклонное приближение к себе.

Напомним: цель — слияние. Слияние с природой. Слияние во имя познания в себе — Бога, и в Боге — себя.

Слияние: я — в природе; природа — во мне; и я живу по ее законам.

И когда оно наступает, когда исчезает трение, когда созревает целостность — возникает одно, — тогда одиночество растворяется и перестает быть как осознанное действие, оставаясь навсегда состоянием души.

Через искус одиночества прошли все великие философы и мудрецы. Наши учителя — предтечи нашей концепции эпк — Сеченов (психомоторика), Ухтомский (доминанта) и Бернштейн (физиология актив-

ности) — чтобы набраться сил перед этими вершинными взлетами своего духа, прошли через эту пустыню.

Одиночество — это величайшее испытание культуры мышления, которая отважилась решать неразрешимую проблему.

22

Интересный вопрос: а как же наш герой — будущий мудрец — относится к книгам? Ведь одиночество уже самой ситуацией как будто бы предрасполагает к чтению.

Вы судите по себе, дорогой читатель, и потому не правы. Потому что при этом проходите только половину пути. Вы оглядываетесь на себя, заглядываете в свою душу — и даете ответ. Но ведь ответ

не в нас, а в том человеке, о котором вы судите. Значит, заглянув в себя, мы только достаем свой эталон, свою мерку, но еще нужно с нею дойти до чужой души — и там сделать все (по возможности — объективные) замеры.

Так вот — о книгах: он их не читает. Вообще.

Едва открыв литературный ширпотреб (детектив, социально-бытовой роман), он с первых же строк определяет: дисгармония, искусственность, энергодефицит — и закрывает книгу.

Открыв прекрасный литературный текст и прочитав одно-два стихотворения или страницу прозы, он говорит: как хорошо! — и тоже закрывает книгу. Потому что любое общение с прекрасным — это ход к Истине; но не дорога — только открытая калитка. Он знает об этом, знает, что любую истинную дорогу можно одолеть лишь самому, поэтому, войдя в калитку, — дальше идет сам. Сколько хватает его сил.

То же и с классикой науки. Он может по случаю — или из любопытства — открыть знаменитый труд, но просмотреть его будет лишь до тех пор (вначале или наугад в середине, страницу или несколько строк — не имеет значения), пока не увидит, что стоит перед открытой калиткой. Его не нужно приглашать дважды; он помнит, что калитка удачи открывается лишь один раз, поэтому он смело входит в нее. А это значит, что книга уже закрыта.

Ну а учебники он не открывает вовсе. У него к ним идиосинкразия.

Откуда же он берет информацию, если к нему с вопросом обращается специалист? Он пользуется информацией, которой владеет специалист. С него довольно.

Так неужели он вовсе ничего не читает?

Конечно — читает! Каждый день. Каждый час.

Он читает книгу природы.

Продолжение следует

**Монолог
Лени Зубкова**

Реальность часто воспринимается нами через штампы, за которыми не видно настоящей картины жизни. Из-за того, что нас окружают одни и те же предметы, мы перестаем обращать на них внимание и фактически их не замечаем. Надо уметь «вычлениваться» из привычной ситуации и стараться на нее взглянуть по-другому.

Художник соединяет в себе как бы две вибрации: внутреннюю — эмоциональную и внешнюю — техническую (умение рисовать).

Вернадский очень точно подметил, что мы на Земле существуем не как отдельные единицы, а как целый единый организм. Совершенство всего на земле и в воздухе он назвал ноосферой. Именно в этом заключается прелесть возможности человека выйти на уровень существования, способного анализировать, из чего все состоит, и, как частность, возможность это выразить через язык изобразительности.

Только такой уровень дает нам необходимую независимость, и человек начинает управлять любой ситуацией. Проявляет себя и приходит к пониманию, что существует совершенно иная система жизненных координат. Проблемы, которые казались ему глобальными и неразрешимыми, становятся ничем не значащими и мелкими. Он начинает осознавать себя человеком. А когда это осознаешь, то совсем иначе воспринимаешь других людей, лучше их понимаешь.

Записал Сереня Кузнецов

1990-е — десятилетие юристов

Михаил Щипанов

Американцы утверждают, что их нынешняя экономика — плод усилий университетских профессоров в 60—70-е годы. Развивая эту посылку, можно констатировать, что и государственная правовая культура определяется идеями, двадцать лет тому назад прозвучавшими с университетских кафедр. А государства 2010 года со всеми концепциями и атрибутами рождаются подобно Афине из преподавательских голов сегодня.

Признав наконец, что западные демократии обеспечивают разумное сочетание интересов и прав личности и государства, мы как бы негласно допустили: уж «там» с юристами все в порядке. Ан нет. Профессионалов-законников на Западе не хватает, и этот дефицит в ближайшие годы грозит усугубиться.

Во Франции один дипломированный юрист приходится на две тысячи граждан, в ФРГ и Италии — на тысячу, а в США — на 500 налогоплательщиков. Тем не менее руководители ряда крупнейших американских университетов предсказывают повышение спроса на адвокатов и специалистов в области международного права. И дело не в том, что выпускники юридических факультетов и школ норовят спрятаться от трудностей рутинной практики в сенаторском или президентском кресле. Просто область правового регулирования постоянно расширяется в результате международной интеграции, усложняющихся наднациональных экономических связей. Растет и конкуренция внутри адвокатского цеха. С 1991 года, например, западноевропейские юристы и вовсе получат долгожданную свободу передвижения. Предприимчивому баварцу не надо будет терпеливо ждать у себя в Мюнхене, пока к нему обратится

английская фирма. Он сможет запросто обосноваться прямо в Лондоне. А это значит, что с университетской скамьи должны выходить в жизнь не просто юристы-полициты, умело жонглирующие кодексами всех цивилизованных стран, но конкурентоспособные профессионалы права.

Двойной прыжок

Итак, что же у них «там» собираются предпринять, чтобы дефицит ликвидировать, профессиональную честь не уронить да к тому же сформировать «нового юриста»? Первое впечатление — никакой суеты, никаких «рейгановских» или «миттерановских» призывов молодежи на юрфаки. Учиться легче, естественно, тоже не стало. Во Франции, например, ежегодно из тридцати тысяч первокурсников-юристов в среднем только десять тысяч благополучно завершают двухгодичный курс, дающий право на диплом об общем образовании. Лишь каждый пятый получает обязательное базовое для будущего профессионального юриста четырехгодичное образование!

За океаном претенденты на места в юридические школы вынуждены по многу раз проходить необходимые тесты, чтобы набрать балл зачисления. В Японии в 1988 году из 29 тысяч

лиц с высшим образованием, попытавшихся сдать специальные экзамены на право работать в области юриспруденции, испытание выдержали лишь 500 человек.

Словом, Запад и в сфере подготовки законников-крючковторов предпочел путь медленного, но последовательного реформизма, придания большей гибкости уже сложившимся и апробированным структурам обучения. А эти структуры подобно хорошо пригнанному фильтру: юриспруденция слишком сложная вещь, чтобы доверять такое попрание дилетантам.

В Соединенных Штатах для поступления в государственную или частную юридическую школу необходимо уже иметь степень бакалавра. В большинстве таких высших учебных заведений предлагается трехлетний курс дневного обучения, ведущий к присвоению степени доктора права. Естественно, что

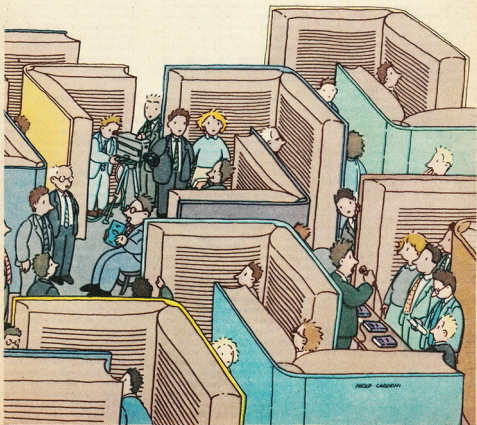
лиц, обремененных высшим образованием, новому испытанию поступительными экзаменами не подвергают. Претендентам на членство в Американской ассоциации юристов предлагают еще раз проверить свои интеллектуальные способности на системе специальных тестов.

И хотя тесты, предлагаемые вполне зрелым абитуриентам различными школами, во многом отличаются, из них не делают ни учебной, ни государственной тайны. Прилежный студент всегда может найти их в справочниках и постараться заранее решить. Хитроумные авторы тестов стремятся выявить у поступающих уровень логического мышления, способность к анализу, умение разбираться в скучных и запутанных технических и философских текстах. Интеллект тестируемого бакалавра или студента оценивается по весьма гибкой 48-балльной шкале. Средний

проходной балл различных юридических школ известен заранее, и варьируется он в зависимости от престижа учебных заведений.

Скажем, в школе Гарвардского университета проходной балл — 44, а в Колумбийском университете всего 41, так что прямой резон ехать в Нью-Йорк. Впрочем, вопрос, быть или не быть кому-то юристом, в конечном итоге решает специальная комиссия, члены которой скрупулезно (юристы как никак) учитывают, помимо балла, полученного за тесты, и оценки в университете или колледже, и даже общественную активность абитуриента, поскольку юристу с младых ногтей следует выделяться ораторским искусством и умением влиять на окружающих.

Но это за океаном. Может быть, в Европе проще? Ничуть! Во Франции также завершение двух циклов университетского

образования никому не дает право выступать в суде или консультировать фирму. С учетом этих четырех потраченных на образование лет молодому французу остается до первой самостоятельной деятельности на уровне юриспруденции в среднем лет пять-шесть учебы и стажировок.

Будущие адвокаты сдают весьма сложный вступительный экзамен в один из девятнадцати центров профессиональной подготовки. В прошлом году во все эти специализированные учебные заведения поступило около восьмисот выпускников университетов. Состояние, в которое попадают слушатели годичного курса этих центров, официально именуется предстажировкой. После получения свидетельства о профессиональной пригодности поступают на три-пять лет стажерами в различные адвокатские конторы. И лишь по

окончании такой длительной стажировки выпускники многочисленных учебных заведений могут наконец стать членами адвокатуры и заняться собственной практикой. Французы, мечтающие о карьере судьи или прокурорского чиновника, поступают в Национальную школу магистратуры, где на одно место в среднем приходится десять претендентов, а затем проходит двухгодичный курс теории и практических стажировок.

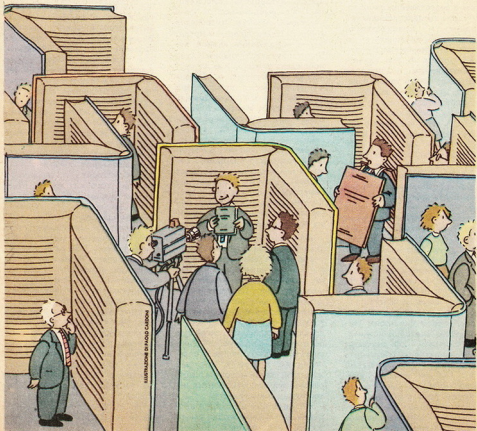
Сколько стоит мантия юриста?

Воспетый классиками тип адвоката-краснобая, чудотворца-одиночки, блестяще воплощенный Полом Ньюманом в голливудской психологической мелодраме «Вердикт», безвозвратно ушел в прошлое. Во всяком случае, на фоне западного правового ландшафта такой кус-

очек-одиночка не является более заметной фигурой. На смену бюро и конторам солистов пришли настоящие капиталистические предприятия, супермаркеты права, где многочисленные консультанты готовы тотчас дать совет и разъяснение по любой правовой коллизии.

Меняется и отношение к фигуре юрисконсульта на предприятии. Избавившие это ремесло уже не «господа нет», указывающие на неправомочность или юридическую безграмотность намерений руководителей фирм. Растет потребность в профессионалах с мгновенной реакцией, способных предложить неожиданное решение в ходе зашедших было в тупик переговоров.

В ответ на новые требования молодым юристам остается только одно: учиться, учиться и еще раз учиться. Главным их

пробелом в Западной Европе по-прежнему остаются слабые языковые знания. И речь не идет уже о владении банальным английским. Без оксфордского проноса юрист так же смешон, как и без модного галстука. Нужны специалисты, свободно и поэтично изысняющиеся по-итальянски, по-португальски и по-испански.

К сожалению, молодые юристы довольно слабо разбираются в экономических нюансах. Выход из сложившейся ситуации во Франции видят в создании суперинститута «Гранд эколь жюридик», который готовил бы исключительно юридических консультантов для фирм. Пока же хорошим тоном считается, если молодой юрист-дебютант попутно еще и учится в коммерческой школе или учебном заведении для управленцев, то есть получает параллельно и экономическое образование.

В ожидании же великого перелома в подготовке национальных кадров западноевропейские компании и правительства предпочитают обращаться за услугами в заокеанские юридические фирмы. А это значит, что американцы значительно раньше европейцев уловили изменения в правовой конъюнктуре и решительно перестроили систему преподавания.

В США действительно в последние годы юридические школы значительно расширили круг предметов, предлагаемых великовозрастным студентам. Появились так называемые «смешанные программы», дающие возможность получить образование как бы на стыке двух профессий. Например, можно удостоиться степени магистра в области финансовой деятельности и одновременно стать доктором в сфере права, регулирующего деловую активность корпораций. А можно изучать премудрости бизнеса и основы торгового законодательства.

Кроме реальной пользы для юристов новой формации, такие учебные коктейли позволяют различным юридическим школам четче обозначить собственный специфический имидж, так как основные программы, предлагаемые студентам этого рода учебных заведений, в принципе, схожи между собой — конституционное право, уголовное законодатель-

ство, оформление юридических документов, судебный процесс, гражданская процедура. Обучение же на стыке разных наук позволяет студентам четче делать свой выбор еще на стадии тестирования, поскольку, скажем, сочетание патентного права и основ управления театрами — это «фирменное блюдо» юридических школ при Колумбийском университете. Нет сомнения, что такие «смешанные программы» — основа учебных программ XXI века. Как мы видим, понял это и европейцы, однако отставание на несколько лет дорого обходится их специалистам-правоведам.

Более того, вдохновленные своими учебно-преподавательскими успехами, янки спешат расширить плацдарм на европейском берегу Атлантики. Пока в Европе все еще продолжают дебаты относительно того, как учить юристов, а чему — нотариусов, американцы уже выписывают в свои коллегии лучших правоведа Старого Света. Цель — в преддверии образования единой Европы научиться окончательно побеждать антиподов их же оружием. Заказанные в Европе «яйцеголовые» профессора должны будут толково изложить американским юристам-десантникам особенности национальных законодательств, статус совместных и иностранных предприятий, поведать о специфике грядущего налогового режима и о заключении торговых сделок. Словом, заокеанские виртуозы кодекса и актуал процедуры готовятся к тому, чтобы обречь европейских коллег на беспросветную безработицу.

Комбинированная теоретическая база американских юристов-юниоров умело дополняется масштабной практикой; никому не нужны просто «библиотечные крысы». Студенты приходят в тюрьмы для того, чтобы помочь заключенным составить толковые бумаги с жалобами и апелляциями, дают зачастую бесплатные юридические консультации общественным организациям и просто местным жителям, занимаются рассмотрением дел многочисленных нелегальных иммигрантов.

Нет, недаром нынешние американские лидеры любят утверждать, что основой превос-

ходства США в мире должен быть не вооружения, а студенческие аудиторы. Что ж, залпы войны юристов Запад — Запад слышны отчетливо.

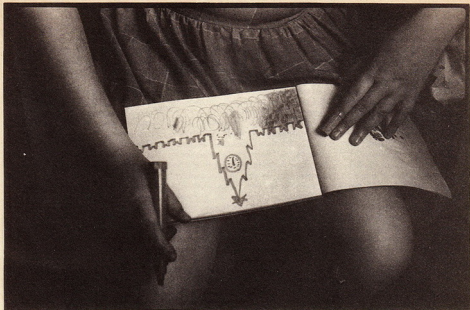
Правда, существует еще один аспект «закордонного» образования, страстно, судя по письмам, интересующий читателей. Речь идет о плате за знания. Естественно, что на примере юристов, начинающих образование «малычками», а выходящих в самостоятельную трудовую жизнь уже «мужами», эта проблема может быть проиллюстрирована особенно красочно. Уж им-то, казалось бы, платить не переплатить. Или все будущие правоведа прямые потомки Ротшильда?

Впрочем, ларчик, содержащий необходимую сумму, открывается достаточно просто. В Соединенных Штатах, где только за год пребывания в юридической школе в среднем семь тысяч долларов отдай и не грести, на помощь будущим юристам приходит федеральное правительство и власти штатов. Власти предержащие, сами по большей части профессиональные юристы, предоставляют слушателям школ необходимые займы под практически символические проценты. Иногда руководство школ, стремясь поощрить способных студентов, выбивает им специальные стипендии, покрывающие основные расходы по образованию.

Во Франции же инициатива предоставления льготных кредитов исходит от различных банков, готовых ждать погашения достаточно долго — от семи до десяти лет. Однако первый срок платежей наступает сразу же по окончании учебы, что, естественно, нравится далеко не всем. Еще один дискриминационный аспект, на взгляд молодых французов — это необходимость родительского поручительства при оформлении финансовых обязательств.

Интересно, что каждый банк как бы выбирает для опеки определенную категорию студентов. Юристы, как правило, обращаются в «Сосьете женераль», банк, предоставляющий кредит в 100 тысяч франков из расчета 6,95 процента годовых.

Итак, кредит под «карьерный» успех? Но будет ли он?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Живем вверх ногами

Николай Киященко

В нашем стремительно меняющемся мире самые сложные и болезненные перемены претерпевает сегодня, пожалуй, идеология. Осмыслить их тотчас же, по горячим следам, очень непросто. От этого — шахаханы в крайности, нефимируемость позиций, яростная борьба на всех уровнях и направлениях жизни. Особенно острые схватки, разумеется, в политике и экономике, но не менее важны проблемы идеологии в культуре и образовании. Впрочем, все это взаимосвязано, сплелось в тугой и трудноразрешимый узел. **Вовсе не претендуя на попытку развязать его, а лишь в надежде вызвать у читателя интерес к этой проблеме, желание включиться в дискуссию, мы предлагаем вашему вниманию размышления ведущего сотрудника Института философии АН СССР, профессора Николая Ивановича Киященко. Если его мысли покажутся вам спорными или, быть может, даже вызовут раздражение и неприятие и вам захочется опровергнуть их — напишите в редакцию, мы будем благодарны за каждый содержательный отклик.**

Если мы хотим выкарабкаться из трясины, в которую угодили, то первое, что необходимо сделать — это признаться в том, что «коммунистическое» воспитание привело страну к полному краху, и преодолеть его невозможно до тех пор, пока не изменится самым кардинальным образом соотношение идеологии, культуры и образования. Ситуация сложилась абсолютно ненормальная — в воспитании подрастающих поколений определяющей стала не культура, а идеология. Мы опутали ею все общество снизу доверху до такой степени, что несвободе от этих пут оказалась даже взаимоотношения воспитателя детского сада с трех-четырехлетним ребенком.

Насквозь пронизано идеологией школьное образование, которое все, по сути дела, построено так, что преподавание ни одного предмета не обходится без мощной идеологической нагрузки. Под эту систему подгонялись все учебники, составлялись все методические разработки и соответственно строилась работа органов управления народным образованием, которые в итоге стали прежде всего органами строительной охраны идеологической

чистоты и непорочности. То же самое можно сказать и о высшей школе. Словом, дамоклов меч этот висел, а во многом и продолжает висеть практически над каждым членом общества, препятствуя, порой и полностью исключая возможность свободного проявления духа человеческого. А ведь культура без свободы невозможна, она в таком состоянии чахнет и затем, естественно, погибает. Наш трагический опыт подтвердил непреложность этой истины.

Справедливости ради необходимо вспомнить, что в известном «Положении о единой трудовой школе», принятом 16 октября 1918 года, как говорится, на заре нашего государства, были заложены отдельные прогрессивные идеи, такие, например, как обязательность преподавания искусства в школе. Но добрые намерения были немедленно удушены, причем, как это ни удивительно, теми же людьми, кто их разрабатывал. И в первую очередь В. И. Лениным, который хотя и призвал к необходимости всестороннего развития и воспитания человека, тем не менее, раскрывая смысл тезиса «учиться, учиться и учиться», говорил о

том, что молодежь прежде всего должна отстаивать классовые интересы рабочего класса, пусть даже в ущерб другим сословиям, и любыми средствами защищать диктатуру пролетариата. В его программной речи на III съезде комсомола так и не нашлось места ничему, что выходило бы за рамки коммунистической идеологии.

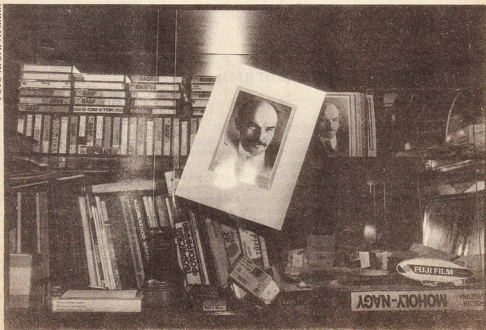
Долгие годы такой подход воспринимался нами как норма, ибо был освящен авторитетом и, как тогда казалось, гением Ленина. Увы, сейчас мои сомнения в его гениальности слишком велики, потому что вся история человечества доказывает — каждый истинно гениальный человек прежде всего — великий гуманист. А мы сейчас имеем неоспоримые документальные подтверждения того, что Ленин активно защищал создание концентрационных лагерей, подписывал десятки смертных приговоров, убеждал своих соратников, что необходимо железом и кровью вытравливать все, что противоречит интересам диктатуры пролетариата. Такие убеждения очень далеки от гуманизма.

Кстати сказать, Ленин же положил начало и краху фило-

софской мысли в послеоктябрьской России, выслав из страны в двадцатые годы ее лучших мыслителей и ученых. Те же из них, кто волею судьбы остался на родине, были поголовно истреблены кровавым преемником Ильича.

Вот с этого момента, с конца тридцатых годов, в стране вполне официально признавалась лишь одна философия, причем, как мы теперь убеждаемся, не философия жизни, а философия иллюзий. Раскройте материалы любого съезда партии, и в идеологическом разделе вы неизменно найдете одно и то же — основной задачей всей идеологической и воспитательной деятельности партии считается формирование марксистского, истинно научного коммунистического мировоззрения. Это же чистейший фантом, в угоду которому наши идеологи готовы забыть даже то, о чем писал Маркс. Так, например, вы ни в одном нашем учебнике по общественным наукам не встретите его мысли о гигантском чувственном сознании человека, при помощи которого и происходит в основном его взаимодействие с миром. Мы же, ориентируясь

ФОТО ИГОРЯ МУХИНА

лишь на рациональный уровень сознания, даже в воспитании ребенка, пришла к тому, что с самого раннего детства способствуем возникновению искаженного представления о мире, и, вырастая, человек при всем желании не может достичь благополучия, гармонии, хотя бы состояния, которое примирило бы его с действительностью.

Годами твердя о необходимости удовлетворения всевозрастающих потребностей советского человека, мы даже близко не подпускали его к миру удовлетворения. И добились этим только одного — появилось целое поколение людей, которым все до лампочки. Их ничего не интересует и уж меньше всего — проблемы общественного производства. В этом нет ничего удивительного, ведь люди напрочь отчуждены не только от процесса и конечного результата, но и от так называемой общественной собственности, сама идея которой изначально абсурдна, потому что не может быть собственностью одновременно «всех» и «моя». Она в этом случае тотчас же становится «всех» и «ничья».

А если учесть, что у нас в стране собственность используется не для того, чтобы удовлетворять интересы народа, а для того, чтобы поддерживать интересы развития государственности как таковой, то легко понять, что она уже не имеет ничего общего с понятием «общественная». Но мы пошли еще дальше — не только государственная собственность, но и само государство стали собственностью партийного аппарата. Он — безусловный виновник всех наших бед, и никуда от этого не деться. Пытаясь опровергнуть это утверждение, обычно говорят, что и в партаппарате немало прекрасных, порядочных и честных людей и поэтому нельзя делать никаких обобщений. Да, действительно, приходит туда люди разные, но, попадая в железные клещи партийных требований и обязательств, большинство из них перестают быть самими собой и вынуждены действовать лишь по известным принципам: «чего изволите» и «будет сделано».

Во многом в наших бедст-

виях повинно то, что мы бездумно и безоговорочно приняли от Маркса его лютую классовую ненависть к частной собственности, распространив ее на всю жизнь человека, на всю его деятельность, в том числе и на материально-производственную. Но нельзя забывать, что Маркс имел дело совсем с другим капитализмом, с принципиально иными формами наемного труда и «эксплуатация человека человеком». Он обосновывал свои теоретические положения примерами ужасающих нищенских условий жизни и труда английских ткачей в начале XIX века, пользуясь материалами, привезенными ему Энгельсом из поездки в Манчестер. Но ведь уже десятилетие спустя те же английские капиталисты поняли, что для того, чтобы продолжать развивать свое дело, они должны позаботиться о создании для рабочих необходимых и нормальных человеческих условий.

Особенно разительные и радикальные перемены произошли в последнее время, уже на наших глазах — после социального взрыва 1968 года, после энергетического кризиса начала семидесятых годов и экономических потрясений середины семидесятых капитализм вышел принципиально обновленным и значительно более гуманным.

И здесь нельзя не отметить еще одно обстоятельство, почему-то практически не рассматриваемое нашими учеными. В начале шестидесятых годов Соединенные Штаты Америки, а вслед за ними и другие наиболее развитые в индустриальном отношении страны кардинально изменили бюджетную политику, удвоив, а в некоторых случаях и утроив расходы на образование и культуру, одновременно с этим резко снизив налоговые обложения на любые вложения средств в нужды культуры. Многие владельцы крупных предприятий накопленные средства стали вкладывать не в терпящее практический смысл бесконечное расширение своего дела, а в развитие искусства, образования и культуры. Результат не замедлил сказаться на всем обществе в целом.

Сейчас государственные бюд-

жетные ассигнования на образование в США — 12 процентов, а у нас — только 4. Расходы на культуру у них свыше 10 процентов, а в нашей стране до сих пор действует остаточный принцип, который выражается в среднем величине менее двух процентов. Именно в этом, на мой взгляд, и заложено наше отставание, причем во многих сферах нашей жизни, скажем, в той же экономике.

Но, конечно, мало просто увеличить расходы на образование, необходимо и переосмыслить саму его систему. Ориентация на специальную, техническую подготовку, без развития в человеке человеческих качеств — еще далеко не настоящее образование. За все время обучения наши дети в лучшем случае лишь 12 процентов времени тратят на гуманитарные дисциплины. Мимо их внимания фактически пролетают музыка, изобразительное искусство, литература, основы архитектуры и дизайна. А отсюда они не в состоянии адекватно воспринять и осознать мир вокруг себя, основанный на общечеловеческих культурных ценностях. О каком экологическом равновесии, красоте и чистоте городов, уважительном и доброжелательном отношении людей друг к другу можно в таком случае говорить?..

У нас образование рассматривается как сугубо информационный процесс — набивание голов знаниями, как подушку набивают пухом и перьями или соломой. Полное непонимание того, что народное образование — важнейшая часть всего социокультурного процесса. Нужно усвоить, что культура — не синоним досуга, не только свободное времяпрепровождение, а жизнь в мире, созданном человеком для человека.

Мир удивительно разнообразен, он действительно плюрален по цвету, формам, звукам, запахам, по всем иным параметрам — столь же разнообразно, естественно, его восприятие. Но мы, увы, позволили себе навязать мысль о том, что существует единственно правильная марксистская философия, которая разрешает все проблемы бытия, и что не может быть у человека никаких

ных идеалов, кроме коммунистических. Тем самым мы отгородились от системы мировых, общегуманистических ценностей и идеалов.

Начался этот процесс в первые же годы после революции и наиболее яркое воплощение нашел у теоретиков Пролеткульта, чьи вульгарные социологические размышления сводились к тому, что раз свершилась пролетарская революция и установилась диктатура пролетариата, то, само собой разумеется, на месте всей буржуазной культуры должна народиться новая — пролетарская. А так как в России таковой не существовало в принципе, то необходимо было создавать ее с нуля, на пустом месте, предарительно расправившись с мощными традициями дворянской, разночинской, религиозной и крестьянской культуры, явно мешавшими творческой активности новых хозяев жизни.

И здесь опять же характерна позиция Ленина. На словах он не раз боролся с позицией Пролеткульта, отстаивал необходимость того, чтобы социалистическая культура стала законной наследницей всей мировой культуры. На деле же сам активно проводил типично пролеткультовскую политику в жизнь — Ленин дает указание в Александровском саду стереть со стены фамилии всех русских царей и увековечить вместо них фамилии революционных деятелей. Это и есть чистейшей воды Пролеткульт. Вся прежнюю историю мы затираем, предаем забвению и поношению — новая история начинается...

А ведь какое богатство творческих поисков, художественных направлений имели мы в начале века, в десятки и даже двадцатые годы! Сколько различных талантливейших групп и течений в литературе, изобразительном искусстве, музыке... И вот появляется известное постановление 1925 года, которое пытается упорядочить, а по сути дела уничтожить движения, якобы не отвечающие классовым интересам строителей коммунизма. Затем следует постановление 1932 года, направ-

ленное против РАППа и некоторых других литературных группировок, ну и, наконец, I съезд Союза писателей, принявший положение о методе социалистического реализма. Это был конец разнообразия в советском искусстве. Вскоре соцреализм стал единственной опорой духовного развития. Весь народ был переведен на одну духовную пищу — на коммунистическую, социалистическую жвачку.

Если человек каждый день получает одну и ту же кашу, старательно разболтанную официальным телевидением, кинематографом, театром, изобразительным искусством, чего вы от него хотите? Происходит страшная вещь — он настолько впитывает ее в себя, что все остальное начинает его беспокоить, раздражать, вызывать реакцию крайнего неприятия и, как следствие, желание поскорее избавиться от этого любого путем: уничтожить, загнать «за Можайск, за колючую проволоку, выслать из страны, упрятать в психушку, пустить под нож и затоптать ногами. Мы, увы, сейчас уже не сможем узнать, сколько за годы Советской власти погибло талантливых, а быть может, и гениальных художников, писателей, поэтов, музыкантов...

Но, думаю, в наших силах победить в массовом общественном сознании неприятие свободомыслия. В этом я вижу одну из самых главных, хотя и самых непростых задач сегодняшнего развития.

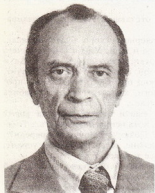
Конечно, нужно быть готовым к открытому противодействию. Заметьте, что идеологической, а значит, и культурной работой в партии все последние годы руководили люди, не только абсолютно не разбирающиеся в искусстве, но и органически не принимающие его на дух. Все силы они тратили на то, чтобы подавить неугодные для них явления культурной жизни. Они даже не дали себе труда подумать о том, что идеолог — это тот, кто, исходя из реальных жизненных процессов, рождает идеи, овладевающие впоследствии многими людьми, помогающие

им более успешно двигаться по жизни.

Мне кажется, что и сейчас еще далеко не все поняли, что идеология в правильном ее толковании — необходимая профессиональная деятельность, которая может быть и успешной, и социально полезной, способной сплачивать людей, а не взирать в растерянности на то, как они уничтожают друг друга.

Отрицая многие вчерашние догмы, мы, к сожалению, приходим к новым заблуждениям. Так, например, студенты, обрадовавшись тому, что можно уже не так рьяно вызубривать теоретиков марксизма-ленинизма, решили заодно отказаться и от всех прочих общественных дисциплин. Но ведь это же полный абсурд. Общественные науки — философия, история экономики, этика, эстетика — абсолютно необходимы. Так же, скажем, как и полные курсы литературы и истории искусств в технических вузах. Это основы любого образования. Другое дело, что нужно категорически отвергнуть идею о том, что философия — только и исключительно марксизм. Надо преподавать так, чтобы люди знали — существуют самые различные представления о мире, учения и философские взгляды. Знали — и умели бы выбрать для себя из этого знания именно то, что им близко и необходимо. Должны быть альтернативные программы, учебники и никакие методики прохождения программ — каждый преподаватель обладает правом иметь собственное видение любой учебной темы.

Хватит нам жить призывами и лозунгами, бесконечно создавать все новые и новые мифические блага. Ведь человек хочет быть счастливым не в будущей жизни, не в загробном мире, а сейчас, сегодня. Хочет, наконец, почувствовать себя раскрепощенным и свободным.

Алексей Федорович Савченко — истинный русский писатель, прошедший, так же как и Олег Васильевич Волков, через космос агрессивного зла, о котором, несмотря на пылательную гласность, отечественному читателю еще, в сущности, многое неизвестно. Например, что мы знаем о власовцах? Что они — изменники Родины? Но до 1917 года изменников Оте-

чества среди русских солдат фактически не было. И вдрут гражданская и Великая Отечественная войны дали их миллионы! Есть над чем задуматься. Алексей Федорович родился в 1919 году в городе Новониколаевске (ныне Новосибирск) в семье русских интеллигентов. На войну ушел добровольцем с 3-го курса Московского станко-строительного института. В августе 1942 года в звании младшего лейтенанта попал в плен. Затем служба во власовской армии в чине подпоручика и снова плен, теперь уже советский, — 12 лет лагерей. Летом этого года я встретился с гостившим в Москве протопресвитером Александром Киселевым, написавшим книгу «Облик генерала А. А. Власова» (записки военного священника). В ней, а также в книге «Пути России» (обе книги изданы в США) Александр Киселев называет Власова русским патриотом, который, попав раненым в плен, пошел на договор с немцами ради создания Руской освободительной Армии (РОА), чтобы спасти Россию как от фашизма, так и от левизма. Согласившись на бумаге, немцы так и не решились создать РОА. До конца войны

две дивизии находились в состоянии формирования, хотя Власов, по свидетельству немецкого командования, мог бы сформировать в течение нескольких месяцев из советских пленных и русских эмигрантов. Сегодняшние патриоты и демократы от перестройки были бы потрясены, прочитав «Манифест» комитета освобождения народов России, учредившего РОА, ибо их нынешние программы на 90% совпадают с ним. Начиная с первого пункта — «Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность» и т. д.

Алексей Федорович Савченко утверждает, что власовцы в своем большинстве были чистые, честные люди, одержимые идеей возрождения России. «История РОА — несомненно, заслуживает самого пристального гласного внимания», — сказал мне Олег Васильевич Волков, это мнение не может быть сегодня игнорировано.

Публикуем пролог из книги Алексея Федоровича Савченко «Последний конвой».

Григорий Калужный

Алексей Савченко

Последний конвой

(Пролог)

Смоленщина. Октябрь. Грязная, раскисшая грунтовая дорога.

Серые промозглые сумерки спускаются на землю, уже давно пропитанную водой. Но не только земля, но и весь воздух, все окружающее пространство наполнено чем-то таким, что в равной степени может быть названо туманом, дождем, а может, и снегом. Воздух так плотен, что кажется, на него можно опереться, а чтобы сделать шаг, хочется развести пространство впереди себя руками.

По дороге бредут люди. Много людей. Тысячи людей. Они идут, глядя в землю, не поднимая головы, не оглядываясь по сторонам, не говоря ни слова. Они молчат, потому что им нечего говорить. В их мозгах нет ничего такого, что могло бы быть выражено человеческим словом. Им не нужны человеческие слова. Вся их жизненная за-

дача сейчас — сделать следующий шаг. Для этого не нужна мысль, не нужно слово. Нужно упорство. Нужно яростное желание жить. Наверное, чтобы остаться жить, им придется сделать еще сто, еще тысячу, еще миллион шагов. Но об этом ни один из них не думает: нельзя представить себе сто шагов, когда не знаешь, найдется ли в твоём измученном теле сил для одного следующего шага.

Это — советские военнопленные. Еще вчера они именовались солдатами, бойцами, командирами. Они делали что-то нужное и важное. О них кто-то думал, кто-то заботился. Теперь они — никто. Они лишние и никому не нужны. Позади для этих людей ничего нет, их прошлое от них отрезано. Так распорядилась судьба. Позади остались навсегда лежать на зеленой траве, на грязных дорогах, в зарослях кустарника, на свежем лис-

топаде их земляки, соседи, товарищи. Так тоже распорядилась судьба.

Их одежда намокла, пропитанные водой шинели давят на плечи, с пилоток и касок стекает за ворот вода и пробирается дальше по лопаткам и спинам. На сапогах налипли тяжелые комья глины. Они голодные и усталые. В это же время по другим дорогам их Родины, только направлением на восток, гонят стада скотины, чтобы они не попали в руки врага. Но эти люди — хуже скотины, потому что они бесполезны, они ни на что не годны, они мешают другим людям. И их гонят на запад неизвестно для чего. И немецкие конвоиры тоже не знают, зачем они это делают. Поэтому замы и вымещают свою злобу на толпе военнопленных.

Всех их вместе нельзя назвать ни колонией, ни толпой, ни массой, ни тем более коллективом. Потому что все эти понятия подразумевают наличие между людьми, их составляющими, какого-то духовного контакта. Но у людей, бредущих сейчас по дороге, нет в душе ничего, чем бы они могли поделиться с рядом идущим. Все их силы, мысли все без остатка отданы одной цели — идти, идти, идти.

Все они двигаются по дороге, окруженные другими людьми, толкают соседей, налетают на впереди идущих, сами получают толчки сбоку и сзади. Они — одинокие люди. Адам — первый человек на земле — не был так одинок, он мог поделиться своими мыслями с Евой. Робинзон на необитаемом острове разговаривал с кем-то из окружающих его живых существ, но эти люди не хотят и не могут ни с кем поделиться хоть одним словом.

Глинистая, грунтовая дорога, по которой бредут военнопленные, уже давно раскисла от дождей и тысячами ног превращена в полужидкое месиво. И никто из идущих не может наперед знать, куда вступит его нога при следующем шаге: то ли в жидкую дужу со скользким дном, и придется делать усилие, чтобы сохранить равновесие и не упасть, а падать нельзя; никто не подаст тебе руки, чтобы помочь встать. Упавшему придется тратить силы, а сил так мало, их надо беречь... В другой раз нога вступит в густую, как сметана, массу, которая будет выдавливать из-под подошвы, подниматься вверх, обволакивать ступню; ползти еще дальше к циклолоткам, как будто земля хочет схватить, не отдать, всосать. Нога приросла к месту, она схвачена, опутана, стреножена. Ее надо спасать. Тяжело, с усилием человек отрывает ее, и слышится злобное чавканье ненасытного чудовища, которое только-только попоробовало добычу на зуб, облизало и хотело проглотить, но добыча вырвалась из пасти, и чудовище негодует. Если нога в сапоге, то победителем скорей всего станет человек, но если в ботинке, итог борьбы еще далеко не ясен. И не дай Бог, если человек плохо зашнуровал свои ботинки... В одном из моментов борьбы становится ясно, что дорожное чудовище хотя бы частично, но добилось своего — оно проглотило ботинок, но выплюнуло ступню...

Еще совсем недавно человек называл землю — матушкой, кормилицей, и она была такой, и матушкой и кормилицей. Но сейчас эта земля избутовалась, она взбесилась. С каждым шагом она отнимает у человека частицу его силы. Она не же-

лет ждать положенного человеку срока и принять его к себе, успокоить навек. Она уже привыкла поглатить человеческую плоть, молодую, здоровую, красивую, и ей надо еще и еще. Теперь она земля-злодейка, земля-людоокада...

А куда теперь денется и далеко ли дойдет босой человек?..

Каждый знает, оставших сзади пристреливают...

Смеркается. Наверное, скоро будет привал... Нельзя же идти еще и ночь. Уже и сейчас ничего не разберешь впереди, а ночью тем более. Да и пойдет разве конной в такую темень?.. Значит, будет привал, можно будет сесть или лечь, протянуть гудящие ноги, закрыть глаза, расслабить мускулы на всем теле...

Но ведь нужна еще и крыша, хоть на время спастись от дождя, хоть немного посохнуть... Только где эта крыша? Почему ее не видно впереди?.. Нужно сделать усилие, еще последнее усилие, чтобы дойти до нее и упасть.

И люди, тысячи людей обретают на какое-то время человеческую способность думать и надеяться, ускоряют шаг и двигаются вперед, раздвигая сумерки, туман, дождь и грязь.

Но что это? Почему остановились? Почему не идем к месту привала и отдыха? И что там кричат конвоиры на своем лающем непонятном языке? Почему клацают затворами? Что хотят они от нас, измученных, голодных, замерзших?..

Что?! Опять пошла? Но почему свернули с дороги, почему идем по траве, спотыкаемся о кустарник? Так мы же обгоняем свою колонию! Своих же людей, что шли впереди нас!.. Встали... Значит, не обгоняем, а становимся рядом, второй колонией... Но зачем это?.. И где крыша? Где то, на что можно упасть?

Под ногами — дерн, пропитанный водой. Под тяжестью человеческих тел вода выдавливается и заливая ступни ног. Когда люди непринужденно вытаскивают ноги и становятся рядом, пытаются найти место посуше, они только еще больше выдавливают воду... Она уже по циклолотку.

Справа идут люди... Они нас обгоняют... Очевидно, они тоже из нашей колонии, но только шедшие далеко сзади.

Боже!.. Как хочется сесть, как хочется лечь, как хочется спать!

Люди справа остановились... Значит, и они нас не обгоняют, а становятся третьей колонией... Что значить этот маневр?

Весь день мы шли, не видя ни того, что делается сзади, ни того, что делается впереди. Взгляд упирался в людские фигуры, в сгорбленные мокрые шинели, в потемневшие от воды пилотки, в стальные каски, с которых льется вода. Зато, повернув голову, мы могли видеть какое-то пространство, деревья, траву. Теперь перед нами нет никакого пространства ни впереди, ни сзади, ни сбоку... Всеюду люди. Живые люди, потому что они двигаются на месте, перебирают ногами, сталкиваются, куда-то перемещаются.

Где-то в стороне сырую мглу тумана раздвинуло светлое пятно. Похоже, костер... Как нужен сейчас костер!.. Как хорошо было бы сейчас сесть к огоньку, протянуть к нему окоченевшие руки, почувствовать ласковые волны тепла и расслабиться, отдохнуть... Где этот костер, как дотянуться к нему?..

Пятно света резко увеличилось. Похоже, в костер плеснули бензина. Но откуда у пленных бензин?.. Нет у пленных бензина!.. Значит, костер этот — не наш костер. И предназначен он не для нас!.. Этот костер развели конвоиры, а раз они развели костер, значит, они собираются оставаться здесь всю ночь! И мы все — вместе с ними!..

А как же крыша, под которой можно было бы посохнуть?.. Да Бог с ней, с крышей!.. Пенек, бревнышко, досточка, на которую можно было бы присесть, ну хотя бы просто столб, к которому можно было бы прислониться и дать отдохнуть хоть какой-то части тела. Ведь мы весь день шли вперед, скользили по глыбе, вытаскивали ноги из грязи и шли с одной только мыслью: дойти до чего-нибудь, где можно будет отдохнуть. Теперь ясно, эти надежды напрасны!.. Теперь впереди долгая осенняя ночь вот так, стоя по щиколотки в воде и глыбе, под холодными струями дождя... И нет и не будет избавления ни для кого. Каждый должен сам для себя решать вопрос, как ему прожить до утра. И еще целый день, к вечеру которого, быть может, они придут куда-то, где можно будет прилечь или присесть... Быть может... А до тех пор предстоит ночь, а потом день... Каждый сам для себя!.. В одиночку... Сообразуюсь со своими силами и по своему разумению... Но как решить этот вопрос и по какому разумению, если и так ясно, что все силы уже истрочены на шаг, на согрвание своего тела, на борьбу с дорожным чудовищем... Разум отказывается решать эту задачу. Она непосильна разуму. Условия этой задачи противоречат всему, что разум знал до сих пор. И тогда мать-природа делает единственное, чем теперь может помочь человеку: она отключает разум, как лишнее, бесполезное, ненужное. Остается живая тварь, существующая в каждый данный момент только потому, что функционируют те механизмы, позволяющие этой твари существовать, и это будет продолжаться до тех пор, пока объективные, природой установленные законы существования живой твари позволяют ей это. Мысли, чувства, привычки, любые идеальные или иные принципы, житейский опыт, воспоминания, мечты, знания, науки, воспитание — все это вычеркнуто, выброшено, отторгнуто от организма, как лишнее, опасное для жизни. Любое из этих проявлений человеческой природы может отвлекать от самой главной его задачи — сохранения жизни в каждый данный момент.

Теперь всем поведением человека станет руководить инстинкт самосохранения, и только он, этот инстинкт, и сможет найти дорогу к спасению, если эта дорога есть у этого человека. Сейчас этот инстинкт подсказывает, что надо двигаться, двигаться все время, не останавливаясь ни на минуту, как бы ни хотелось остановиться и отдохнуть. Движение — это жизнь, остановка — это смерть. И, повинувшись велению инстинкта, тысячи людей, сгрудившиеся в огромную толпу на пространстве какого-то ауга, а может, убранныго жнивья, а может, просто поляны, затерявшейся где-то в просторах Смоленщины, или Витебщины, или Могилевщины, поднимают и опускают ноги, качаются, перемещаются туда-сюда, stalkуются друг с другом. Все, что прежде покрывало это пространство — трава ли, дерн ли, жнивье ли, — тысячами ног вдавлено, втоптанно, стерто с лица земли. Теперь это пространство покрыто

жидкой грязью, и каждое погружение ноги в нее сопровождается хлопанием и чавканьем. Тысячи этих звуков сливаются воедино, и, хотя ни один из находящихся здесь не произносит ни слова, к этим звукам земли присоединяются звуки трущихся шинелей, сталкивающих человеческих тел, быть может, чего-то еще и в царящей предимней ночи поднимаются к небу, как общий стон еще существующей жизни.

Походило. Дождь сменился снегопадом, и бесшумные снежинки покрыли белыми пелеринками головы и плечи людей. Стало светлее. Не настолько, правда, чтобы можно было различить отдельного человека, но все-таки достаточно, чтобы отличить все это пространство, занятое людьми, от всех других окружающих пространств — от леса, поля, воды. В этом пространстве происходят какие-то непонятные движения, какие-то внутренние перемещения, колебания, вибрации.

Для тех людей, что проводят ночь в пространстве, обозначенном дымными кострами, около которых пытаются согреть руки немецкие конвоиры, для тех, у кого, стоя по щиколотку в холодной глиняной жиже и под хлопьями холодного мокрого снега, есть возможность делать только одно движение — вытягивать ногу из жижи, вытягивать с усилием, с хлопанием и чавканьем и только затем, чтобы тут же поставить ее туда же, в ту же ненасытную жижу. Они не ели вчера, и скорей всего их никто не будет кормить завтра. Даже глотка воды никто им не дает... И они не знают, когда кончатся их страдания, и кончатся ли они вообще. Они не знают, хватит ли у них сил пережить эти страдания, и, наверное, можно сказать, что среди этих тысяч людей, топчущихся в холодной глиняной жиже, есть много тех, у кого таких сил не хватит даже до следующего утра.

Время идет... Немецкие конвоиры с нетерпением поглядывают на светящиеся циферблаты наручных часов. Для конвоиров часовая стрелка тоже движется слишком медленно к той отметке, которая будет означать, что пришла смена, и это позволяет им уйти от этой мерзкой погоды, холода и мокроты куда-нибудь под крышу, ближе к теплу, где можно погреться, позавтракать, поспать.

Толпа пленных иногда слабо освещается сполохами плахо горящих костров, но большей частью может быть вполне точно угадана по шуму, ею издаваемому из-за своего непрерывного движения. Нет никаких команд, но вся масса людей медленно и целенаправленно передвигается, она сгущается, уплотняется. Из прямоугольных по форме кусков походной колонны, образовавших эту толпу в момент остановки, постепенно получилось нечто вроде печального роя на плоскости, с почти правильной окружностью по периметру. Всем командует инстинкт самосохранения каждого. Этот инстинкт подсказывает, что, если они будут стоять ближе друг к другу, каждый станет тратить меньше сил на борьбу с холодом и ветром. Тот, кто оказывается на краю, пытается скрыться в толпе. Никто не знает и не думает, есть ли у толпы геометрический центр, но он существует, и все перемещение всех человеческих молекул в общей равнодействующей направлены к центру. Но и чересчур тесно этот человеческий рой тоже не уплотняется. Даже в самом центре должно оставаться место для того, чтобы каждый человек

мог перебирать ногами и раскачиваться из стороны в сторону. Так требует инстинкт самосохранения, и все ему беспрекословно подчиняются...

Так тянется время...

Но что это?.. Какой звук вдруг нарушил равномерный гул тысячеюгой толпы?.. Звук слабый и непродолжительный, но он ясно выделяется на общем фоне. Он выделяется еще и тем, что, вне всяких сомнений, такой звук может быть исторгнут только из человеческой груди... Что означает этот звук?.. Крик о помощи? Мольбу о пощаде?.. Но разве человек не знает, что во всей многотысячной толпе не найдется ни одной руки, которая протянулась бы ему на помощь. Разве он не знает, что во всей многотысячной толпе не найдется ни одной души, которая откакинулась бы на его мольбу?! Ибо в этой толпе нет ни одного человека, который бы сам не нуждался в помощи, не нуждался в пощаде... Разве этот человек не знает, что все его окружающие уже давно перешли тот рубеж, который отделяет человеческое от нечеловеческого? Что всеми движениями в этой толпе руководит инстинкт, а у инстинкта нет таких понятий, как помощь или пощада?..

В этот момент и в этом месте окончилась человеческая жизнь!.. Жизнь одного-единственного человека!.. Горела свеча и сгорела ее без остатка... Сосуд жизни иссяк до дна...

Уже нет силы поднимать ноги... Нет силы шевелиться, нет силы стоять. Земля железными клещами схватила и тянет к себе... И она права, наша земля-матушка, земля-кормилица, ибо еще давно сказано: «из земли вышел, в землю уйдешь»... К ней, только к ней припасть, прижаться измученным телом, только она даст отдых и успокоение страдающей человеческой плоти... А что на свете может быть лучше и к чему стремится каждый человек, как не к отдыху и к успокоению...

Э, нет! Стой, погоди, человек! Ты что — устал?.. Ты уже не хочешь сражаться за жизнь?.. Ты собрался уйти?.. Но ведь вокруг тебя есть другие люди, много других людей, у которых еще не вся сгорела свеча... Они еще хотят, они еще будут сражаться за жизнь, за свое будущее, за солнце и свое место под солнцем!.. Человек!.. Ты собрался уходить?.. Уходи, это дело твое. Но на тебе надеялись, и ты не имеешь права уносить шинель с собой... Крутом тебя живые люди, и твою шинель может спасти кому-нибудь жизнь... Отдай шинель живому...

А сапоги?.. Зачем тебе сапоги?.. Земля примет тебя и без сапог... Отдай сапоги босому!..

Твою гимнастерку кто-то сможет надеть на себя и этим сохранит хоть чуточку тепла, может быть, то самое тепло, которое сэкономил ему силы и даст возможность сохранить жизнь... Твои брюки кто-то обмотает вокруг шеи, и это тоже даст ему шанс... Каждая тряпочка пойдет в дело, каждый лоскуток кому-то поможет... Отдай все людям, ты ведь тоже был человеком!..

Казалось бы, кругом темно, так темно, что людей легче узнавать по издаваемым ими звукам, чем по их виду. И нет такого человека, который смог бы беспрерывно, часы и часы двигаться и двигаться. Усталость накапывается, и требуется хоть какой-то отдых... Поэтому то тут, то там двигающаяся фигура останавливается, прекращает топтание, человек стоит, покачиваясь. Организм выключил сознание. Человек спит. Но проходят де-

сят, двадцать, тридцать секунд — и сознание возвращается, и обычный ритм движения восстанавливается. На таких ритм из окружающих не обращает никакого внимания.

И совсем другое отношение к тем, кто выкинул белый флаг, за кем пришел Последний конвой — Смерть. Окружающие узнают его мгновенно и безошибочно. Как можно узнать в темноте, что именно у этого человека погасла свеча жизни?.. А вот узнают и никогда не ошибаются. И ни один из обреченных не упадет на землю раньше того момента, когда он отдаст всю свою одежду. В темноте ночи мало что видно, только слышно тяжелое дыхание многих людей, учащенное чавканье переступающих ног да иногда треск раздираемой ткани. Шинель одна, гимнастерка одна, а нуждающихся так много. В темноте угадывается конвульсивное движение человеческого тела, взмах рук, с которых сдергивается одежда, задранные кверху ноги, с которых стигиваются сапоги. Странно. Казалось бы, человеческое тело весит немало, люди, хлопочущие вокруг него, устали, измучены, и у них нет никаких сил, но они вертят этим телом, как будто это просто соломенное чучело.

Умиравший рассчитывается с живыми, отдает все, что имеет, и исчезает в крошечной тьме. Еще некоторое время в этом месте продолжается сутолока, потому что не так просто разделить то, что получено. И здесь действует тот же великий принцип природы — побеждает сильнейший. Наконец все разделено, сильнейшие получают шанс продолжить свою жизнь. И постепенно возобновляется то равномерное колебательное движение, которое свидетельствует о том, что это пространство заполнено живыми людьми и эти люди сражаются и будут сражаться за свою жизнь, за свое будущее. Ибо такими природа создала людей.

Проходит какое-то время, и в другом месте повторяется та же картина: завихрения, сутолока, судорожные движения, может, и не будет никакого сигнала о человеческой беде, а потом опять все успокоится, все войдет в обычную колею.

Сколько свеч погаснет за эту сырую, долгую, осеннюю ночь? Кто знает?.. Никто не будет считать, да и какое это имеет значение, когда за такую же ночь будут оборваны жизни тысяч и тысяч молодых, сильных и здоровых, желающих жить и имеющих право жить.

Промозглая осенняя ночь постепенно сменяется таким же промозглым осенним утром. Пришла смена немецкого конвоя. Вчера они хорошо поели и отдохнули. Ночью выпались. Они полны энергии и желания отлично выполнить порученное им дело... Опять нетерпеливые крики и непонятные команды на чужом языке. Колонна начинает вытягиваться по еще более, чем вчера, раскисшей дороге, осклизываясь и хляпяя ногами, в направлении на запад...

Может быть, сегодня к вечеру они увидят крышу над головой. Может быть, сегодня они смогут сесть или лечь и дать отдых своим ногам, своим плечам, своей спине, а через это дать облегчение и своей измученной душе... Быть может.

Боже! Помоги им дойти до конца.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Дом, куда приходят за похвалой

Жанна Гречуха

Всякий раз, приезжая в Грузию, я захожу к нему в старый, милый сердцу особняк на улице Горгосали, садились на уютный, покрытый немислимым цветом, «бархатный» диван, тоже старинный, видимо, имеющий свою историю, и мы — как будто и не расставались — тут же начинали разговаривать. Ничего в этом нет удивительного: к нему, Гураму Габашвили, вся Грузия приходит — «разговаривать». Сначала я отнеслась к подобному утверждению с чисто московским недоумением: «Так не бывает!» Впрочем, начнем сначала.

Меня поразило в нем — с первого взгляда, с первого приветствия мне, как гостю, — осторожное, бережное внимание. Мне подумалось, наверное, тайна его власти над душами своих многочисленных учеников — в умении слушать. Ту мелодию, которая еще только пробивается, еще не различима никем, кроме самого Автора и

Учителя, к которому тот пришел.

Иногда мне казалось, что он, Гурам, приучил своих учеников относиться к творчеству, как... к подлему в гору. Японская пословица успокаивает путника: «Сначала ты поднимаешься в гору, потом гора поднимает тебя».

Он был Учителем в том ста-

Гурам Габашвили. «Охота». Медь. Чекалка. 1971 г.

ринном, высоком значении этого слова — он учил Жизни, проповедовал красоту, был образцом нравственности, чистоты, бескорыстия, вкуса. А все народные мастера и мастера, любители, самоучки, подмастерья, начинающие и потомственные — гончары, резчики, ювелиры, художники, все, кто занимался каким-либо ремеслом, почти сразу же превращались в его друзей, ибо только самым близким, друзьям, мы доверяем своих детей — свое творчество.

У него дома, более изысканного и скромного дома я не встречала в Тбилиси, над тахтой, на ковре — коллекция оружия. Пистолет, кремневое ружье, кинжалы, сабли. Оружие его предков.

— Мы изготавливали оружие, и покупали заграничное (задумчиво и грустно). Наша интеллигенция руки не подавала торговцам. Мы потеряли дух той гордости. И все это случилось. Очень некрасиво. Торговля. Купая-продажа. Грузин этим не занимался. Мы потеряли свое. Грузины теперь с самого начала хотят разбогатеть. Крестьяне сейчас строят огромные дома, но без уюта, без стиля. Потеряна старая грузинская архи-

текстура. Ведь раньше как было? В любом селении всегда жил один интеллигент. Или князь. Или дворянин. Или учитель. Или священник. Мы потеряли свое национальное искусство. Достоинство.

Неожиданно, совсем с другой — проповеднической — интонацией:

— А знаете, память — это самое главное, самая большая награда для человека, и для его детей, и для его внуков. В Израиле названы улицы именами тех грузин, которые защищали евреев во время погромов в Одессе в начале века... — И, помолчав: — Свои законы народ должен создавать сам. Тогда гены заснувшие опять пробудятся.

И, словно догадавшись, что меня волнует, отвечает на незадачный вопрос:

— Что в жизни самое трудное? Делать свое. Столько вокруг влияний, соблазнов, да и честолюбие... Все хотят «выставляться». Это просто болезненное какое-то желание. Но не считается с ним нельзя. Я это учитываю, когда готовлю очередную выставку. Для самореза художнику необходимы отзывы о своем творчестве.

— А как же ваши собственные работы?

Вадохнул:

— Приходится чем-то жертвовать. Ничего не подедаешь, без этого — никак. Сизгу здесь с утра до вечера, ко мне приходят, хотят поговорить, но я не со всеми здесь разговариваю. Потому что художники — народ застенчивый, ранимый (я про себя: «Художник — растение многолетнее»), поэтому лучше, чтобы никто не мешал. Я им говорю: «Позвоните мне домой, договоримся о встрече».

Когда мы беседовали с Гурамом, я замечала, как часто менялось выражение его лица: иногда сердце замирало — так он старел на глазах, как будто на его плечи наваливались годы, разочарования, потери, проигрыши, воспоминания — о всех выставках, поездках, встречах, бедах, несчастьях, ведь ему уже... за пятьдесят... Но вдруг в его глазах вспыхивал озорной, мальчишеский, непасимый свет, и не верилось, что у него — уже вну-

Гурам Габашвили. «Лилия (гимн солнцу)». Липуть. Чеханка. 1969 г.

ки... и к нему нужно обращаться вежливо-почтительно, ибо он — мэтр.

— Посмотрите на эти фотографии. Каменная резьба. Этого дома уже нет. Жил Резчик по камню. Весь дом разукрасил. Какие делал скульптуры. Дети, внуки теперь в городе. Дом этот им не нужен, продали. Резьба никому не нужна. А дом был уникальный. Вот — остались фотографии. Что могу, всегда стараюсь сохранить. Я заметил, вы приходите и всегда смотрите на эти фотографии. Значит, дом живет и в вашей памяти.

Когда мои сыновья были маленькими, я сажал их в машину, у меня в то время была своя машина, и брал с собой в горы. Мы объездили всю Грузию. Они у меня не только наблюдали жизнь — они ее вспоминали. В детстве это, по-моему, самое важное — *впитать*

все эти запахи, звуки... Деревенская жизнь в горах — это такое многообразие впечатлений, такое количество эпизодов. А колорит! А язык! Как умеют вести беседу! Какое застолье — настоящие артисты!

Мне хотелось, чтобы сыновья полюбили свою землю. И эти горы, и эти крепости, дома, усадьбы. Сколько вкуса, умения, какое чувство меры. Недаром шутят: грузин даже обломок дерева не бросит «просто так» — обязательно, чтобы упал красиво. Наверное, это врожденное.

Обратите внимание — как все было продумано в хозяйстве горца. Ничего лишнего, только необходимое. Если резьба — то какая тонкость орнамента, если кошма или

ковер — то обязательно колорит согласуется с деревянной мебелью, глиняными кувшинами. А связки лука, перца, цветов шафрана, кукурузы — и все это на открытых верандах. Каждая вещь имела свое назначение. Свое место. Необходимость. Ничего не нужно изобретать — все эти формы отобраны веками. Это нужно впитать с молоком матери — песни, сказки, легенды, обряды, обычаи, сочетание цветов.

Скажем, что такое «грузинский стол»? Это кувшины песочно-оранжевой керамики знаменитого села Шроша, это лепешки и хачапури, зелень, сыр — это прежде всего нетеропливости общения и уважение к дарам земли. Потому что в основе труда крестьянина — превыше всего и поверх всего — любовь.

...Он закурил и посмотрел на картины, мягко светившиеся красками осени. Сгустились сумерки, мы сидели вдвоем в его кабинете, рабочей комнате, и, казалось, все люди, которых он обогрел огнем своего сердца, тоже присутствовали здесь, раздвинув по неизвестным законам физики, но столь привычным знаком дружбы, пространством этих четырех стен и впуская горы, снег, ветер, огонь, песни...

— Любовь к земле. К горам. К глине, из которой гончар лепит этот кувшин, к виноградной лозе, которую нужно делять, ласкать — да, да, разговаривать с ней, петь для нее. Все, что окружает крестьянина, — живое, живоородающее. Наш знаменитый поэт Важа Пшавела был крестьянином. В его поэмах разговаривали звери, птицы, камни. Любовь питает воображение, фантазию. Любовь в основе красоты. Только любовь!

Посмотрел мне в глаза и очень мягко, как ребенку, чтобы запомнил навсегда:

— Это не значит, что главное — «любовь к женщине», «к детям». Нет! Вообще — любовь — как выражение отношения к миру.

...Он ответил на самый главный, мучительный вопрос: «Как, откуда берутся у него силы — наблюдать, и питать, и растить свой сад — полторы тысячи человек? На каждого из них он сам, лично, завел

«индивидуальные карточки». На каждого человека, который занимается в Грузии каким-либо ремеслом, искусством или любительством — живописью, чеканкой, ткачеством.

— У меня три сына. Я их всех люблю. Душа болит за них. Свои, родные... Больше, меньше люблю?... Не понимаю... Разве может быть мера в любви?

...Я подумала, наверное, любовь — как жизнь. Она неиссякаема. Но она же и беззащитна. Чем сильна любовь? Тот, кого любят, ощущает свою незаменимость: «Вот для этого человека я — незаменим». Это ощущение одаривает крыльями. Оно знакомо любимым детям и любимым ученикам. Хочется расцеловать, совершать чудеса, удивлять радостью.

...Мне всегда трудно было с ним прощаться, всегда казалось, что о самом важном мы так и не поговорили. Например, о призвании.

— Без призвания не может быть счастья. Ни творчества, ни настоящей жизни. Призвание — это ведь не профессия. Это совершенно другое. Мне кажется, когда я начал здесь работать, я нашел свое призвание. Вы понимаете, о чем я говорю? Может быть, призвание — это когда понимаешь, что никто, кроме тебя, твое дело не сделает. И это сознание придает силы. И тогда приходит «второе дыхание» и уверенность, что твое дело совершенно необходимо людям... Работаешь с людьми, видишь, как они меняются, «растут», и ты тоже растешь вместе с ними. Иногда мне кажется, что нет уже такого ремесла, в котором я бы не смог «дать совета». Двадцать пять лет, даже тридцать — большой срок. А иногда вдруг думаешь — а не передать ли их всех какому-то молодому человеку? Пусть продолжает мое дело. А кому передать? Тут ведь не такая работа, чтобы за зарплату, «от и до». Это работа — на жизнь. Вот почему я говорю о призвании. Нельзя выбрать за человека его призвание. Он должен сам его выстрадать.

...Почему мальчик из интеллигентной семьи, городской

мальчик, начинает увлекаться чеканкой, рисует, хочет быть художником, потом, прислушиваясь — как принято в грузинских семьях — к советам старших, поступает на исторический факультет университета и неожиданно для всех, но не для самого себя, — приходит в Дом народного творчества, чтобы искать по всем районам Грузии народных мастеров? Почему?

— Но ведь человек не может убить свое призвание, если оно в нем живет. Почему человек берет в руки карандаш или резец, садится за ткацкий станок, хочет выткать ковер? Ему необходимо выразить свое, только ему одному присущее ощущение мира, свое детство или свои мечты... Что-то, что его радует или мучает. Ему это необходимо. И мне — тоже. Я начинаю ожидать от него этого выражения. Когда ко мне приходит, я всегда спрашиваю: «Кто родные, откуда родом? Кто учил, у кого научился?» Мне важно понять, что художник хочет рассказать этим орнаментом. Ведь у каждого из нас в крови память наших предков. И никогда русский или украинец не сможет выразить своеобразие Тифлиса так, как грузин. Пусть передает свое восприятие. Восприятие русского человека, живущего в Тбилиси. Я — всегда за неповторимость. За самобытность.

Мы прощались. И он уже в мыслях возвращался к мастерям, к проблемам создаваемого Центра народного творчества — с выставочным залом, издательством, лабораторией, красивой, салоном...

— Незаменимых людей — нет. И каждый на моем месте делал бы то же самое, — вот в Болгарии, например, или в Прибалтике, а уж в Японии...

«Незаменимых людей — нет»? Позвольте с вами не согласиться, батона Гурам!

Николай Коняев

Там, где синее, синее море

Рассказ

Море было теплым и грязным, словно плохо сваренный борщ. В соленой воде болтался какой-то мусор и толстые, скользкие, как куски сала, медузы... Лева старался держать голову над водой, но небольшая волна поднимала мусор к лицу, а руки то и дело натывались на студенистых медуз. Хотя Лева и торопился отплыть подальше от берега, но добраться до чистой воды не сумел. Мусор покачивался и за буйками, а дыхание уже кончилось, мускулы ослабли — пришлось повернуть назад.

Тяжело дыша, выкарабкался Лева на берег и, пошатываясь, протиснулся к своему расстеленному прямо на гальке полотенцу. Пробрался. Лег.

«В-все хорошо,— подумал он.— В-все отлично. Ты на юге. Рядом теплое море. В-все очень хорошо. Ты уже три года собираешься поехать на юг, но не мог собрать денег. Теперь ты приехал. П-придется малость поджидать в будущем году, ю это не с-страшно. Ты на юге. Это главное. Т-тебе очень хорошо».

Это заклинание принесло облегчение. Схмыкнуло раздражение. Лева открыла глаза. Вокруг, празднично и весело, шумел пляж, заваленный, заставленный жадно впитывающими в себя солнце телами отдыхающих. Еще дальше покачивалось теплое море...

Потянувшись, Лева вытащила из одежды часы. Время шло к двенадцати. Пора было подумать об обеде — сегодня Лева еще не завтракала. Надо кончать с этим м-мальчишеством. Гаупости, конечно. П-проспал и решил не терять времени в очереди, сразу прибежал на пляж.

Н-нет. Т-так нельзя. Море море, но не хватало, чтобы опять схватило живот. Тогда уже никакому югу не обрадуешься. Нет. Надо идти в кафе, пока все не рвануло туда. В столовую он, конечно же, не пойдет. В п-пельменной тоже не протолкнуться. Лучше чуть-чуть подняться вверх от набережной, там кафе. Вывеска не очень заметная, и, может, народу будет немного.

А вот тут он ошибся. Возле незаметного кафе уже змеялась очередь. Н-да... Не бывает на южных курортах незаметных кафе. Очередь, правда, поменьше, чем в пельменную, но час стоять придется. И стоять на этой жаре... Лева почувствовала, как снова поднимается в нем раздражение, и сразу прикрыла глаза.

«Ничего с-страшного... Очередь не такая уж и большая. Зато готовят наверняка хорошо. Здесь все п-прекрасно. Пальмы. Солнце. Вокруг красивые молодые женщины. С-смотри на них, и время пройдет незаметно. Все очень хорошо!»

Красивых молодых женщин, к счастью, хватало и в очереди. Прямо перед Левою стояли две подружки в коротеньких сарафанчиках, которые ели и прикрывали что-то, то только, чтобы это было заметно... Даже чуть-чуть неловко было смотреть на них с такой близки.

— Лева! — раздался тут девичий голос, и он быстро поднял глаза — ему махала рукой стоявшая в самом начале очереди коротковолосая девушка, в которой он с трудом и не сразу узнал Ольгу.

— З-здравствуйте! З-здравствуйте, Петя... А г-где, Ольга, твои волосы?

— Остригла! Сегодня все утро в парикмахерской проторчала. Видишь, какой Петруша недовольный.

— З-зачем? Зачем, Петя, ты р-разрешил ей это?

Петруша недовольно хмыкнул. Он вообще — Лева это еще вчера заметил — не страдал разговорчивостью. Зато Ольга снова засмеялась.

— Жарко было, вот и остригла! А разве плохо?

Она улыбнулась, но глаза выдавали ее. Чуть зеленоватые, они потемнели от тревоги.

— П-почему? Очень красиво. Только п-по-другому красиво. П-привыкнуть надо.

Тревога растаяла в Ольгиных глазах.

— Привыкнешь... Вон Петя уже привык и не обращает внимания... Ведь правда, Петруша?

Петруша молча взглянул на нее, потом плонул на замусоренный асфальт.

— А по-моему, так — очень красиво... — Ольга повернулась, демонстрируя не столько свою прическу, сколько фигуру. Она и правда была очень красивой. Большие, чуть зеленоватые глаза, нежная, едва тронутая загара кожа, чуть вздернутый носик, припухшие, красиво очерченные капризные губки... А уж фигура... Нет, про это лучше и не думать. Такая фигура любого с ума сведет... Смущала Ольгина фигура Леву, смущали ее длинные, с узкими шиколотками ноги, смущала упруго торчащая под легкой белой кофточкой грудь... Незаговорчивый с веснушчатými руками Петруша тоже смущал.

Кафе оказалось дорогим. Лева сразу сообразил это по облику и размерам безкусных че-

канок, украшавших стены.

— Надо было в ресторан идти... — Лева наклонился над тарелкой, близоруко рассматривая обгоревший шашлык. — Т-так мясо испортить. В-вар-вары...

— Надо на море скорее, искупаться... — с набитым ртом ответил Петруша. — Чего ты нос ворожишь? Нормальная жратва.

И, не жалеючи, поила куски мяса приправой из кувшинчика.

— Это не ш-шашлык... З-знаете, как настоящий шашлык делают...

О том, как надо готовить, Лева умел рассказывать. И любил рассказывать. Хотя поесть тоже любил. Просто чаще приходилось рассказывать. Поэтому и любовь такая... Не быть гурманом, но сытость. Зато уж слыть так слыть... Ольга слушала его, позабыв про еду, широко раскрыв глаза.

— Хорошо поешь! — кивнула Петруша. — Рассказывай дальше, а я, пожалуй, еще порцию закажу.

И, высматривая официанта, закумукала огурцом, будто это шла рота солдат в сапогах. Лева быстро взглянул на Ольгу. Та извиняюще умыкнулась и тут же опустила зеленые глаза.

Лева замолчал. Принялся за свой шашлык. Уже второй день он был знаком с этой парочкой, но разобраться, кто они друг другу, не мог.

Они познакомились вчера на пляже.

С ними была тетка, лет, наверное, сорока, располневшая, не вменяющаяся телесами в весьма просторный купальник. Этой троице надоело играть в дурака втроем, и Ольга, оглядываясь в поисках партнера, оставила свои кошачьи глаза на Лева. Тот, конечно, согласился. Отчего же не согласиться, если красивая девушка вдруг замечает тебя и приглашает поиграть в подкидного. Так и провели день. Бегали по очереди купаться, оставляя «дураков» сторожить вещи. И несколько раз Лева выпадала очередь купаться с Ольгой. Вот тогда и вода не казалась грязной, в голову бы не пришло сравнить море с плохо сваренным борщом. Ничего Лева не видел, кроме Ольги, кроме ее глаз,

кроме ее тела, окутанного ласковым и теплым морем. Когда Ольга выбиралась из воды, она сдергивала с головы купальную шапочку, и волосы мягко рассыпались по мокрым плечам, и Лева казалось, что Ольга делает это для него... Она так открыто радовалась теплоте морю и щедрому солнцу, в лучах которого купалась ее тело; так жадно впитывала в себя и заполненный людьми пляж, и белый паромид вдалеке; так неподдельно была счастлива, что становилась завидно. Переполюнявше Ольгу счастье выплескивалось из нее, и даже угрюмое лицо Петруши временами светлело, а тетка, колыхаясь вываливающимися из купальника телом, задыхаясь, умоляла: «Уймись...» А что же говорить про Лева? Его несло...

— Дарогой товарищ отдающий! П-пасматри, дарогой, направо. Что ты в-видишь? Т-ты, дарогой, ничего там не видишь. И не увидишь. Но я об-бьясняю тебе, дарогой. Направо к-крепость, пастроена в конце прошлого т-тысячелетия. А теперь смотри н-налево. Н-налево б-будет стоять дом, который наши з-замечательные строители обещают с-сдать в б-будущем тысячелетии.

Ольга заливалась смехом, но смеялась чисто, как будто кто-то перебирал в шкафу фарфоровые чашки и они тихо звенели, а тетка снова колыхалась не вменяющимися в купальник телесами и умоляюще просила: «Ну, Левочка! Ну, прекратите, пожалуйста».

Вот такой день был вчера. Вместе поужинали, потом сходили в кино на старинный — такие только на курортах и показывать — немецкий фильм, переполненный глупыми песенками, пухлыми красотками и какой-то развратной добропорядочностью... или, может быть, наоборот — добропорядочной развратностью? Впрочем, неважно. Потому что, когда вышли из кино, мгновенно ступились сумерки и в небе ярко вспыхнули огромные — ни в Москве, ни в Ленинграде не увидишь таких — звезды. И Лева сразу позабыл про фильм, загрустил, начал вдруг говорить, что здесь, на юге, и понимаешь п-по-настоящему мно-

гое из мифологии, д-да и из п-позвни вообще. И тогда Ольга неожиданно попросила его почитать стихи, и Лева хотел было вначале отшутиться, но шутка не вязалась с дыханием близкого моря, с тихим шумом машин на автостраде, с этим небом...

Д-для отрока, в ночи глядящего эстампы,
З-за каждой далью даль, з-за
каждым валом вал.
Так мир велик в лучах рабочей лампы,
А в памяти очач так
б-безраздельно мал...

Лева читал, и голос его сливался с похожим на шум морского прибора шелестом шин на автостраде. И, наверное, ни Ольга, для которой Лева читал Бодлера, ни ее тетка, ни угрюмоватый Петруша, которому не могла, не имела права принадлежать Ольга, как не могут никому принадлежать море и звезды, — никто из них и не понимал толком, что значит:

В цирцевных с-садах, дабы
не стать с-скотами,
Бегут, бегут они в оцепененье чувств,
П-пока ожоги льда и с-солнеч-
отвесных пламя
Не вытравят следы
и-воолшебных уст... —

но и они чувствовали, что эти стихи всегда были, должны быть в этой ночи, под этими звездами, рядом с этим морем...

Остановились у маленькой калитки, за которой уступом прилепился к скале дом. Свет из окон, запутываясь в винограднике, нежно подсвечивал кудрявые листья, пятнами разбегался по каменным плитам.

Лева осторожно пожал Ольгину руку и удивился, какой крепкой оказалась ее ладошка, но удивился мимоходом, он напрягая, ожидая, что будет дальше в этой переполненной треском циркад, безудержно щедрой для любви и счастья южной ночи. Нет... Ольга и Петруше протянула руку, и хотя очень долго, подозрительно долго не отнимала ее, но они прощались, прощались!

Наконец женщины ушли. Внизу гирляндой огней, словно бы провиснувшей под тяжестью темного моря, переживалось побережье.

— М-может, п-пойдем, иску-

паемся?.. — предложил Лева.

— Сейчас?! Ну, пошли... Искупаемся, если не трусишь...

Почему Лева должен был трусить? Г-таупости какие! Смело шагнул он в темноту сбегавшей к морю улочки. Странный был человек — Петруша. Чего творилось в его угрюмой голове? Неизвестно... Зато плавал он, надо это признать, просто классно.

— Ты куда? — спросил он, когда Лева повернул к берегу. — Поплыла дальше!

— Н нет... Я возвращаюсь.
— Ну как знаешь! — взмахнув руками, Петруша стремительно ушел в темноту. А Лева перевернулся на спину и, глядя на крупные звезды, что покачивались вверх, медленно поплыл к берегу.

Он успел одеться, походила по заваленному цементными глыбами берегу, когда из темноты моря возник Петр. Мощно взмахивая руками, он почти вплотную подплыл к берегу и только тогда встал.

— Правильно, что сразу вернулся... — натягивая одежду, неприятно хохотнул он. — А то бы одежку еще сперли! Представ-

ляешь, голышом возвращаться, а?

— Т-ты далеко живешь?

— На горé... Там, где были.

— Т-там?

— Там... — Петруша вытащил из кармана сигареты и закурил, усевшись рядом с Левой. — Ты что? На Ольгу глаз положил?

— Я?! С-с чего ты взял?

— Ну раз нет, тогда все в порядке... Тогда и толковать не о чем. И правильно. Зачем толкаться, если бабья здесь и так хватает. Правильно я говорю?

Лева ничего не ответил. Цинизм всегда вызывал в нем отвращение. Странно, конечно. Ведь кончал Лева медицинский институт, а выпускники его особой стыдливостью не страдают. Хотя, конечно, их цинизм другой. Другого сорта, что ли...

— Ты чего молчишь?

— П-противно отвечать.

— А-а... Ну ладно. Тогда пошли спать.

Петруша отбросил сигарету и встал. Этакая глыбища, нависшая над Левой. Лева тоже на всякий случай встал.

— Ты кем работаешь?

— В-врачом...

— А-а... Ну, понятно. А я на такси...

Что значит это «а-а», что было понятно Петруше, при чем тут его работа на такси, а главное, откуда у него такие права на Ольгу? Неясно... Хотя в принципе этот Петруша прав: ни к чему толкаться. Он, Лева, не для того приехал на море. Но соглашаться с таксистом Петрушей не хотелось. Поднявшись вверх, он сухо кивнул ему и тут же свернул в темноту своего переулка.

Лева надеялся, что только доберется до своей раскладушки в сарайчике, сразу и заснет. Не тут-то было. Долго ворочался в липкой и жаркой темноте, и, хотя все уже решил для себя, все равно снова и снова прокручивал события ушедшего дня, все разговоры, пытался ухватиться за что-нибудь, чтобы понять, что же все-таки связывает Ольгу с этим Петрушей... Заснул он уже на рассвете, под крик горластых абхазских петухов. А потом начали просыпаться соседи по сараю, заскрипели половицами, загремели умывальниками. Лева, правда, не стал вставать, лежал с

спросила Ольга, и снова Лева показалось, что кто-то встряхнул шкаф с фарфоровой посудой. — Дальше-то что?

— А дальше? Дальше: христь, ляг, крики, с-скрежет, огонь... Дальше не помню ничего. Как доехал до Гагра, тоже не помню. В Гагра вышел, посмотрел машину — весь капот поцарапан. Ай-ай, думаю. Какой нехороший человек был. С мамой не простился, весь капот на моей машине исцарапал... Где такой нехороший человек родился?

Когда Лева увлекался, почти исчезало занкание. Он ничего не замечал, не замечал даже, что давно смолкал парни за столиком под пальмой и хмуро прислушиваются к его рассказу, забыв про девушек в коротеньких сарафаниках.

— Хватит! — вставая, сказал Петруша. — Еще один такой рассказ — и два часа драки без перекуров.

Только тут и заметил Лева хмурые взгляды местных джигитов. Но не испугался. Вернее, сообразил, что сейчас пугаться нечего. Не такие дураки эти юные джигиты, чтобы вяз-

зваться посреди дня в драку с двумя мужиками. Ничего. Перехмурятся. Перебьются. Он победно — один ноль в его пользу! — взглянул на Ольгу. Ах, Оля-Оленька... Ну какой же она молодец! Она-то еще не сообразила, что никакой драки не будет. В ее зеленоватых глазах был испуг и еще... Что же еще? Ну, конечно, восхищение Левиной смелостью. Т-так что простите, уважаемые рефери. Не один ноль. П-простите...

А дальше воображаемый рефери и не сумел бы сосчитать все очки, зарабатываемые Левой. Игра шла в один ворота. Море, солнце, сияющие глаза Оленьки — этот праздник солнечного юга не могла омрачить Петрушина хмурость. Лева видел, что Петруша пытается что-то втолковать Ольге, но Ольга не слушала его, не могла усматривать... Петруша, правда, попытался взять реванш, провел запрещенный, как говорится, удар ниже пояса — предложил завалиться в какой-нибудь коктейль-бар, скоротать там два часа, а потом рвануть всем в ресторан.

Но сейчас-то Лева не расте-

рялся. Как говорится: карты брошены, господа. Руки на кольтах! Лева достойно встретил этот запрещенный в его кругу удар. Быстро прикинув свои возможности и прилаживая к ним всемогущество антиалкогольного законодательства, небрежно кивнул головой.

— Прекрасно! — Ольга захопала в ладошки. — Какие вы молодцы, мальчики! Но тогда мне нужно идти. Собираться.

— З-зачем? Вас, Оленька, и в купальнике в любой ресторан пустят!

— Не стыдно? — Ольга шутиливо стукнула Леву ладошкой по лбу. — Вы меня проводите до дому, мальчики?

— Я не могу, — хмуро ответил Петруша. — Я должен за футболками зайти.

— К-к вашим услугам... — готовно встал Лева. — Что прикажете делать, мадам-зель?

Он был счастлив. И второй раунд остался за ним. А в исходе третьего можно не сомневаться. Конечно, в кольте, то бишь в бумажнике, у соперника больше патронов, но не та

выбрана дистанция, чтобы колличество ассигнаций решило дело. Схватка выиграна.

По дороге в гору, волоча тяжело нагруженную пляжную сумку — и чего она туда написала? — Лева, конечно, сделал все, чтобы упрочить свою победу.

— С-странный какой-то Петя... — осторожно сказал он.

— Да ну его! — ответила Ольга и нахмурилась. — Дурак!

— М-может, одни п-пойдем?

Ольга с интересом взглянула на него.

— Ты очень скандала хочешь?

Скандала Лева не хотел. Ни о чем, ни вообще.

— П-правильно... — сказал он. — Р-раз договорились — хорошо человека б-бросать. П-пойдем вместе.

Все складывалось прекрасно.

Вернувшись к себе в сарай, Лева успел послать два часа, а потом — когда везет, то везет во всем! — уговорил хозяйку пустить его под душ. Под душем он вспомнил вчерашний разговор с Петрушей на берегу ночного моря, недомавки, но тут же — «К-какого черта Оля должна достаться этому таксисту?» — позабыл о благоразумном и мудром решении и принялся яростно растирать мохлякой тело. П-приятно, черт возьми, что загар прямо впитывается в него. Он всего третий день здесь, а никаких признаков ожогов, не то что у этого П-петруши с веснушчатыми руками.

Ольга, как и договаривались, ждала под пальмами на набережной. Боже мой, до чего хороша она была в коротенькой плависированной юбочке, в блузке, под которой топчаться — без ничего-то! — соски крепких груди.

Н-нет... Это д-дураком надо быть, чтобы упустить такую женщину!

И в ресторане, и в коктейль-баре Лева выложился.

Он то танцевал с Ольгой, а танцевать он любил, то рассказывал ей о современной музыке, а эту музыку он знал, то вдруг сам полез — это был его коронный номер — на сцену и самолично под одобрительные кивки отдыхавших музыкантов сбжал на пианино канкан.

Ольга уже и не смотрела на хмурого Петрушу, только для

Лева сияли ее глаза, а Петруша, быстро и молча, поглощал безалкогольные коктейли. Но даже, если он и решил разорить Леву, то выбрал, надо сказать, самобытнейший способ.

— Левочка! — смея Ольга звенела как фарфор, который расставлял на праздничном столе. — Левочка! Ну откуда ты все знаешь?

— В школе х-хорошо учился... — отвечал Лева, косясь на разбухшего от коктейлей Петрушу. Он дождался-таки, пока тот сорвется. Петруша сорвался, когда Лева, поглаживая Олину руку (как бы и незная, как бы для лучшего усвоения объяснений), рассказывал, что надо любить классику. Неважно какую, но классику. Можно Бетховена и Чайковского, можно с-современные рок-группы, можно ретро, но всегда, непременно — классику. Классику — в серьезной музыке, классику — в рок-музыке, классику — в ретро... Классику и только классику. Только классику способна облагородить душу человека. Так вот, когда Лева, поглаживая Олину руку, рассказывал о классике, Петруша взорвался:

— Откуда ты знаешь, что надо любить?

— В д-детском с-саду рассказывали... — напрягшись, ответила Лева. Он был готов к драке и нисколько не боялся ее. Ни убить, ни покалечить его Петруша не сможет, а унизить — просто не хватит времени. Их разнимут. Ольга первая накинется на этого бугая. Поэтому-то он и не отвел глаза, ему даже хотелось, чтобы Петруша ударил его сейчас. Главное, только не волноваться, главное, с-спокойно. От первого удара можно и увернуться, можно и самому п-попробовать врезать этому громиле с веснушчатыми руками, главное — хладнокровие.

Петруша все понял. Ухмыльнулся и, вытащив из кармана деньги, комком швырнул их на стол:

— На! Заплатишь за девочку!

Эх, Петруша-Петруша! Ну разве не объясняли тебе, что такие дешевые трюки дважды не проходят? Неужели трудно сообразить, что Лева действительно хотел подрасть. Хотя бы потому, что уж лучше сейчас, чем потом...

— З-забери деньги! — побледнев, проговорила он. — Я к-кому сказал!

Н-да... Жидковат оказался Петруша, несмотря на внушительную мускулатуру. Не ждал, не ждал он такой прыти от Лёвы. А впрочем... Впрочем, кто ж мог знать, какие неповоротливые мысли бродили в Петрушиной голове... Ухмыльнувшись, Петруша пожал плечами и, забрав деньги, зашагал к выходу.

Вот и все. Лева облегченно перевела дыхание. И победно взглянула на девушку.

Ольга как-то сникла после этой сцены. Наманикюрным ноготком водила по скатерти, и чистый лобик ее перерезали тонкие морщинки. Нелзя было тереть ни минуты. Срочно надо уводить Ольгу отсюда, пока она совсем не раскисла. Ч-черт знает, кем ей доводится этот Петруша!

— Счет!

Лева — жест завсегдагая ресторана и кутиан, который так легко давался ему! — вскинул вверх руку и щелкнул пальцами. Жест сработал и на этот раз. На стол перед Левой лег счет. Заглянув в него, Лева чуть округила глаза — из птичьего молочка, что ли, мешали здесь безалкогольные коктейли? — но спорить не стал, небрежно кинула поверх счета три десятки и встал.

Кто злословит про южные ночи? Жалкие, не знающие, что такое радость жизни, люди! Разве может человек остаться равнодушным к этой бархатной темноте, к этому небу с такими крупными, бесчисленными звездами, к дорожке лунного света, дрожащей на теплой воде моря? Как это сказано в песне: «Южные ночи! Южные ночи...»

Все и было как в песне. И крупные звезды сияли на небе, и серебряная дорожка лунного света дрожала в морской темноте, и губы женщины были мягки и послушны, и вся она, казалось, рождалась из этой созданной для любви ночи...

И была любовь. И было ночное купание, когда так туманно и так неясно проступает из бархатной тьмы ноготок. И снова любовь, и это творящее с ума купание — рядом, совсем близко и так нежно, так неотчетливо белееющее тело...

А потом, обнявшись, они смотрели, как из-за гор пробиваются, прорываются к морю первые солнечные лучи и, вонзаясь в его чернь, растекаются по воде багровыми всполохами.

Кончилась эта сумасшедшая ночь. Кричали горастые петухи. Оттуда, сверху, где уже начинался день, тянуло сладковатым дымом.

Лева остановился возле знакомой каантки. Сразу за каанткой начинался виноградник, зеленой крышей растекшийся над двором. В глубине — двухэтажный — стоял каменный дом.

— П-повезло тебе... В таком месте с-сняла комнату...

— Это у тетки здесь знакомые живут, а меня тетка...

Ольга не договорила. Испуганно смолкла. Из зарослей, вплотную подступивших к металлической ограде усадьбы, выросла громоздко-мрачная фигура.

— Ну как погуляла? — почти ласково и поэтому особенно страшно спросил Петруша и шагнул к Ольге.

«С-спокойно! — подумал Лева. — Эт-того и с-следовало ожидать. С-спокойно!»

— Ну?! — Петруша схватил Ольгу за руку, грубо дернул к себе. — Не слышала, что я у тебя спрашиваю, птичка?

Ольге было больно. Но она не закричала. Она, как будто разбила фарфоровую чашку, заплакала.

— Отп-пусти девушку! — потребовал Лева, стараясь не выдать своего страха. Да он и не боялся. Да, д-драка неизбежна. И в этой драке Петруша избьет его. Ну и пусть! Пусть! Лева видел только вешущиеся жабы руки Петруши, вшившиеся в Ольгу.

— Отп-пусти, я тебе г-говорю! — повторил он и медленно (ну, отчего так дрожат обесилевшие ноги?) шагнул вперед.

— Что-о? — Петруша изумленно посмотрел на Лева. — Ты еще здесь?! А ну, марш отсюда, кавалер сраный!

— Отп-пусти девушку! — упремно повторил Лева.

— Отпустит? — Петруша осклабился. — Сейчас отпущу. Он схватил Ольгу за волосы и свободной рукой ударил ее по лицу.

Бил он быстро, жестко, профессионально. Бил по лицу, по животу, снова по лицу. Ольга

уже и не кричала, крик ее слился в непрерывный вой.

Лева кинулся вперед, но Петруша легко оттолкнул его, и Лева, не удержавшись на ногах, упал. Пока он поднимался, Ольге удалось вырваться, она отскочила, но избешенный Петруша тут же догнал ее, ударил. Теперь уже изо всей силы. Ольга упала. Голова как-то по-деревянному ударилась об асфальт.

Шум драки разбудил жителей дома. Хлопали окошки, раздавался голоса. Лева не слышал ничего. Ему наконец удалось подняться, и он молча двинулся на Петрушу.

— Ты з-зверь... — он замаялся и ударил Петрушу. Но тот, кажется, и не почувствовал удара. Просто перехватила руку Лева и больно сжал, не отрывая глаз от лежащей на земле Ольги.

— Ты з-зверь... — бессильно и яростно повторил Лева.

— Ладно... — словно соглашаясь, сказал Петруша. — Посмотри, что с ней.

И час спустя, и через день, и через месяцы, снова и снова прокручивая в памяти все самые малейшие детали драки, Лева пытался и не мог понять, как в то мгновение удалось Петруше переломить его, или это просто сработал в Лева инстинкт врача — беспомощный человек лежал на земле и ему — возможно! — требовалась срочная медицинская помощь? Да... Скоро всего сработал инстинкт врача... Скорее всего... Во всяком случае, именно так хотелось думать Лева.

С-спокойно... — подумал он и склонился над Ольгой, осторожно взялся пальцами за запястье. Пульс прощупывался частый и слабый. Н-нитевидный. С-слава богу. Лева провел несколько раз рукою перед Ольгиными глазами, заслоняя и открывая свет. С-слава богу. Ольга была жива. Т-теперь самое главное. П-прежде всего освободить дыхание. Лева провел по скулам девушки, взялся пальцами за подбородок — кость была податлива, ч-челюсть флюктуировала. С-спокойно. Пальцами Лева открыл рот, который еще недавно целовал с такой страстью, вытаскивая сломанный зуб. К с-счастью, мно-

жественного перелома не было...

— Срочно надо ее п-перенести в дом... — сказала Лева выбежавшей из дома тетке. В халате, она уже не казалась такой отвратительно мясистой, как на пляже.

— Да-да! — торопливо согласилась та, но Петруша молча отстранил ее и легко поднял Ольгу на руки.

— Куда нести?

— Сюда, сюда... — заторопилась тетка. И тут же повернулась к Лева. — Доктор! Можно, я немножко умою ее?..

Лева пожал плечами.

Остановились у колонки. Петруша легко держал в руках Ольгу, а тетка суетливо стирала мокрым полотенцем кровавую грязь с лица.

Уже в доме Лева обработал ссадины, остановил кровь, хлеставшую из носа. Ольга очнулась и, заставив ее приподняться, Лева осмотрел затылок. Перелома, к счастью, не было.

— В-возможно с-сотрясение мозга... — сказал он. — Надо в-вызвать «с-скорую».

— «Скорую»? — тетка испуганно посмотрела, но не на Лева, а на Петрушу. — А может, так отлежится?

— Да-да вы что?! — возмутился Лева. — У нее с-сломана челюсть! Что вы г-говорите?! К-как вы хотите, а я в-вызываю «скорую»!

— Вызывай! — сказал Петруша и вышел из комнаты.

Слава богу, все обошлось благополучно. Никакого с-сотрясения мозга не оказалось.

— Вы идите, идите, доктор! — уговаривала Лева тетка. — Я все улажу. Вы знаете, это юг — здесь свои порядки. У меня лучше получится...

Лева подождал, когда отъедет «скорая», и пошел к себе домой. Упал на свою раскладушку в сарае и проспал до обеда. Слава богу, товарищи по ночлежке сегодня не упражнялись в остроумии. А, может, и упражнялись... Лева не слышал ничего. Он заставил себя расслабиться и заснул как убитый.

Вечером он отправился навестить Ольгу.

Похоже, и в самом деле тетка не обманывала, когда говорила, что знает местные нравы. Просто уму непостижимо, как ей удалось поместить Ольгу в отдельную палату.

— А вот и доктор! — обрадовалась она. — Вот и прекрасно. А мы вас целый день ждем...

— Как она себя чувствует? — спросил Лева, подойдя к кровати.

Говорить Ольга не могла — мешала гипсовая маска, но глаза благодарно засветились в ответ. Жуткое это было зрелище — сияющие из-под синяков глаза.

— Сейчас я вас вдвоем оставлю... — сказала тетка. — Но вначале мне бы хотелось поговорить с вами, доктор.

И, не давая опомниться Лева, почти сляком вытаскала его в коридор.

Лева мало что понял из сбивчивого шепота. Торопясь, проглатывая слова, тетка говорила про какие-то деньги, которые Петруша дал Ольге, чтобы та купила билеты на юг, а Ольга, вы знаете, доктор, какая она легкомысленная и ветреная, взяла у него деньги и приехала, поселилась здесь, хотя никто и не ждал ее здесь и не жаждал увидеть, а теперь еще это, но, слава богу, Петруша запамятл и за палату, и врачам, но все равно, вы сами понимаете, доктор, огласка не нужна. Неловко будет и хозяевам дома, а они, вы знаете, доктор, и здесь, на юге, встречаются порядочные люди... Ну и, конечно, если будет суд, то вы сами понимаете, доктор, всплывут и эти деньги, и вообще... Родители Оленьки — такие приличные, порядочные люди, но, к сожалению, такие больные, они, конечно, сойдут, доктор, с ума... Это убьет их. Ну вы все сами понимаете.

«Спокойно... Не надо с-сейчас лезть в амбицию. По-ка все идет хорошо. Во всяком случае, могло быть гораздо хуже. Южные больницы известны. Печально известны. А у Ольги здесь отдельная палата. Это хорошо. Не надо пороить горячку. Спокойно».

Лева глубоко вздохнула и, прерительно усмехнувшись, спросил:

— Ну а навещать-то Ольгу вы мне хотя бы р-разрешите?

— Доктор! — в ужасе всплеснула руками тетка. — За кого вы меня принимаете, доктор?! Вы — наш лучший друг. Вы знаете, вы мне понравились еще там, на пляже. Ах, зачем я отпустила ее вчера одну?!

Лева покраснел.

— Можно я в-вернусь к больнице?

— Ну, конечно, доктор! Ухожу, ухожу...

Всю неделю Лева каждый день навещал Ольгу.

Покупал на базаре цветы — слава богу, цветы здесь были дешевыми! — и шел в больницу.

Ольга не могла говорить, и она писала записки. Писала фломастерами в блокноте, который Лева купил специально для этого.

Этот блокнот Лева сохранил на память.

«Я буду теперь некрасивой, да?» — написано на первой его странице.

И Лева сердился, убеждая ее, что п-пройдет совсем немного времени и снова она станет красивой, как и раньше, ведь у нее не повреждены лицевые кости, а то, что сломана челюсть — совсем не страшно. Кость с-срастается правильно и никаких следов перелома не останется. И Лева — тем же фломастером и в том же блокноте — рисовал, как устроено лицо, и эти рисунки убеждали Ольгу, кажется, вернее, чем все слова.

Но не только об анатомии, ч-черт возьми, говорили они тогда в больнице. Н-нет. Лева читал Ольге стихи, а она слушала их, не отрывая от него прекрасные, даже и в черноте синяков, глаза. И не только стихи. Лева читал вслух Чехова, с книгой которого не расставался в поездках. И они говорили — то есть говорил Лева, а Ольга только слушала — так вот они говорили о гордости, о кратоте души, о сострадании и опять о любви.

Никто не мешал им.

Тетка пропадала целыми днями на пляже, вознамерившись, должно быть, превратиться в негритянку, а Петруша исчез без следа. Во всяком случае, Лева его ни разу не встретил и очень жалел об этом. С каким удовольствием он набил бы ему морду. Потому что Ольга — это Лева только сейчас начал понимать — была не просто красивой, а... ну, одним словом, совершенно необыкновенной женщиной.

«Я тебя люблю!!!» — написала она фломастером в блокноте и поставила целых три восклицательных знака. Вот к-как,

оказ-зывается, с-способна любить женщина.

И уже все было договорено между ними.

И уже сказано было самое трудное. Лева удалось объяснить Ольге, что нельзя быть такой легкомысленной, нельзя — он морщился, вспоминая раскраски тетки о деньгах, которые давал Ольге этот П-петруша, — ну ни в коем случае нельзя так, и Ольга согласилась кивала ему, и из ее прекрасных глаз — синяки уже спаи — текли прозрачные, чистые слезы.

И все было прекрасно, но как ни экономно Лева — отец выслал ему сто рублей телеграфом, — деньги стремительно таяли под тяжелым южным солнцем, и надо было возвращаться в Ленинград.

Да и отпуск кончался. Лева расставался с Ольгой всего на несколько недель. Они решили, что через месяц Лева приедет в Москву, чтобы договориться о свадьбе. Жить они будут в Ленинграде. У него там одноконнатная, но з-зато своя, отдельная квартира с телефоном, р-работа, родители, которые, конечно же, будут нежно любить Ольгу. Они прощались совсем ненадолго, но все равно, когда, наклонившись, Лева поцеловал Ольгу, ему вдруг стало страшно, и он подумал, что не надо никогда уезжать, но тут же подавив эту нелепую и глупую мысль:

«В-все будет хорошо... Все будет п-прекрасно. Я люблю Ольгу. Ольга любит меня. Мы будем п-прекрасной семьей. У нас будут отличные дети. Вечером после работы будем слушать музыку. Или читать Чехова. Все будет п-прекрасно...»

Простившись, он прошел к морю. Солнце уже заходило, и пляж опустел. Только недалеке от Левы сидела женщина с маленькой девочкой. Лева бездумно рассматривал белые пароходы, словно бы застывшие у горизонта.

— Мамочка! — спросила вдруг девочка. — А мы этот камушек возьмем с собой?

— Возьмем, доченька, возьмем... — задумываясь, отвечала мать.

— А море?

— Ну как же мы море с собой возьмем? — грустно улыбнулась женщина. — Оно же большое, доченька, ни в какой чемодан не поместится.

Геннадий Морозов

— Ну, мама!.. Ну хотя бы кусочек, а?

Лева встал. Вот он простился и с морем. Он, наверное, счастливее всех, кто отдыхает здесь. Он увозит с собой любовь. Немного п-пошло звучит, но как же скажешь иначе, если это на самом деле так...

Через несколько дней Лева отправил Ольге письмо из Ленинграда. Через день другое. И так почти две недели подряд.

А потом — по его расчетам, с Ольги уже должны были сняты гипс — позвонил ей. Ответила неизвестный женский голос. Лева звонил три дня подряд и наконец попал на Ольгу.

— З-дравствуй! — облегченно вздохнув, сказал он. — Это я.

— Здравствуй, Лева... — ответила трубка.

— Это я... — несколько удивившись, повторил Лева. — К-как у тебя дела, Оля? В-все хорошо?

— Да... Все хорошо, Лева...

И снова пауза. Непонятная, томительная тишина в трубке.

— Оля! Я ничего не понимаю. Что с тобой? Ты п-получила мои письма?

— Я получила их... — чужой и далекий ответил голос. — Ты мне не пиши больше, ладно?

— Не п-писать?! Оля! Что с тобой?!

— Я выхожу замуж...

— З-замуж?.. З-за него?

— За него. До свидания, Лева...

— Оля! — взмолился Лева. — Н-не вешай т-трубку! Он п-преследует тебя? Он уг-грожает т-тебе?

— Я его люблю, Лева...

— А-любимы?!

Но там уже повесили трубку. В трубке остались одни гудки. «С-спокойно... — приказал себе Лева. — Г-главное, с-спокойно... В-все и-наладится...»

Он покрутил в руке телефонную трубку, потом, позабыв, что с ней надо делать, отложил в сторону.

— С-спокойно... — уже вслух повторил он.

Но не налаживалось размеренное дыхание, невозможно было расслабиться и успокоиться, вместо этого зазвучала откуда-то музыка, посыпался плеск близкой воды, и сердце заколотилось непослушно и часто, как там, в ту ночь, у далекого синего, синего моря.

В глубинке

Места болотисты, унымы, а речка тихая мелка.

Воздух ветреною силой предгрозовые облака.

Они толкаются, теснятся, зеленеваты и белы.

И лидуют и клубятся их розоватые валы.

Какая облачная давка возникла в небе! Нет конца...

А на земле трепещет травка и вздрагивают деревья.

Тропую влажной и окружной иду ни к речке, ни к избе.

В приметы вера простодушно — я возвращаюсь... сам к себе.

И к той земле, что пеленала туманом краешек леса.

И жизнь, что так порою мила, как странно! Кажется легка.

Как будто заново открыто окно судьбы в то бытие,

где шумной жизни преизбыток лишь оттеняет скорбь ее.

Тайна

Когда ночами мне не спится и гложет жизни мгающий

к заветной тайне не пробиться сквозь ускользающую суть.

От этой сути неизбежной в душе и сирю и темно.

Все дышит хаосом безбрежным, вломившимся в мое окно.

И глядя в темные пределы полей, оврагов и равнин —

я чувю: мысль оцепенела, усыпавшая шесты осин.

Как будто влажный шест этот

вот-вот дыханье оборвет, а тайны трепетная мета,

как лист от ветви, — отпадет...

* * *

О зов судьбы! О наши встречи! Верни мне дар обычной речи.

При виде белого листа одолевает немота.

Где жизни верная основа, когда томит живое слово?

Где эта радость бытия, во что наивно верю я?!

Как дальше жить? О совесть наша!

Порою ты бела, как сажа.

Но чаще ты, как снег, черна, держись! Под нами глубина.

Как мы беспомощны и сирьи! Кругом космические дыры.

Любовь и семья — кувирком.

А наши блочные квартиры вселенским свищут сквозняком.

* * *

В сырой ночи крупнеют звезды, пустеют рощи и сады.

И, кажется, наполнен воздух глухим безмолвием воды.

В бору верха сомкнули ели — и потускнело озероцо.

Искрясь, небесные капли, летят на землю вниз лицом.

И, как природа, постепенно смирилась с холодом уже — ты ощущаешь перемены,

происходящие в душе.

И вот уже ты выходишь.

Но где он? Как его найти?

Природы хвойное жилище тебя пытается спасти.

Войди в него и там укройся от глаз людских и суеты.

И бору начисто откроясь в том, кто такой на свете ты.

Но бор молчит. Глядят сурово.

Он тьмой таинственной тесним...

О бор, что значит наше слово перед молчанием твоим?!

В Переделкине

Февраль. Мороз. Тускнеет соанце.

Сидит снежок на городье.

Мне переделкинские сосны напоминают о тебе.

Напоминают! Смолкой веют и не боятся снежной мглы,

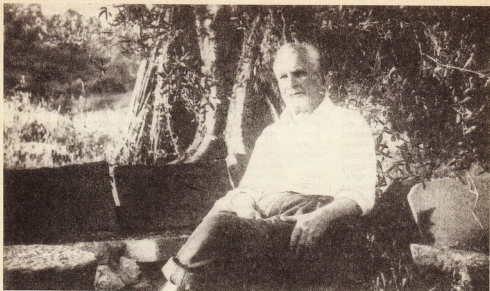
хоть на морозе цепенеют их розоватые стволы.

Какая стройность в них и сила! Какая выдержка и стать!

Иду к ним — зыбкий и унылый, их дух пытаюсь перенять.

И пусть коряво их облачные, но в эти сумрачные дни

их молчаливое величие большею мужеству сродни.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ

Политический пророк, или Опальный талант?

Мы наглядно убеждаемся, что киноактеры и литераторы могут быть неплохими, реальными политиками. Более того — президентами. Как в дальнем и ближнем зарубежье. Или — советниками Президента. Как у нас. Но если верна теория о спирали истории, то любопытно находить подобные примеры на ранних ее витках. Сегодня редакция вновь возвращается к судьбе и творчеству Владимира Винниченко, фрагменты политической публицистики которого — острой, откровенной и (кажется, невероятно!) столь злободневной для нашего времени — «Ст. М.» опубликовал в № 8. Диалог на обещанную тему ведет известный украинский литературовед, член-корреспондент АН УССР, доктор филологических наук, заместитель директора Института литературы республиканской Академии наук профессор Микола Жулинский.

— Сколько лет вы — историк, теоретик, но и (подчеркиваю!) практик литературы — работали «за столом», исследуя запретную

тему: жизнь и творчество Владимира Винниченко? И почему? Неужели верили, что ваше «диссидентское» (по прежним

Владимир Винниченко. В эмиграции. «Закуток» близ города Мужена. (Южная Франция). Фото из архива. Репродукция Василия Пясецкого.

меркам) увлечение станет легальным, а его результаты провяжутся сквозь идеологическое табу?

— К сожалению, я, как и многие другие, не верил, что наступит день, когда можно будет вслух произнести: «Винниченко — национальная гордость Украины». Разумеется, начиная со студенческой скамьи слышал имя, тогда и познакомился с его романом «Солнечная машина» — единственным, пожалуй, из доступных по тем временам произведений. Лишь года два три как начал по крупицам собирать библиотеку; окунался в архивы, будучи в зарубежных командировках; вел переписку с литераторами, художниками, общественными деятелями... Но, поверьте, считаю, что только-только приступил к серьезному изучению наследия Владимира Винниченко. Чрезмерная идеологизация культуры, как, впрочем, и других сфер нашей жизни, привела к тому, что огромный пласт литературы — прежде всего — был исключен из национальной истории.

— Это, увы, печаль не только украинской — всех славянских

культуры на Советской Руси.

— К великому сожалению. Не буду углубляться в хронологию веков, но до сих пор у нас нет полной истории культуры. В том числе и украинской. Были намерения, появлялись даже сигнальные экземпляры, но уничтожительные рецензии в партийной печати тридцатых и последующих лет перечеркивали эти попытки. Почему мы нынче обращаемся к личности Владимира Винниченко? Потому что он воплощает в себе тот пласт украинской истории, политического развития и культуры, без которого не познать объективную связь времен. Винниченко — это пропасть, которую просто так не преодолеть. Вот почему я всегда с оптимизмом и надеждой смотрел на поиски, где хранились несколько редких книг Владимира Винниченко, дожидаясь времен, когда все это перестанет быть запретным и тайным.

— Срок ожидания, если не ошибаюсь, равен почти что жизни целого поколения.

— Печально, но это факт. Последние издания сочинений Владимира Винниченко вышли у нас в стране в начале тридцатых. С той поры и до недавнего времени ни строчки его произведений не было напечатано, ни одного доброго и объективного слова не прозвучало. Только — «буржуазный националист», «контрреволюционер», «враг» и т. п. Но драматизм судьбы Винниченко в том, что он действительно был «врагом», но для кого и почему?!

— Мне кажется, ответ — в суровых, но, видимо, объективных политических оценках и прогнозах Владимира Винниченко.

— Согласитесь, разве нелицеприятная правда о деформациях в строительстве социализма была злобной клеветой на строй, партию, народ? Разве подлинный «враг» или равнодушный «отщепенец» мог бы столь остро реагировать на фальшь в реальной советской политике, с болью, настойчивостью, даже упрямством зывая к Политбюро, Центральному Комитету, Сталину? Перечитывая то, что адресовал из эмиграции на родину опальный политик и забытый соотечественники писатель, начинаешь

понимать, что не так уж неведом и непредсказуем был для поводырей страны путь иного, нормального развития.

— В одном из писем к Карлу Радеку я обратил внимание на такое винниченковское признание: «...Если нет нужды в этом (имелась в виду возможность представлять интересы партии в III Интернационале), я буду писать книги, которые будут коммунизма не менее нужны...» Значит, зарекался от политики, но...

— Я убежден, что таких объектов для исследования внутреннего трагизма и раздвоения личности, как Владимир Винниченко, в мировой литературе немного. Да, творчество для него было свято, даже в бытность премьер-министром Украинской Народной Республики он находил минуты для дневниковых записей... Но, увы, постоянной и неизлечимой болью Винниченко была политика.

— Микола Григорьевич, боюсь, нам не избежать в диалоге о Владимире Винниченко краеугольной причины его «опальности»: национального вопроса. Поэтому давайте сразу внесем, насколько возможно, ясность. Согласитесь, когда читаешь, что «факт образования Союза Советских Республик есть весьма важный и положительный для национального возрождения», то трудно поверить, что это мог написать ярый «националист» и махровый «антисоветчик»?

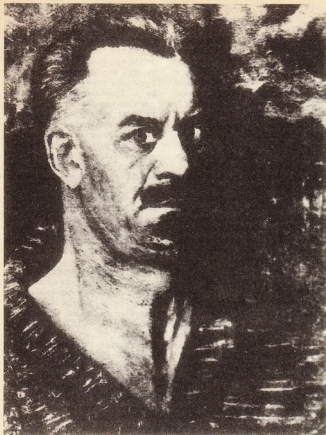
— Прочитированные строки из статьи «Возврат на Украину» можно подкрепить множеством аналогичных. «Поставим вопрос ребром: за какую Украину? И отвечал: «За Украину советскую, социалистическую, в тесном, снейшем союзе с другими советскими республиками». Не правда ли, как близко по духу декларация о независимости, принятая в разных уголках страны в последнее время? Винниченко был сторонником образования союза. Из-за чего оказался фактически изолированным от украинской эмиграции. Бывшие «земляки» ненавидели его, преплывали публикации на Западе книг. Легко ли быть гонимым и справа и слева! Но Винниченко понимал, что полная «самостоятельность» Украины, чего требовала большая

часть украинской эмиграции, нереальна, возможно, и необязательна. Подлинная политическая и государственная автономия Украины возможна, считал он, в федерации с Советской Россией — если это будет союз по-настоящему равноправный. Ратуя за суверенитет Украины, он неизбежно противопоставил себя насаждаемой системе унитарного государства.

— Но все-таки Винниченко был националистом?

— Я бы национализм Винниченко предložил рассматривать в зеркале известной Марксово́й мысли о том, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Наши идеологи и политики стали приводить ее с недавних пор как основополагающую современному, переосмысленного понимания «светлого будущего». Но давайте вчитаемся в винниченковские строки и ответим себе: не та ли диалектическая истина заключена в поносимом десятилетия «изме»? Цитирую из брошюры «Возврат на Украину», написанной еще в 1926 году: «Цель должна быть... неизменной: целостное социальное и национальное освобождение нашей нации, создание соборной самостоятельной и независимой державы трудящегося рабочекрестьянского народа... А этим самым служение освобождению всего трудящегося, угнетенного эксплуатируемого человечества, всех народов на... земле, созданию общечеловеческих бессмертных ценностей. Это самая высокая, самая лучшая цель человека». Понимаю всю условность политических параллелей, но как будто в наши дни обращено предостережение тех далеких тридцатых: «...вы и сами очень хорошо понимаете суть национального вопроса, всю сложность его и всю гибельность неправильного разрешения его для строительства социализма».

— И тем не менее не будем замалчивать противоречий и, мягко говоря, некоторых малообъяснимых взлядов Винниченко на эту проблему. К примеру, как истолковать его суждения на полном серьезе в одном из писем к Сталину (1936 год) о возможном разделе Украины между европейскими государствами? Или откры-

Владимир Винниченко.
Автопортрет. Масло.

венный призыв к свержению Советской власти в республике в одном из «Заповитов» («Заветаний»)?

— Конечно, парадоксов и противоречий во взглядах, как и в целом в судьбе Владимира Винниченко немало. Объяснимы ли они? Частично — да... К середине тридцатых годов он все более трезво оценивал «коммунистичность» процесса в Советском Союзе: «Это — строительство не социализма, а восстановление старой национальной неделимой России, восстановление старой тюрьмы народов». Потрясенный самоубийством Николая Хвильевого и Николая Крыпника, он гневно и трагически вопрошал: «Как же это так странно разрешен на-

циональный вопрос, что такие люди лишают себя жизни из-за него?..» Поэтому призыв к свержению Советской власти — это отрицание в принципе унитарной системы, неприятие ее в уродливо укоровившейся античеловечной и жестокой форме. Что касается проекта европейского протектората над Украиной, то это, конечно, наивный «дипломатический» маневр Винниченко, способный, как, вероятно, полагал он, предотвратить неизбежный военный конфликт между Германией и Советским Союзом. Могут привести еще одну нелогичную, абсолютно «не винниченковскую» мысль: «...Что значит одна или другая отдельная личность в несдыханном, громадном столкновении двух миров, которое должно радикально изменить всю жизнь на земле, все морали, все обычаи, все способы

труда...» Какой воинственный большевизм, какие престалинские убеждения! Но это — Владимир Винниченко...

— Коль речь пошла о заблуждениях и ошибках, то прокомментируйте, пожалуйста, еще один отнюдь не красящий Владимира Винниченко момент. Официальная история обвиняет его в бытность руководителем республиканской Центральной Рады в причастности к кровавым петлюровским погромам. Согласитесь, это упрямые факты.

— Нет, сегодня стали известны не менее серьезные свидетельства очевидцев и исследователей тех событий, которые отрицают прямое в них участие Винниченко. Причем свидетельствами те, кто представляет интересы жертв, в частности еврейского населения Киева, а значит, ничуть не преследует цель обелить Винниченко. С другой стороны, в публицистике и архивах последнего находим резкое размежевание с некоторыми пор с Симоном Петлюрой, неприятие его милитаристских устремлений, в частности, союза с Варшавой. Это, кстати, также грань внутренней политической драмы Владимира Винниченко: ведь именно он предложил Петлюре в 1917 году возглавить военное ведомство в Украинской Народной Республике. Сам же, будучи премьер-министром, Винниченко выступал против формирования республиканской армии, отрицал насилие и войну как средство разрешения политических и социальных конфликтов.

— Микола Григорович, скромная часть архива, в которой удалось познакомиться, открывает на удивление разносторонние интересы и способности Владимира Винниченко. В пору растеряться: кто же он все-таки? Политик?.. Писатель?.. Философ?.. Историк?.. Могли бы вы определить приоритеты?

— Попробую, хотя считаю, о каждой грани его характера можно размышлять, только помня, что две доминанты — литература и политика — переплелись столь тесно, что были пленниками друг друга. Более того, Винниченко сознательно принес духовное в жертву социальному, почему и представляется мне творцом, принявшим

распятие на кресте политики.

— *Но в первом ряду вы называете творчество. Значит — в широком смысле — все-таки художник?*

— Давайте прежде всего в «узком смысле». Уверен, для многих открытие, что Винниченко, кроме всего, еще и художник. Причем весьма интересный, небесталанный. Я видел его картины в архивах Нью-Йорка, в частных коллекциях за океаном. Это натюрморты, рисунки с натуры: в двадцатые-тридцатые годы пейзаж был моден во Франции. Стимулировала к рисованию и атмосфера Парижа тех лет. Но не только. Владимир Винниченко часами бывал на природе. Поздним летом или ранней осенью она напоминала ему цвета и сюжеты родной степи. И он рисовал, рисовал, рисовал... И хотя патронировал его увлечение холстом и кистью талантливый портретист Микола Глуценко (о парижской группе украинских художников-эмигрантов «Эколь де Пари» слышали?), Винниченко не считал живопись серьезным увлечением. Скорее всего развлечением, аматорством, переменной творческого состояния.

— *Однако, как творческая личность, предпочтение Владимир Винниченко отдавал перу?*

— Конечно, он прежде всего писатель. Ярче всего литературный его талант проявился в рассказах и пьесах. Он был удивительно чувствителен к характерам, настолько, что позволял себе роскошь эксперимента над ними: мог вынудить героя сделать нелогичный, невероятный, казалось бы, поступок — и психологически обосновать его. Это была литература, которая творилась по профессиональным законам.

— *Правда, что в этот мир Винниченко воровался стремительно?*

— И стремительно, и громко... Кстати, специально для «Ст. М.» напомню, что как писатель он дебютировал, будучи студентом Киевского университета.

— *Причем не филологического...*

— Да, юридического факультета. В альманахе «Киевская старина» двадцатидвухлетний Владимир опубликовал повесть «Сила и краса». Это случилось

в 1902 году. А спустя пять лет под таким же названием вышел первый авторский сборник. Он напороч разрушал все каноны, устоявшиеся на заре века в украинской литературе. Открытость и реализм, прорыв к «неподъемным» ранее темам (низменные страсти человека, обманы, измены, секс и т. п.), новые персонажи — от сохи и наковальни до воровских махин и мецанских гнезд, «проклятые» и неуютные вопросы, хлесткий и упругий стиль вызвал неожиданно громкий резонанс среди «мэтров»: Ивана Франко, Михайла Коцюбинского, Леси Украинки... Последняя, кстати, отмечала, что с именем Винниченко национальная литература обретает новое направление — неоромантизм — и становится ровнем с западноевропейскими.

— *Не слишком ли? Ведь аванс мог оказаться непомерным?*

— Конечно, классикам позволительна снисходительность и щедрость на оценки. Но «перебирали» ли они в отношении Винниченко? Думаю, нет. Ущербность любой литературы, на мой взгляд, в том, что она стесняется говорить горькую и нелицеприятную правду о нации, которой служит, страдает определенным «комплексом неполноценности» окружающей жизни и стремится это утаить. Винниченко же безжалостно обнажил все язвы и тайны, позволил себе громко, очищающе смеяться над пороками общества, собственным его унижением. Иными словами, не стыдился показать ись стыд бытия. Проза Винниченко провала орбиту провинциальности украинской литературы, дала импульс новому стилю, на волне которого состоялись Микола Хвильевый, Гнат Михайличенко, Григорий Косынка, Валерия Пидмогильный, Олекса Слисarenko... Оправдались ли авансы? В прозе, особенно крупной, пожалуй, в меньшей мере. В драматургии — вполне.

— *Помню, давно, в детстве, нашел в семейной библиотеке пьесу «Черная Пантера и Белый Медведь». Прочитал, как говорится, на одном вдохе.*

— Представляю потрясение на грани легкого шока после прочтения пьесы. Вероятно, парадоксальность, даже жесто-

кость психологической драмы (помните: художник жертвует собственным ребенком во имя озарения, служения высокому искусству; как это близко тогдашнему российскому символизму — помните: Николай Гумилев с его «жизнь — ничто», да и Иннокентий Анненский, Константин Вальмонт, Сергей Есенин) предопределила столь невероятный успех произведения. Впервые для украинского театра и разом — ошеломляющий дебют на престижной российской сцене: Москва — МХАТ с Немировичем-Данченко и Станиславским, Петербург — Александринский театр... Прорыв в Европу, причем не только славянскую: Германия, Голландия, Италия, Испания, Австрия, Румыния, Дания, Швеция... «Никакая иная пьеса... за всю историю украинского театра не может похвастаться такой сценической биографией», — отмечал самый авторитетный знаток винниченковского наследия, украинский ученый из США Григорий Костюк. И это справедливо. Соперничать в отечественных и европейских репертуарах с «Черной Пантерой...» могла разве что пьеса «Ложь».

— *В чем «европейский» (можно так сказать?) потенциал этого феномена?*

— В новаторской драматургической волне, тонко восприимчивой и талантливо воспроизведенной на национальной почве. Волне, синтезировавшей философию Зигмунда Фрейда, Фридриха Ницше, эстетику и сценографию Генрика Ибсена, Бернарда Бернсона, Августа Стриндберга, Мориса Метерлинка, Герхарта Гауптмана... Поклонение искусству как примату, жертвенность во имя творчества, но и философская глубина, острота нравственно-этических коллизий, динамизм и жесткость сюжета — все, что доминировало на европейской сцене в годы Винниченко, но мастерами привнес в украинский театр.

— *Простите, но неужели только влияние со стороны Атлантики и Альп?*

— Ничуть. Огромное воздействие на сценическое творчество Винниченко, его новаторские для национального театра открытия имели российские классики — тонкий психолог

Антон Чехов, экспрессионист Леонид Андреев (последний — особенно!). Согласитесь — это ведь тоже имена «европейского» каландра.

— И тем не менее Чехова играют, Метерлинка, Ибсена, Стриндберга играют?..

— Понимаю вопрос. Запрет на «эмигранта» снят, но палочничества театров за его пьесами, хотите сказать, нет. Можно опспорить и назвать примеры... Но я согласен, что винниченковская сценография в чем-то «не вписывается», как говорят иные режиссеры, в современные театральные законы. В чем причина? Вы знаете, у Артура Шопенгауэра есть изумительное эссе — «О гениях» (гениальный человек — это зритель, наблюдающий за сценой, на которой играют марионетки; но сцена, оказывается, — это жизнь, куклы — это мы). Сродни этому и объяснение природы таланта Льва Толстого — помните предположение Ивана Бунина о «третьем глазе» у автора «Войны и мира»? Мне кажется, Винниченко умозрительно принимает подобную концепцию таланта и как следствие — выстраивал, конструировал, если хотите — программировал коллизии и сюжеты, конфликты и характеры, вынуждая героев работать на собственную сверхидею. Возможно, это не устраивает нынешних режиссеров. А может, просто нужен нетрадиционный взгляд на пьесы Винниченко-драматурга?

— Микола Григорьевич, к сожалению, журнальная площадка не беспредельна, а мы пока даже не подступились к темам Винниченко-философ, Винниченко-историк, не затронули любопытные детали его биографии, в частности, загадочные, если можно так сказать, взаимоотношения с Лениным и Сталиным...

— Предлагаю на этом прервать на время наш диалог, а если читателей «Студенческого меридиана» заинтересует драматическая судьба, научные и политические взгляды Владимира Винниченко, пусть они сообщат в редакцию. С удовольствием продолжу начатый разговор — с новыми, надеюсь, фактами и архивными документами в руках.

Беседу вел Ярослав Микляк

Владимир Шалыт

Оригинальным образом Шалыт по своему жизнеощущению пересоздал стихотворную форму. Большинство его строф — трехстрочны с рифмующейся опоясывающей первой и третьей строкой и безрифменной второй, средней. Это, по сути, стиховая модель его чувства времени: вечности, закрепленной обручем рифмованных строк, и открытой текучей средней. Она дает полноту жизненного мгновения настоящего. Его незавершенность и продолженность в будущее.

Можно сказать, что Шалыт создал свою строфу. В русской поэзии это сделать непросто. Сочетание этой строфы с четверостишиями и другие вариации делают стих Шалыта гибким и, будем надеяться, жизнеспособным. Это путь к новому зрению. В этой форме можно осуществить интересные замыслы.

* * *

Есть в жизни дар исчезновения. Кто научился исчезать, Тот знает тайну вдохновения.

Так и младенец на мгновенье От мира прячется в траве, Предчувствуя исчезоенье.

Так и любимцы тишины Находят в небе созидания Исчезновение луны.

* * *

И ты, мучительный мой сад, Цветущий на земле песчаной, На память утоли мой взгляд.

Войди цветами и листвой В глаза идущего в пустыню И утоли напев простой, Словно случайную святыню.

* * *

Есть страх перед листом бумаги, Перед лицом небытия — Творенье требует отваги.

Так, омрачая белизну Словами, знаками, сомнением, Мы убиваем новизну, Но управляем вдохновением.

* * *

Не раболепствуй, ученик, Перед матитым корифеем И не пытайся очертить Его бессмысленным елеем.

Клубок искусства невелик, Позорно красть чужие нити, Презренно слово «ученик», Неелео звание «учитель»!

* * *

По вечерам, когда на небе Воскреснут звезды в вышине И фантастические тени Взойдут на каменной стене, Я не увижу ваши лики И не узнаю никого, Вы толпы крики, крики, крики, Вы птицы сердца моего.

* * *

На фотографии далекой Мужчина, женщина и снег... Темны у времени истоки, Кочует в тайне человек.

Как много тайн у всех предметов, У всех явлений и пространств, Как много цвета у просветов, У горных глыб — непостоянств!

Напрасно истина зывает И хочет дать одно — одним. Никто на свете не узнает, Что было с ней, Что было с ним.

* * *

Заплакать — не заплачь: Живая жизнь важней! Но будет все иначе, И будет все нежней!

Придет иная свежесть — Незримый, светлый миг! Ты удивилась: нежность Все изменила миг.

Придут года удачи, Но будет то нужней, Что делалось иначе И думалось нежней!

Сергей Смольянинов

Как вам Япония?

— Ну, как вам Япония?
 — Э...
 — Это понятно. А как вам японцы?
 — Да...
 — Да, у них много проблем. И мы это знаем. Но все-таки как вам Япония?
 — Много...
 — Много проблем? Это мы знаем.
 — Да нет, много...
 — Много ограничений на экспорт в соцстраны? Мы это знаем. А как на это смотрят японцы?
 — Они смотрят цветные телевизоры...
 — А вы купили телевизор?
 — Нет...
 — Почему?
 — Да мало...
 — Да, мало, мало позитивных сдвигов! Но мы развиваем диалог. Вот вы побывали в Японии. И как вам Япония?
 — Очень много...
 — Мы это знаем. Очень много населения. И оно все растет. Очень много товаров, но разве их могут купить простые японцы? Кстати, а как вам японцы?
 — У них очень много...
 — Это мы тоже знаем. И мы делаем все, чтобы этого стало меньше. Развиваем диалог, призываем к новому мышлению... Вот вы мыслите по-новому? Да? Тогда ответьте на вопрос: как вам Япония?

Владимир Вишневский
 Сознаю

Занимаясь рискованным делом, То и дело «тревогоу» трубя, — Скольким девушкам, юным и зрелым, Я срываю поставки себя!.. Скольким девушкам — страшно предстать, — Этой цифрой нельзя разглашать. Им на конкурсах местных красавиц Остается себя утешать.

Воспоминание о пощаде

Душевный ли холод,
 Июльский ли зной, —
 Я дал ей уйти
 Не знакомой со мной...

СТИХИ МНОГОРАЗОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Без страха, но с упреком гр-ке (нужную вписать)

Я в юности не раз
 один на бабу хаживал, —
 Бывал целован, люб,
 с отрывом от земли, —
 И я не для того здоровый быт налаживал,
 Чтоб недостойно в нем
 Вы тут себя вели!..

Конструктивно

Для наших чад уже цветет капуста.
 Любимая, нам есть чего внедрять!..
 Ты говоришь — «проверить наши чувства», —
 Давай хотя бы чувств не проверять?!.

Любовь

О, как прекрасно и удивительно —
 Заняться ею незамедлительно!..

ФРАЗЫ

Товарищи, а ведь наша общенародная голодовка не санкционирована правительством!
 Состоятельный человек — это тот, кто успевает заработать больше, чем у него успевают отнять.
 Как мы любим неопределенность: отдельные недостатки, отдельные нарушения, отдельные проблемы, к 2000 году — отдельные квартиры.

Мы уже подняли флаг, но еще не подняли якорь.

У нас все чаще отказывают приборы и все реже — женщины.

Наш корабль тонет в бумажном море, поэтому-то канцелярские крысы с него и не бегут.
 А. Ботвинников

Плох тот партийный работник, который не хочет стать генеральным.

Многие уходят из жизни, так и не приняв в ней участие.
 А. Гольдбург

Григорий Семенов-Жуков

«Любовь с первого взгляда»

Иногда бывает достаточно всего одного взгляда. Так было и с ним...
 Прошло не так много времени.
 И вот он раздевал ее. А она хоть и не предпринимала ни малейшей попытки помочь ему, но зато и не вела той кокетливой игры, которая так нравиться ко-кому из представительниц прекрасного пола, однажды почему-то уверовавших, что мужчина обязательно должен женщину завоевать.

Он не спеша, пуговица за пуговицей, расстегнул ее кофточку, — красивую пышную грудь ее туго обтягивали тончайшие белоснежные кружева; казалось, они вот-вот лопнут, не справившись с рвущейся наружу плотью. Он обнажил гладкие, покрытые легким загаром плечи, отвел кофточку за спину и дал ей самой соскользнуть вниз по рукам. Затем он умело, одним движением справился с застежкой на спине, освободил плечи от безжалостно врезавшихся бретелек и снял кружева. Грудь ее, выравнившись из пут, будто облегченно вздох-

нуда. Он почти неосозаемым, подобным дуновению ветерка прикосновением скользнула по упругой плоти и ощутил бурно вскипающее страстное желание. Перед глазами у него попали какие-то круги, замельтешили искорки, в ушах зашумело, а сердце сорвалось на бешеный ритм... Он нетерпеливо «вжикнул» «молнией» на юбку...

— Слушайте, а чего это вы меня так нагло глазами раздеваете? — вдруг раздраженно спросила она, все испортив.

— Я?... испуганно переспросил он, втянув голову в плечи, и шмыгнул из троллейбуса, благо двери были еще открыты.

Виктор Вержников

Синее пятно

Не понимаю, откуда он узнал мой адрес?

«У меня на обоях синее пятно, — писал он. — Неизвестно, как оно появилось, но оно ужасно портит внешний вид комна-

ты. Я страшно переживаю. Помогите мне чем-нибудь».

Я написал ему ответное письмо, в котором выразил сочувствие, посоветовал не отчаиваться и попробовать самому найти какой-нибудь выход.

Откуда он узнал мой телефон?

— Извините, но я опять по поводу пятна. У меня отличный деревянный домик, все в порядке, но это пятно! Прямо не знаю, что и делать. Умоляю, приезжайте и помогите мне на месте. Дорогу туда и обратно оплачу полностью, все десять копеек. Вы кем работаете?

Я ответил.

— Отлично! — обрадовался он. — Работа ваша мне по силам, и тот час, что вы у меня проведете, я отработаю за вас в любое удобное вам время. Приезжайте!

Вскоре я был у него. Домик действительно был деревянный. Потолок в одном месте был проломлен, и виднелись подгнившие стропила. В стене не

хватало двух бревен, и сильно дуло. Пол пружинил и прогибался, под ногами хаполаа вода. В углу стояли телевизор без кинескопа и обугленный холодильник.

— Вот это пятно, — он подвел меня к обоям и показал пальцем. Пятно было, судя по всему, чернильное.

— У вас есть запасной кусок обоев? — спросил я.

— Конечно, — ответил он и принес обои.

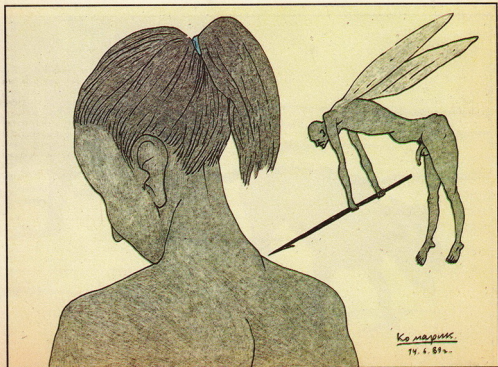
Я вырезал маленький кусочек и заклеил пятно.

— Вот спасибо-то! — обрадовался он. — Я знал, что вы мне поможете.

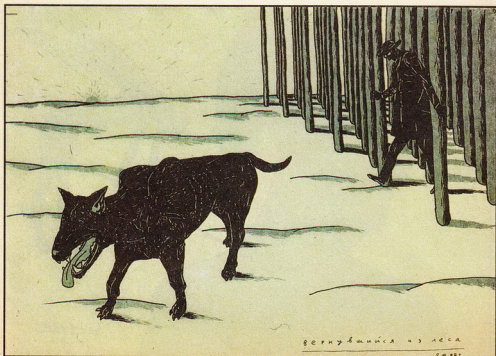
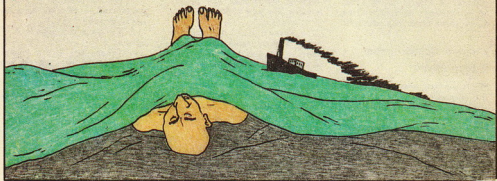
— Теперь все в порядке? — спросил я.

— Теперь все. Все в порядке, — ответил он. — А то это пятно страшно меня беспокоило.

Он дал мне гривенник, и мы попрощались.

Черное море
6.6.89.

Возвращаясь из леса

1988

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов, Олег Терентьев

Год 1967-й

[Сезон 1967/68 г. в театре начался работой над завершением постановки «Пугачева». О том, насколько напряженно проходил этот процесс, как трудно рождался спектакль, лучше всего расскажут документы]:

11.09.67. Протокол производственного совещания коллектива театра.

Ю. Любимов: «Теперь на выпуске спектакля. Спектакль сложный, время короткое. Я боюсь, правда, Раевский репетировал. Но сейчас нужно большое усилие, чтобы выпустить к юбилею этот спектакль...»

(...1488, с.1)*

21.09.67. О плане выпуска спектакля

...В. Раевский: «Считаю, что 2 октября можно сделать черновой прогон, а 5-го сдать художеству...»

В. Высоцкий: «Каждый раз станок не совсем точно стоит на месте — хоть на несколько сантиметров. Это играет роль для нас».

Н. Дунак: «Необходимо точно художнику и постановочной части выверять перед репетицией размеры установки».

Ю. Васильев: «На это нужно 3 дня».

В. Раевский: «Нужно ставить по чертежам, а не по месту. Постановочная часть должна к

27-му числу обеспечить все».
(...1488, с. 4—6 об.)

14.10.67. Стенограмма обсуждения прогонной репетиции.
...В. Толстых (писатель): «Дело не в пережиме, а дело в том, что читают неверно Есенина. Лирическая поэма, но со страстностью. Свой пафос в лирике есенинской. Музыкальность стиха есть, а смысла пропадает. Хлопуша — хорошо, это одно из лучших исполнений».

В. Высоцкий: «Лирические выходы в роли есть у каждого. Но, вообще, играть лирическую поэму как лирическую — не надо».

...В. Золотухин: «Прогон был неудачен, все было напряжено. Первый прогон был лучше».
...Н. Губенко: «Необходима горячая вода. Мы все в мыле, все потные, а со всех сторон дует».

Ю. Любимов: «Еще два дня на доделки и затем покажем Управлению».

(...1488, с. 8—11)

17.10.67. Протокол открытого заседания художества по обсуждению спектакля.

Г. П. Болджиев (театровед): «...Сегодня у вас открылись трагические актеры. Это лучшая работа театра».

М. В. Нечкина (историк, академик): «Очень трудно говорить сразу после спектакля, так как находишься в потрясении, восхищении перед талантливым воплощением поэмы. Это войдет в эпоху».

С. И. Юткевич (кинорежиссер): «...Живется трудно теат-

ру, но меня обижает молва об этом театре, что нет актера. Мне кажется, что театр дает великолепный ответ: без бород, грима, обнаженные молодые люди (...) — это актеры!»

Б. А. Слуцкий (поэт): «...Интермедии верны и нужны (...). Губенко, Высоцкий — прекрасно (...)! Любимов со своей Таганкой, столкну[вшись] с отсутствием драматургии, обратился к замечательным поэтам». М. В. Нечкина: «...Помост — это лестница Эйзенштейна, большое явление в истории нашей культуры».

В. П. Фролов (критик): «...Художник нашел самое сильное — метафору спектакля. Черные женщины. Ритмика каждой сцены. Звон. Интермедии. Причитания. Высоцкий — потрясает. Музыка цепей, потные тела, босые ноги. Этот спектакль будет звенеть в ушах».

(...1489, с.1—11)

19.10.67. Производственная беседа Любимова с коллективом.

Ю. Любимов: «Спектакль прошел намного лучше прежнего показа, большое движение вперед (...). «На троих» — трагический жизненный пласт. Лиризм появился нужный (...). [Надо] найти парадоксальный прием — в конце: [например], он без цепей, а они — предатели — в цепях (а он воляный, несмотря на конец его). И испугаться должны они, а не он. Я против 3-й интермедии, она не нужна, так как дальше идет бунт. Поэму нельзя останавливать, нарушается эмоциональное воздействие...»

В. Высоцкий: «Голоса хорошо — и тогда понятно, что они разбиты».

(...1488, с.12—13)

[Прошел месяц.]

16.11.67. Протокол обсуждения спектакля «Пугачев» представителями Управления культуры исполкома Моссовета.
...Б. Е. Родионов (начальник Управления культуры): «Сегодня мы окончательного решения не примем. Но общее мнение можно найти, чтобы доложить соответствующим инстанциям выше».

...Представитель Министерства культуры СССР: «...Страстно сыграно, страстно прочитано. Впервые серьезно прочитано

* Здесь и далее указываются лишь номера дел и страниц в них, так как ссылки только на фонд № 2485 (опись 2) ЦГАЛИ.

Есенин. Пугачев и Хлопуша прочитаны не только страстно, но воспаленно — и это великолепно!..»

Б. Е. Родионов: «...Найдите в себе силы отказаться от мишуры... Если вы не выпустите этот спектакль — это будет преступление».

(...1490, с. 1, 4, 8)

17.11.67. (Расписание репетиций за ноябрь 1967 года): ...19⁰⁰ «Пугачев», премьера. Основной состав.

(...922, с. 16)

[Эта дата премьеры занесена в анналы и теперь числится официальным днем рождения спектакля — и в театральных программах, и в афишах. Премьера действительно планировалась 17 ноября, но, как видно из протокола обсуждения накануне, спектакль к заданному сроку принят не был. Однако 17-го числа «Пугачев» все-таки прошел на сцене Таганки. Но это был фактически еще один показ, прогон. Вряд ли можно считать его премьерой.]

Следующий спектакль, значащийся под № 2, датирован 23 ноября. Но официально именно он был первым. Об этом свидетельствует следующий документ. — Авт.]

«Приказ по Московскому театру драмы и комедии от 23 ноября 1967 года.

Дорогие товарищи!

Завершена большая и очень важная для нашего театра работа — работа над спектаклем «Пугачев» С. Есенина. Сегодня состоится долгожданная премьера этого спектакля.

Горючо поздравляем весь коллектив, всю постановочную группу — постановщика спектакля Ю. П. Любимова, художника Ю. В. Васильева, композитора Ю. Н. Буцко с премьерой спектакля...

Приказываю: за активное участие в выпуске спектакля «Пугачев» (...) объявить благодарность артистам: Губенко Н. Н., Хмельницкому Б. А., Колокольникову О., Васильеву А. И., Высоцкому В. С., Бортинку И. С., Иванову В. А.

С премьерой, дорогие товарищи!

Директор театра Н. Дурак
(...1488, с. 16)

«Поэтичность и огневой тем-

перамент слагают своеобразный сценический характер Хлопуши в исполнении В. Высоцкого. Уральский каторжник, стремящийся к Пугачеву, передает в спектакле неистовый митежский взлет, характерный для размаха «пугачевщины», взлет, сделавший крестьянское восстание таким устрашающим для самодержавия. Слыша Хлопушу — Высоцкого, словно видишь за ним взвихренную, взбунтовавшуюся народную массу, вспененную, могучую лавину, неудержимый поток, разлившийся по царской России. Своеобразный голос артиста способствует силе впечатления; его оттенки как нельзя больше соответствуют характеру Хлопуши, воплощенному в строках есенинских стихов, — сложной человеческой судьбе, надорванному, но не сломенному человеческому духу». (16)

«Спектакль, о котором мне хотелось особо сказать, — он называется «Пугачев». Драматическая поэма Есенина (...). Спектакль этот пытался ставить многие, даже (...) замечательный наш режиссер Мейерхольд. Но так как сошлись тут два характера, [что] называется, «нашла коса на камень». Мейерхольд хотел, чтобы Есенин кое-что переписал, кое-что убрал, добавил... А Есенин не хотел». (10)

«Есенин, кроме того, что он был лиричный такой человек, очаровательный, теплый, милый, — он был еще и скандальный, и упрямый. И он сказал: ни одной буквы убирать не дам, ни одного слова не буду переставлять! Ну а Мейерхольд тоже был с гонором человек. В общем они (...) поссорились, расплаивались, и Есенин забрал пьесу да ушел». (1)

«Ставить эту поэму безумно трудно, потому что это (...) не пьеса, а [именно] поэма. И хотя там указаны (...) имена действующих лиц (...) — Творого, Хлопуша, Пугачев, — все они разговаривают абсолютно одинаково». (3)

«У него все персонажи этой поэмы (...) — одни Есенины. Он совсем не утруждал себя тем, чтобы написать (...) им какие-то характеры. Просто он из себя выплеснул всех этих пятнадцатидесятилетнего человека. Причем он написал как будто единым духом». (8)

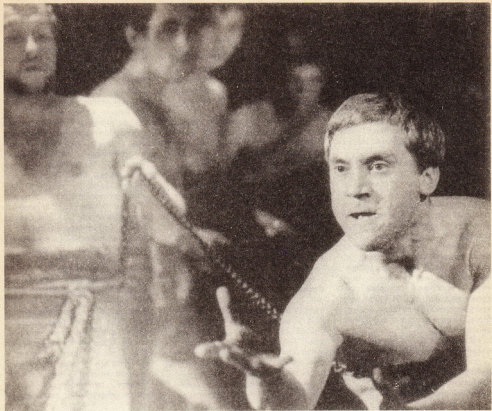
«И хотя теперешние поэты утверждают, что это не лучшая его поэзия, я с ними не согласен. Может быть, там, правда, излишне увлечение образами невозможными: там у него луна, по-моему, в четырнадцать ипостасей употребляется — то «луны мешок травяной», то «луны лодыжный череп». (3)

«Он там луну сравнивает с чем угодно (...), но он тогда увлеклся имажинизмом, образностью. [А] в ней есть непокрытая сила. Так, например, у него есть повторы, но иногда целую строку произносит на одном дыхании, одним и тем же словом, там: «Послушайте, послушайте, послушайте!» (...) — по нескольку раз повтор одной строки. Он пользуется разными приемами, чтобы катить, катить как можно быстрее и темпераментнее эту самую поэму». (5)

«Такое впечатление, что он вдохнул на первой строке и выдохнул, когда закончил на словах «Дорогие мои! Дорогие! Хорошие!» (3)

«Стояла очень трудная задача у режиссера: как сделать без костюмов, без бород, чтобы не клеить этого ничего. Потому что глупо — в одеждах [таких] вдруг стихами разговаривать (...). Но у нас был опыт работы с поэтами (...). Я думаю, — но это опять мое личное мнение, может быть, и в других коллективах то же, — что только у нас существует соединение авторского стиля чтения поэтического с актерским (...). Мне кажется, что Любимов нашел единственно верное решение для этого спектакля. И теперь люди, которые приходят смотреть «Пугачева», уходя с этого спектакля, говорят, что они теперь иначе просто не представляют, как можно по-другому поставить». (10)

«Любимов, он же ведь обладал не только талантом режиссера-постановщика, — он еще, кроме всего прочего, пишущий человек. И еще он — рисующий. Он с двух рук рисует — он и левша, и правша. И однажды он нарисовал, по-моему, левой рукой, на пляже, на песке декорации «Пугачева». И они [впоследствии] воплотились в жизнь! Пришел художник, которому ничего не оставалось, как просто воплотить замысел». (3)

«...Десять лет! Понимаешь ли ты, — десять лет...» Сцена из спектакля «Пугачев». Хлопуша — В. Высоцкий.

«Получился целый поэтический образ спектакля. То есть в спектакле присутствует поэзия не в чистом виде — в виде стихов, — а в виде всех атрибутов, присущих поэзии: метафоры, символы, образности и так далее». (13)

«Вот здесь и вступает в силу высказанная мною мысль о том, что (...) спектакль [в], сделанный на любом материале, — даже на прозе, — если он решен образно (...), то он, конечно, поэтичен...» (1)

«А там спектакль сделан так (...): открывается занавес. Вы не увидите берега реки Яик, на котором происходит действие, а вдруг увидите помост из грубо струганных досок, который опускается к зрителям, к авансцене». (6)

«На авансцене, в самом центре, стоит плаха. В нее воткнуты два топора. Плаха настоящая, мы ее брали у мясников (...). И опускается (...) помост (...) к этой самой плахе. В бока этого помоста тоже воткнуты топоры. И (...) несколько человек (...), — мы по пояс голые играем, в мешковине, в таких парусиновых штанах, босиком. У нас только цепь на сцене и топоры. И больше ничего нет — это такой клубок тел, ничем не защищенные». (1)

«Метааллическая цепь рядом (...) с обнаженным телом — она еще вздергивает действие выше на ступеньку в смысле нервов, потому что (...) холодный металл на теле (...) — это как бы переходит к зрителям (...). Во многих местах теперь зрители не только смотрят и слушают, что происходит на сцене, а даже некоторые дошли до того, что делают запахи (...) одеколоном каким-нибудь или

(...) вдруг цветами запахнет. А вдруг еще... чем-нибудь менее приятным. Вот. А у нас (...) как будто бы вы осязаете. В этом спектакле очень большое внимание уделяется воздействию на зрителей через под- сознание». (7)

«... [Например], вместо того, чтобы делать за кулисами выстрел, там: «Пу!» — он схватился за сердце, потекла кровь. Этим уже никого не обманешь. Все знают, что артистов не убивают по-настоящему, к сожалению (...). Только топор врубается в помост, кто-то из этой толпы вываливается, подкатывается к плахе, и голова его оказывается между двух топоров (...). Такое условное решение смерти еще сильнее работает, чем вот такой обман». (6)

«Я в этом спектакле играю роль Хлопуши. И эту роль очень любил Есенин. [Точнее], не роль, а этот монолог. [Хлопуша] — сподвижник Пугачева

ближайший, беглый каторжник с вырванными ноздрями. Вот. Очень любопытная личность (...). Когда Есенин написал этот монолог, рассказывают, что, он, подобно Пушкину, который бегал после «Бориса Годунова» и говорил: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» — вот и Есенин тоже очень радовался и очень любил читать этот монолог». (1)

«Особенно трудно было это играть (...). Ведь Есенин, когда читал монолог Хлопуши (...), — рассказывают люди, которые слушали это десятки раз (...), — он всегда бледнел, с него капал пот (...). У меня была трудная задача (...) — совместить как-то эту есенинскую манеру, такую немножко надрывную (...), с театром». (10)
«Есенин (...), когда он читал этот монолог (...), доходила до такой степени нервного напряжения, что он сам себе ногтями пробивал ладони до крови каждый раз. И когда мне это рассказали, это было, может быть, даже ключом к тому, как это играть...» (4)

«Я ногти стригу перед спектаклем, поэтому крови нету, но

Выступление в клубе имени Дзержинского. Куйбышев, 1967, 24 мая. Фото В. Емца.

пытаюсь все-таки не терять этого есенинского напора...» (12)

«...И я попытался немножко сохранить есенинскую манеру чтения, ну и все-таки оставить самую главную задачу режиссерскую, а именно: что это все-таки Хлопуша, а не поэт, который читает Хлопушу». (10)

«А потом рассказали, что у нас голоса даже похожи (...). Были две сестрички у нас есенинские, — они (...) уже старушки совсем (...). Их позвали для того, чтобы они возмутились, что, мол, вот мы, дескать, ввели в спектакль интермедии и так далее. А им понравилось. И они сказали: «А нам понравилось!» — и все. И (...) эти старушки сказали, что у нас с Есениным похожи голоса (...) — «с трещиной» у него был голос». (4)

«Есть даже запись на радио: Есенин читает монолог Хлопуши (...). Я не слышал, как он читал, до постановки, а потом (...) услышал. И вдруг увидел, с удовольствием, естественно (мне было очень лестно), что некоторые верхние ноты, верхние места в этом монологе у нас с ним совпали». (3)

«Когда мы играем этот спектакль, меня после спектакля

спрашивают: «У тебя синяков не остается?» Потому что меня кидают там (...) по цепям вперед-назад по станку, и так бросаешься телом голым на эти цепи. Иногда бывает больно. Но искусство требует жертв». (14)

«Меня (...) цепями избили до полусмерти однажды — просто новых актеров ввели, [а] они не умели... Там нужно все репетировать, нужно внатяжку цепь, а они просто били по груди настоящей металлической цепью (...). Одним словом, неприятностей было много (...). Станок [этот] — на нем [и] стоять довольно трудно, а по нему надо бегать (...) и все-таки кувыряться (...) Мы скатываемся [к] плахе, а плаха — все время мы в нее [и в помост] вытаскиваем топоры, поэтому там то занозы, то сбиваешь себе до крови ноги». (5)

«Но иногда (...) плаха видоизменяется: накрывается золотой парчой, и эти топоры превращаются в подлокотники трона. На [трон] садится Екатерина и начинает вести беседу со своими придворными (...). Они ей рассказывают о том, что вот у нас, [дескать], большой пожар. Она говорит: «Ничего, отстроится!» (...) — она, в общем, так спокойно к

этому делу относится. Она все больше интересуется по поводу акта пьесы, которую она сама написала. А эти интермедии [двора] написал замечательный человек (...), последний из моголан, который общался и с Есениным, и с Мейерхольдом, с Маяковским, был их близким другом (...). Он, к сожалению, уже не живет, он умер — Николай Робертович Эрдман» (2)

«...Он на меня оказал громадное влияние и очень помогал мне, когда я начинала. Вот. И когда говорили, что (...) я не могу того играть или этого, он говорил (...): может. А так как ему очень верили в нашем театре, то вот так [мне] и повезло» (9)

«Вы его знаете, Николая Робертовича (...), потому что он написал много очень сценариев, например, «Морозко». А раньше он написал знаменитую пьесу под названием «Мандат». И в ней играл Эраст Гарин. И на ней он сделал себе карьеру. И самое удивительное, что Эраст Гарин в молодости никогда так не разговаривал, как он теперь говорит. А он взял эту характерность у Эрдмана (...), который так разговаривал в жизни. [Помните], так в «Мандате»: «Маманя! Когда придут красивые, вы эту картину переверните — там Кара Маркс...» Ну я немножечко отвлёкся. Значит, на сцене еще так...» (2)

«...цепи у нас и такие перекладины. Здесь [слева] спускаются несколько колоколов, в которые я стучу топорами после того, как играю роль Хлопуши, а с этой стороны — виселицы...» (11)

«...Когда, скажем, одерживают верх восставшие, то вздергивается на правую виселицу одежда дворянская (...) — камзолы, шитые золотом. А когда одерживают верх правительственные войска, вздергивается мужицкая одежда с лаптями — они так подтанцовывают. И тоже (...) страшноватое впечатление: в свету просто так вот дергается эта повешенная одежда... И в этом есть тоже какая-то символика (...), потому что бунт был кровавый невероятно — реки крови просто были (...) во время подавления (...). Все восстание в результате катится к плахе, к тому, что его подавят, отрубят голо-

ву Пугачева и т. д.

«...А внизу под колоколами стоят три мужика, которые непричастны к этому делу и ни к какому восстанию (...) — только смотрят, наблюдают, что там на помосте происходит. И (...) говорят: «Зачем помост и что на ём?» Но они от непонимания (...) все время гадают «на троих». Сначала, значит, на троих, потом на троих не берет — на двоих, потом на одного. И поют они такие куплеты: «Кузьма! Андрей! А что, Максим?...» Эти вот стихи — это я написал для спектакля. Так что, видите, я еще причастился к Есенину» (1)

«Вообще (...) мы очень бережно отнеслись к тексту Есенина. Ничего не убрали, а, наоборот, даже добавили (...). У нас (...) на станках сзади стоят в черных платьях палачицы, которые поют замечательные тексты (...), настоящие, из XVIII века (...). Навероятно красивые...» (9)

«...[Это] мы нашли старинные причитания — плачи. Вы знаете, что раньше были плачи на все случаи жизни: и когда отпевали усопших или погбиших в бою, или (...) случайно погбиших, умерших от болезней...» (8)

«...На них музыку написал современный композитор, тоже замечательный — Юрий Будко (...). И в этом спектакле тоже, видите, много музыки: [и] настоящей, которую мы взяли [из прошлого], и написанной специально по этому поводу...»

Я [даже] после этого написал еще несколько песен, стилизованных под те времена... (1)
«Ко времени сдачи спектакля «Пугачев» у меня возникло ощущение, что Володя стал мощнее. Он как-то по-мужски созрел. Раньше он смотрелся все-таки немного хлипко, а тут вдруг в сцене с цепями, где явно видно было обнаженное тело, возникло ощущение его физической мощи. Эта сцена, я считаю, была самой сильной в спектакле...»

К тому времени в театр вернулся Губенко — специально на роль Пугачева. (...) Спектакль сделали довольно быстро. Было ощущение, что Юрий Петрович нашел этот декорационный ход — топоры, плаху, помост, и его больше ничего не интересовало. Он весь был в идее.

Но идея действительно была блестящая.

И еще одну интересную деталь придумал Любимов — участие в спектакле детей. Это, правда, уже было в «Галилее», но здесь идея с введением ребятишек расширилась за счет их непосредственного участия в спектакле» (15)

[Удалось размышлять одного из тех юных участников первых спектаклей. Сегодня мы предоставляем слово художнику Виктору Георгиевичу Калмыкову. Думаем, что такой нетрадиционный ракурс — взгляд на спектакль и одного из его главных героев из прошлого, глазами ребенка, — заинтересует читателей. — Авт.]

«Школа, в которой я учился, была в то время — в 1967 году — единственной в Москве, где существовала капелла мальчиков. Это специализированная школа № 59 при институте имени Гнесиных. Это такое широкое здание в старинном стиле (раньше там была гимназия), которое располагалось в Старокопионском переулке, напротив Канадского посольства. Она являлась, в некотором смысле, прообразом лицей, которые только сейчас начинают создаваться. Там, кроме музыкальных занятий и общеобразовательной программы, преподавалась история музыки, европейской культуры...»

Так что, я думаю, широкого выбора — откуда взять детишек для участия в спектакле — у них на Таганке не было. Это сейчас появилось множество различных студий — ими теперь все дырки затыкают, — а тогда ничего больше не существовало...

Многое уже стерлось в памяти, остались только самые яркие впечатления.

Мы начинали репетировать еще в школе. Педагоги с нами проходили некоторые партии. Мы не знали, зачем это делается — говорили: надо, и все. (Я учился тогда, по-моему, в третьем классе. У меня был хороший голос. По этой причине мне довелось участвовать во время учебы в постановках различных театров: и театра на Таганке, и, позже, музыкального театра Станиславского. Потому что мальчики нужны во многих постановках, где участвуют взрослые.)

Затем было несколько репетиций в театре. Нас сперва пустили без артистов — ятроем мы делали проход по помосту, в обычной одежде, без костюмов. Нам объяснили, что и где будет располагаться, что мы должны делать. И затем была — по-моему, только одна — репетиция вместе с актерами. То есть нас ввели очень быстро. Я думаю, они просто надеялись на нашу, так сказать, компетентность в музыкальном плане. И действительно, мы, несмотря на юный возраст, занимались этим на профессиональном уровне.

Процесс создания самого спектакля, как это делал Любимов в те годы, мы, к сожалению, не наблюдали. Впрочем, они старались нас как можно меньше загружать, чтобы мы не уставали, использовать только в необходимых случаях. Фактически у нас было две сцены: когда мы пели на помосте и в сцене, где Екатерина проезжала потемкинские деревни. Ну и в финале.

То есть находясь в театре в течение всего времени действия, за самим действием мы не следили. Я теперь даже немного обижен на руководство за то, что они тогда даже не объяснили нам о чем спектакль, кто поставил, кто участвует, какие задачи творческие. Хотя какие там задачи у детей? И все же...

Нет, конечно, нам предоставляли возможность носиться по театру, безглас под сценой, фехтовать на бутафорских шпагах — словом, все, что угодно. А спектакль-то мы проглядели.

Кто произвел на меня впечатление? Если покопаться в памяти, то, честно говоря, я не вспомню других актеров. Я знаком сегодня со многими актерами Таганки и знаю, что они и тогда участвовали в спектакле, но я их как-то не воспринимаю применительно к тому времени. Я вспоминаю только Высоцкого и Хмельницкого. Хмельницкого, потому что я непосредственно с ним участвовал в сценах — он мне пасхальные яйца по ходу действия давал, затем головы по помосту катил. Это, конечно, дикое впечатление остается, когда он «головы» из мешка достает и скатывает их чуть ли не на тебя. Они ведь не просто катятся,

а еще и в зал летят. Тут и для взрослых-то такие спектакли тяжелы, не говоря уже о ребенке. Здесь совсем другое мышление требуется. Это я очень хорошо запомнил.

И Второе, что тоже потрясло, — Высоцкий, особенно когда он читает монолог Хлопуши. Я смотрел снизу на помост, из-за кулис, так что рассмотреть удавалось очень хорошо. Ну, во-первых, это — комок энергии. Актер совсем другого качественного порядка. Он был весь как шаровая молния. Эта напряженная шея... Я потом не раз видел ее на фотографиях, но наяву это гораздо сильнее. Казалось, что в каждую следующую секунду он взорвется изнутри. И еще глаз нависает. С противоположной ложи светила прожектор прямо на меня, и глаз его преломлял этот луч... Я-то, в сущности, не понимал, о чем кричит этот человек, которого швыряют цепями по сцене, но это было и не так важно. Главное — ощущение убедительности, что он прав в своем крике, требованиях, претензии. Словом, впечатляло очень.

Потом я встречал его после спектакля. Он казался довольно-таки маленьким человеком, даже для нас, для детей. Он был низкого роста, а на сцене казался гораздо больше, крупнее, хотя и был раздет до пояса. Но тут, конечно, сказывалась игра мускулов. С нами, ребятами, он не общался, не заигрывал, не приголубивал. Я думаю, что он к нам слишком серьезно относился — там, в театре. О чем-то серьезном говорить с нами он, естественно, не мог, а унижать нас сюсюканьем, видимо, не хотел. Он считал нас, в принципе, тоже актерами, поэтому, наверное, старался не общаться. Понимаете? Вот такой парадокс. Он понимал, что этого не нужно делать. Вот где-то в другом месте — можно, а в театре — нельзя. И еще он боялся, вероятно, того, что мы начнем задирать нос: мол, Высоцкий нас по головке... А у нас в школе уже тогда знали его песни...

Играли мы, по-моему, один только год. Ну, может быть, два. Потому что очень быстро росли, а ребята нужны были маленькие. Поэтому состав наш непрерывно обновлялся...

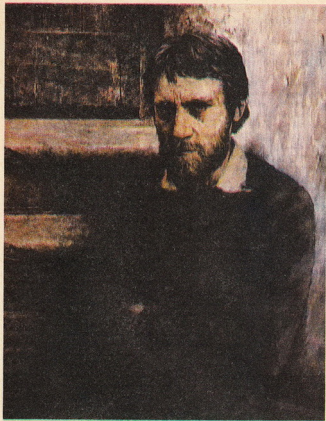
...Портрет этот — первая моя работа в живописи не ради того, чтобы пополнить какие-то свои технические навыки, не учебная работа, — первый мой серьезный самостоятельный взгляд на мир, на жизнь — с помощью моего ремесла — живописи.

Получилось так, что когда пришло известие о смерти Высоцкого, то это как-то обескуражило, потому что поначалу никто просто не поверил. А потом, когда это осознали, то уже накопилось нечто такое, что просто необходимо было выразить. Люди писали стихи, сочиняли песни. Ну и у меня этот образ, который сложился еще в детстве, — он уже устоялся. Хотя, конечно, пополнился какими-то другими, более поздними впечатлениями: фильмами, песнями...

Набросков я не делал, портрет писался сразу. Наброски были, можно сказать, в голове. Они там накапливались, и писалось очень легко. Я даже не задумывался, как построить композицию, — она сложилась сама собой. Портрет был написан — от идеи до того, как был положен последний мазок, — за месяц.

Тогда же возникла идея другой картины. Я посчитал, что не сумел выразить здесь все, что у меня было в голове, в одном портрете. Высоцкий — слишком многогранный образ, его можно воплотить в десятках работ. Такое природное актерство — один во многих лицах. И еще позже, года через два-три, был написан второй портрет. Сейчас есть мысль написать третий, как-то связать эти два, потому что все-таки не сумел я высказаться на эту тему в двух работах. Но картина пишется долго, вынашивается еще дольше. Для этого необходимо, чтобы очень многое совпало, в том числе и настроение. К тому же существует масса текущих дел. Но он будет обязательно — этот портрет.

Первый портрет долго висел в музее Театра на Таганке. Можно сказать, что под его сенью создавался музей Высоцкого. Работа эта долго не выставлялась. И только в последнее время я начал его экспонировать. Я не член Союза художников (хотя у меня уже

«Владимир Высоцкий». 1982 г., 80×60 см, холст, масло.
Художник Виктор Калмыков.

было четыре персональных выставки), поэтому мне трудно было выставляться, да и время было такое, что... ну, словом, не для этого портрета. В сущности, я начал его выставлять только после 1985 года. Хотелось бы, конечно, чтобы люди увидели портрет, когда он был написан — тогда же, в 80-м. Но мечты часто несоизмеримы с действительностью».

«Трагическое и шутовское в спектакле было неразделимо. Высоцкий в нем сыграл роль трагедийную и выступил автором-скоморохом. Он побывал и на помосте, где секут головы бунтарям, и постоял в толпе глазющих, и подсказал им слова. Он посмотрел на все изнутри и со стороны — дикими

очами Хлопуши, глазами мужиков и сам по себе, как художник.

...«Пугачев» дал почувствовать Высоцкому-поэту свои корни, уходящие глубоко в самую толщу народной жизни и русской истории. Традиции скоморошества — важнейшие в смеховой национальной культуре. Считалось, что они умерли, но нет, Высоцкий их воскресил и упрочил. Еринчанье — не только одно из слагаемых национального артистизма, но и одна из примет национального характера, путем смеха защищающего (а то и спасающего) в себе некие серьезные нравственные основы. Это определенный звук, без которого нет русской песни. Этот звук требует публики, он нуждается в публичности, иб» в нем заложена потребность разрядки — и для исполнителя, и для толпы.

Участие в «Пугачеве», таким образом, было больше, нежели просто актерское исполнение одной роли, больше, чем один, созданный актером образ. В «Пугачеве» выступил актер-поэт, уникальная его природа обогатила спектакль, а поэт пошел дальше, своей дорогой...» (17)

«...Первая премия за лучшее исполнение мужской роли — Н. Губенко и В. Высоцкому за исполнение ролей Пугачева и Хлопуши в спектакле «Пугачев»; вторая премия за исполнение женской роли — З. Славвиной». (19)

[Сразу после премьеры «Пугачева» была продолжена работа над новым спектаклем. — Авт.]

27.11.67. 11.30. Верхний буфет. Столы, стулья. «Живой». Все занятые в спектакле. Читка по ролям.

(...922, с. 26)

[Все значительные события, связанные с творчеством Высоцкого в 1967 году, в основном уже отражены в повести. Мы не касались только его выступлений в других городах. Ленинград, как уже говорилось, — тема отдельной главы. А сегодня попробуем осветить пребывание Высоцкого в Куйбышев. — Авт.]

«24 мая в Куйбышев приезжает вездущий актер Театра на Таганке Владимир Высоцкий. Известен он и тем, что пишет музыку к спектаклям и кинофильмам, песни.

Городской молодежный клуб организует два выступления В. Высоцкого, которые состоятся в концертном зале филармонии и клубе имени Дзержинского». (18)

[Об этих майских выступлениях достаточно подробно рассказано в статье Всеволода Ханчина «Владимир Высоцкий: «Вы меня возьмите в море, моряки!» («Катера и яхты», 1986, № 2). Кроме того, большой материал Владимира Емецца «Высоцкий, город и песня» — о пребывании Высоцкого в Куйбышеве — напечатан в сборнике «Молодежная волна-89» (Куйбышевское книжное издательство, 1989). Тем не менее публикуемые сегодня вос-

поминания Геннадия Сергеевича Вьюкова дают новые штрихи к уже известному образу Высоцкого.]

«...За 1965—1967 годы благодаря знакомству с рабочими из Театра на Таганке я увидел все спектакли, которые там шли, узнал всех артистов: Золотухина, Хмельницкого, Губенко, Васильева, Демидову и др. Видел спектакли: «10 дней...», «Павшие...», «Галилей...», «Дознание...». Так что к 1967 году я уже был подготовлен к встрече с Высоцким. Знал его биографию и почти все его песни. Его хрипчатый голос мог отличить из тысячи голосов, тем более что я сам такой же хрипчатый. Записывая свой голос на магнитофон, я сам с трудом отпадал от голоса Володи (упражнялся для себя)...

Итак, май 1967 года.

В последней декаде месяца по городу появились объявления: «24 мая состоится концерт Владимира Высоцкого». Организатор — ГМК-62 (Городской молодежный клуб, 1962—год рождения клуба). Поясно: ГМК-62 был создан при горкоме комсомола для организации досуга молодежи города. Там были кружки фото, изобразительности, парусный, спортивные секции. Я изредка ходил в фотосекцию, помогал, чем мог, е работала фотобумагой, химкатами, посудой... Руководство клуба — его президента Славу Климова, вице-президентов Артура Щербака и Севу Ханчина — я знал хорошо.

Первый концерт в филармонии в 17 часов. Билеты нам принесли заранее. Подходим к кассе, билетов полно. А вокруг стоит много людей, предлагают билеты с рук. Я сразу вспомнил Москву, рассказываю, как попал на спектакли Высоцкого. Ребята не верят. Врешь! Да и вообще, кто такой Высоцкий?..

И вот занавес поднят. Зал полупустой. Прохладно. Все двери открыты. На сцену выходит парень: простенькие брюки, белая рубашка, рукава закатаны. Представляется: «Я — Высоцкий, работаю в Театре на Таганке. Споку вам несколько песен». Зал затих, зал в напряжении. Куйбышев впервые ви-

дит Высоцкого, тот впервые видит Куйбышев. Приглядываемся друг к другу. Сейчас я не помню, с чего он начал, но когда перешел к сказкам (...), зал загудел, зааплодировал.

Концерт прошел спокойно, не было блатных песен, были из «Вертикали», спортивные, сказки... Аплодисментов ему досталось немного. Но по городу пошел слух: Высоцкий! Из зала филармонии пошел в клуб имени Дзержинского. Зашли на речной вокзал. Сева Ханчин в журнале «Катера и яхты» уже описал этот переход. Именно так все и было.

Но клуб Дзержинского встретил уже по-другому. Билетов в кассе нет. С рук — нет. Все просит «лишнего билетка». На улице у клуба стоят машины с ульяновскими номерами. Пока шел первый концерт, из Ульяновска спешили люди — на «Жигулях», «Волгах» — попасть «на Высоцкого», хотя бы взглянуть. Действительно ли есть такой человек или это легенда.

За те часы, что Высоцкий находился в Куйбышеве, междугородный телефон работал непрерывно: Ульяновск, Казань, Пенза, Оренбург, Саратов, Куйбышевская область — уже все знали, что Высоцкий у нас в гостях. До Куйбышева от каждого из названных городов лететь 30—50 минут. Я лично встретил знакомых ребят из Пензы, Саратова — успели прилететь на его вечерний концерт¹.

В клубе Дзержинского я сидел в первом ряду, прямо напротив Высоцкого. Видел каждый мускул, каждую жилку на его лице. Опять он пел спортивные песни, сказки и др. Зал орал, зал требовал «Нинку», «Рыжую шалаву», «Бодябоб», «Ленинградскую блокаду» и т. п. Высоцкий: «Эти песни не мои. Откуда вы взяли, что мои...» Но «Нейтральную половину» спел — что творилось в зале!!! Его не отпускали, его вызывали снова и снова. Он весь взмок. Честно говоря, тогда мне его было жако. Я верю Алле Демидовой, когда она говорит, что после спектакля его рубашку — хоть выжимай. Это

даже не то слово, его рубашку можно было мыть полы — такая она была мокрая.

Наконец он ушел, еле-еле отпустили. Все начали вставать, зажегся свет, зрители уже направились было к выходу. И вдруг... он снова вышел на сцену. Я еще не успел выключить магнитофон, как он запел: «Эх, раз! Еще раз!...» Что тут было! Сперва все оцепенели, в зале гробовая тишина. Потом — взрыв эмоций, аплодисментов. Крики: «Молодец! Bravo! Здорово!» А Володя взяла и повторил еще раз.

Вот тут-то мне и стало за него страшно. У него на щеке надулись вены, он стал какой-то красивый. Я боялся (вполне серьезно!), что он вот прямо сейчас умрет на этой сцене. Было страшно за Высоцкого: как он напрягался, как отдавался песне! Мне кажется, он не жил в эти минуты нашей жизнью, — он был где-то там, далеко от нас. И скорби наши земные ему чужды... Это была жуткая сцена — как он исполнял «Эх, раз»² в конце программы.

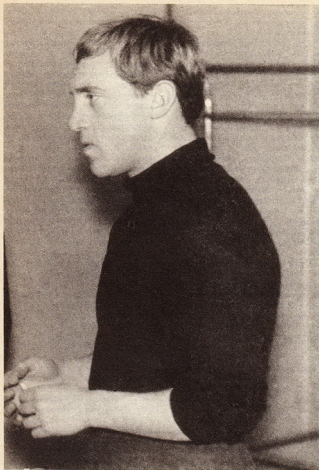
Тогда-то я и поклялся себе обязательно сфотографировать его, достать телеобъективы — и поближе, поближе! Показать его труд, показать всем, как это ему достается. Ни до, ни после я не видел таких исполнителей и не увижу никогда — на это был способен только Высоцкий. Даже люди, поднимающие в цирке гири, даже борцы и бегуны-марафонцы затрачивают, очевидно, меньше энергии, чем Высоцкий на одну песню.

Кончился концерт, вышли на улицу (...), ребята «уволокли» его кататься по Волге на катере. Я не мог поехать с ними, так как мне на рассвете нужно было улетать в очередную командировку и отложить поездку я не мог...

К осени (...) телеобъектива я так и не достал, решив работать с обычным... После майского отъезда Высоцкого город «забурился», буквально все были помешаны: «Высоцкий, Высоцкий!...» — одна тема раз-

¹ Разница между двумя этими концертами составляла четыре часа. — Авт.

² Имеется в виду песни на стихи А. Григорьева «Поговори хоть ты со мной», а не «В сон мне — желтые огни», написанная Высоцким позднее. — Авт.

«За кулисами». В. Высоцкий в антракте выступления в Куйбышевском Дворце спорта. 1967, 29 ноября. Фото Г. Внукова.

говоров. «Дай записать. У кого есть записи?..» Произошла какая-то цепная реакция. Меня «достали» просьбами переписать его выступление. Так — друг от друга — песни Высоцкого быстро разошлись по городу.

А что творилось в молодежном клубе! Буквально на следующий день после его отъезда телефон начал работать не переставая — все требовали Высоцкого. Каких только звонков не было! Звонили комсомольцы и некомсомольцы, звонили с заводов, школ и учреж-

дений. Приходили целые делегации, шли телеграммы и письма... Работники ГМК-62 валились с ног, отказывая, отнекиваясь, отбиваясь и обещая, что Высоцкий приедет еще раз. Собралось более пятидесяти тысяч заявок! И тогда ГМК-62 принял решение еще раз ехать к Высоцкому и просить его снова выступить в Куйбышеве. Он обещал приехать осенью...

(Летом мне попалась книга Валентина Катаева, какие-то мемуары. Там очень много воспоминаний о Сергее Есенине. И о нем Катаев, в частности, сказал так: «В России всегда был, есть и будет всего один-единственный поэт, национальный гений, в разное время носящий разные имена». И я подумал:

так это же о Высоцком. Вот он, национальный гений, живущий в наше время. И этот гений должен вот-вот появиться у нас.)

...Афиш не было, плакатов не было, но был телефон³. Накануне, 28 ноября 1967 года, мы уже знали: завтра будет Высоцкий. Во Дворце спорта состоится два концерта. Молодежный клуб дал на нашу долю столько билетов, сколько мы просили. Но многим зрителям билетов так и не хватило.

Приблизительно с обеда ко Дворцу спорта стали собираться толпы людей. К 16 часам их количество достигло громадных размеров. Транспорт доставлял все новые массы народу. В 17 часов ко входу не протолкнуться. Началась давка. Контролеры были явно не готовы к этому, два милиционера, придавленные толпой, махнули рукой на свои обязанности. И все «поперли» как могли: кто с билетом, кто так, «по нахаке». Столпотворение!.. В зале сидели на ступеньках лестниц, на перилах, на каждом стуле по два человека. Не могли добраться только до люстр и на них висеть, потому что люстр во Дворце спорта не было, а на лампочках не очень-то разместиться. Короче, вместо пяти тысяч человек в зал набилось порядка десяти тысяч, а возможно, и все пятнадцать.

Но так или иначе к 17 часам все разместились. Постепенно шум стих, ждали Высоцкого. И он вышел. Вышел в срок. Вышел тихо. Вышел... и опешил. Постоял с минуту, посмотрел на зал, помахал рукой, призывая к полной тишине, и сказал: «Братцы, я впервые в жизни выступаю во Дворце спорта, мне никогда не приходилось петь перед такой массой людей. Прошу тишины». (Я потом, через 2 часа, видел этот зал из-за кулис. Видел эту массу народа, эти обезличенные лица — действительно страшно-ваго. А какво выступать? Но Высоцкий справился.) И потом Володя запел, запел свои песни, которые мы так ждали...

³ Афиша к ноябрьским концертам (причем с фотографией Высоцкого) была изготвлена. Она есть в нашем архиве. — Авт.

Что он пел, я сейчас не вспомню, но помню отлично, что ему кричали из зала: «Нинку», «Татуировку», «ЗК Васильев» — только такие песни. Сказки никого не интересовали — нужны были его бабьи песни, или, как сейчас говорят, городской романс.

В какой-то момент Володя остановился, глотнул воды, подобрал записки, прочитал их и сказал: «Я уже говорил, что эти песни не мои, их мне приспывают. Эти песни я никогда не пел... да если бы и пел, никогда не стал бы петь здесь — вот из-за этих трех рядов...» — и показал рукой на первые три ряда кресел в зале.

(Потом я его спросил: «Володя, а почему именно из-за этих трех рядов ты не стал петь?» Он посмотрел мне в глаза и ответил: «Да потому, что там сидит одно начальство, одни коммунисты. Наверняка есть и чекисты из КГБ. А я от них уже натерпелся. Но то, что это я пою, что мои пленки ходят по России, — этого не докажешь. Голос на пленке — не улика. Пусть они нам лапшу на уши не вешают и в кино не показывают — магнитофон, запись беседы... Посмотри Уголовный кодекс. Там прямо сказано, что магнитофонная запись не является доказательством».)

Мы сидели в 10-м ряду партера. Я был «вооружен»: 2 фотоаппарата ФЭД-2, фото вспышка, батарея «Молиния» весом около пяти килограмм (...). Немного огляделся, поднял аппарат над головой, встал, щелкнул. Сразу зашкалил, заорали — сзади, сбоку, — начали оглядываться. Пришлось это занятие прекратить. Стал пробираться по проходу, добрался до крайнего стула (...), поставил аппарат на «бесконечность» и давай щелкать, как выйдешь — для себя. Мне говорят: далеко, мол, не получится (...), — решила оставить съемку до второго концерта, вечернего. Тем более что наши билеты на вечерний концерт были рядом со сценой, в первом секторе...

Начался второй концерт, я примериваюсь, но не снимаю — неудобно. Ребятка говорят: «Гаррик, да иди ты поближе!» Я говорю: неудобно, прогонят. Они: прогонят — уйдешь. Я набрался смелости, подошел почти вплотную, включая вспышку

и щелкал. Володя сперва не обратил внимания. Я все ближе и ближе...

При очередной вспышке он наконец меня заметил. Микрофон рукой прикрыл, показывает на меня Сева Ханчину, ведущему концерт, и говорит: «Уберите фотографа — мешают работать!» Я ему: «Тоже мне, Остап Бендер — работать ему мешают!» Высоцкий, видимо, этого не ожидал, да и сам я не знаю, как у меня эти слова вырвались. Но произошло секундная немая сцена. Держа зажатый микрофон, Высоцкий посмотрел на меня в упор и процедил сквозь зубы что-то типа: «А ты, парень, мало того, что нахал, так еще и передразниваешь» — это он отреагировал на мой хрипчатый голос.

Сева поднялся со своего стула, подошел ко мне и говорит: «Гаррик, уйди, не мешай, тебя же просят. Просит сам Высоцкий». Я было «сиханул», уперся, но... обернулся на зал: позади 15 тысяч человек. Появл — растерзают. Пулей выскочил из зала. Проходя мимо своих, бросил жене фотоаппарат, буркнул: «Вот идиот — его же снимают, а ему, видишь ли, «не надо!» Я тогда не мог даже предположить, что действительно ему мешало.

Выйдя из зала, я совсем забыл, что у меня еще один фотоаппарат на шею болтается. Там же комплект фотовспышки. В фойе ни одного человека. До конца первого отделения второго концерта — до перерыва — осталось 20 минут. Решил пойти в буфет. Навстречу Слава Климов — тогдашний президент и организатор молодежного клуба, инициатор приезда Высоцкого в Куйбышев: «Ты чего, Гаррик?» Я пожаловался на Высоцкого, как он меня прогнал. Слава говорит: «Ты не переживай, Володька — хороший парень. Только сейчас он злой. Не хотел выступать во Дворце спорта, боялся: так много народу... Мы его обманули, вот он и нервничает. Пойдем за кулисы, я тебя познакомлю с Высоцким».

И вот мы за кулисами. На сцене, в нескольких метрах от меня, Высоцкий поет «Спасите наши души». До перерыва несколько минут. Климов куда-то вышел. За сценой — тишина,

пусто. Только сидит и дремлет в одиночестве пожарник (...). Я вижу весь зал. Людей столько — яблоку некуда упасть! Смотреть — и то жутковато, а каково выступать? Появляется откуда-то Артур Щербак, в то время второй секретарь ГК ВЛКСМ, подходит ко мне. И тут Высоцкий объявляет: «Пора отдохнуть минут 15—20». В зале зажигается свет, опускается занавес. За кулисы, нет, не входит, не вбегает, а буквально вползает Его Величество Владимир Высоцкий. На него страшно смотреть: черная водолазка насквозь мокрая, сам какой-то красивый, возбужденный. Но корректный. Его надо было понять: идет четвертый час его пребывания на сцене в переполненном зале Дворца спорта. Такое напряжение, но держится спокойно. Мы с ним стукнулись внос в нос.

Первые его слова: «Братцы, подхихайте! Дайте скорее чего-нибудь выпить и закурить». Артур Щербак, Сева Ханчина, Высоцкий и я — рядом. Нас окружает толпа, начинают совать мне стаканы: кто с водкой, кто с коньяком, кто с водкой или с шампанским. Он все отвергает, просит стакан кофе, но с молоком. Побежали в буфет. Высоцкий смотрит на меня в упор и говорит: «А ты, хрипчатый нахал, уже здесь?! Ну ладно, не сердись, пойми, твои блики петь мешают, отвлекают...» В это время ему принесли кофе. Он подул на него и говорит: «Вот теперь снимай». Я навел фотоаппарат, щелкнул... Так Володя и застыл навечно со стаканом кофе в руках.

Тут началось! Откуда-то набегало полно народу. Его окружил со всех сторон — кто сует сигареты, кто кофе, кто просит автограф. Меня отгеснили, и я стал снимать все подряд.

За эти двадцать минут произошло множество интереснейших встреч, разговоров, сценок. Описать все невозможно. Время будто спрессовалось, круговорот лиц вокруг Высоцкого не прекращался (...). Я взглянул на часы, шла 15-я минута перерыва. Толпа по-прежнему окружает Высоцкого, все лезет к нему: меня снимки, меня, меня... Он говорит: «Ну давайте все вместе». Я рас-

ставляю людей поплотнее (все начинают толкаться, каждый жметсЯ поближе к Высоцкому), начинаю щелкать. И вдруг приходит в голову: ведь сейчас перерыв кончится, Володя уйдет на сцену, а снимать там он не велит... Надо ловить момент самому с ним сняться на память, тем более Высоцкий кричит: «Хрипятил, а ты что же не фотографируешься?»

Я говорю: «Братцы! (Хрипло, «под Высоцкого».) Снимите кто-нибудь. А то все я вас, а меня — никто». Тут раздался звонок, антракт окончен. Высоцкий: «Хрипятил, ну иди же, а то ведь мне уже на сцену пора!» Я отдал кому-то фотоаппарат и говорю: «Щелкай до конца, пленка должна вот-вот кончиться, больше возможности снять не будет...» Вот так я очутился в кадре, даже в трех...

Занавес поднялся, и последнее отделение последнего концерта Владимира Высоцкого в Куйбышевском Дворце спорта началось.

...Последействия Высоцкий сказал мне: «Вообще, ваша Самара дала мне большую путевку, я ведь ни разу до вас (да и после еще долго) не выступал во Дворцах спорта. Это здорово! А ваши Ханчин с Кимовы — молодцы ребята, не побоялись... Благодаря нашему Дворцу меня еще больше узнали, сейчас просто завалили заявками. Но вот только жаль, не пускают нигуذا».

[Обзор творческого пути Высоцкого в 1967 году мы завершаем воспоминаниями писателя Бориса Натановича Стругацкого, подготовленными для данной повести (подборка из писем от 13.11.87., 11.12.87. и 12.07.88.), в которых речь идет о событиях описываемого периода. — Авт.]

«Слухи о моем близком знакомстве с Владимиром Высоцким сильно преувеличены. На самом деле мы по-настоящему общались с ним всего дважды: один раз у меня в гостях и один раз — у него... Я убежден (и близкие мои меня в этом поддерживают), что к себе домой я пригласил Высоцкого, с которым уже был знаком... [Б. Н. Стругацкий на это особо обращает наше внимание, так как в его воспоминаниях есть одно принципиальное несоот-

ветствие, которое смещает датировки этих двух встреч на полгода. — Авт.]

В сентябре 1967 года мы с Аркадием Натановичем были в Театре на Таганке, а потом — в гостях у Высоцкого (...). Кто еще был в гостях, не помню. Помню поразительные «марсианские» глаза жены Высоцкого. Помню серьезного подростка — сына. Помню, что было множество людей: огромный стол посреди комнаты плотно обсажен со всех четырех сторон. Помню, как он пел «Парус» — лицо его наливалось кровью и становилось страшным, и видно было, какая это тяжелая работа — петь «Парус». Помню, как он тогда объяснял мне, что «песни-беспокойства» всегда старается отложить на конец, ибо их очень тяжело петь...

У нас в гостях Высоцкий был, видимо, весной 1968 года. По крайней мере, так считают мои родные и близкие. Приехал после спектакля... [Вот оно, несоответствие: в Ленинграде «после спектакля» Высоцкий мог посетить указанную квартиру лишь в апреле — мае 1967 года, во время гастролей театра. Но тогда получается, что эта встреча состоялась раньше описанной выше. Но думается, что Борис Натанович не ошибся в очередности встреч с Высоцким. Просто тот посетил его после очередного съемочного дня «Интервенция». Высоцкий часто ездил на «Ленифильм» зимой 1967/68 года. — Авт.] ...без гитары. Все порывалось прорваться по нашей лестнице, чтобы взять у кого-нибудь гитару и спеть. Но я упрямился его просто посидеть, поговорить. Тогда мне интересное было узнать его как человека. Теперь жалею, что упрямился его не петь, но кто мог знать, что мы видимся в последний раз. Самое обидное, что и разговор-то я толком не запомнил...

Мы много говорили, помнит-ся, о различных чудесах (телепатия, «летающие тарелки», снежные люди, Несси и т. д.), причем Владимир был большим энтузиастом всего этого, а я его всячески разубеждал. Очень было мне забавно, что он так в это верил. Я-то в них никогда не верил. Помню, что мы с ним спорили обо всех этих штуках...»

Материалы, использованные в публикации:

1. Высоцкий В. Выступление в Калининском государственном университете. 1976, 3 июня (17⁰⁰).
2. Высоцкий В. Выступление в Академии ПВО. Калинин, 1976, 3 июня (19⁰⁰).
3. Высоцкий В. Выступление в авиатороде. Ст. Чкаловская Московской обл., 1976.
4. Высоцкий В. Выступление в санатории Госплана и Госстрой СССР. Вороново Московской обл., 1977, лето.
5. Высоцкий В. Выступление в ДК «Юбилейный». Ивантеевка Московской обл., 1976, 23 января.
6. Высоцкий В. Выступление в Доме ученых. Троицк Московской обл., 1978, (октябрь — декабрь).
7. Высоцкий В. Выступление во Всесоюзном научно-исследовательском институте физико-технических и радиотехнических измерений. Менделеево Московской обл., 1978, 10 декабря (3-й концерт).
8. Высоцкий В. Выступление в ДК имени Ленина. Коломна Московской обл., 1976, 29 июня (15⁰⁰).
9. Высоцкий В. Там же (18⁰⁰).
10. Высоцкий В. Запись на Таганкинском телевидении. 1972, (17—18) мая.
11. Высоцкий В. Выступление в Макеевке Донецкой обл., 1973.
12. Высоцкий В. Выступление в ПТУ. Горловка Донецкой обл., 1973, февраль.
13. Высоцкий В. Выступление в Московском автомеханическом институте. 1978, 17 марта.
14. Высоцкий В. Выступление в зеленом театре. Гагра, 1972, июнь.
15. Акимов Б. Из интервью с режиссером телевидения Л. А. Буслевым, Москва, 1988, 4 апреля.
16. Головащенко Ю. Поэтическая героика. — «Советская культура», 1967, 14 декабря.
17. Крымова Н. Хлопуша. — «Союзтеатр», 1988.
18. В ПМК. Для любителей песни. — «Волжский комсомолец» (газета, Куйбышев), 1967, 23 мая.
19. Лауретти юбилейного года: к итогам смотра театральной молодежи столицы. — «Московский комсомолец», 1968, 27 марта.*

* В журнале «Аврора» (1990, № 6) этот номер газеты ошибочно датирован 1967 годом.

Примечания

«Куплеты», написанные Высоцким для спектакля «Пугачев», известны всем поклонникам его творчества. Автор в своих выступлениях постоянно, рассказывая о театре, цитировал фрагменты из них. Но именно фрагменты, причем из середины. Поэтому в большинстве песенных каталогов Высоцкого данное произведение расположено в разделе «К» (Кузьма! Андрей!..).

Для подготовки «Куплетов» к публикации было использовано несколько источников (фонограммы спектаклей разных лет; рабочий сценарий спектакля; текст «Куплетов», записанный со слов одного из их исполнителей, Д. Е. Межевича; рукопись — черновые наброски — самого автора). Все они немного разнятся между собой. Это объясняется, видимо, большими временными промежутками источников.

Мы решили опубликовать текст «Куплетов» из сценария спектакля (ЦГАЛИ, ф.2485.2.373, с.2,16,41) [Куплеты разнесены по сценарию согласно месту их исполнения в спектакле.] Это, на наш взгляд, логично, так как наиболее близко к первоисточнику.

Хотя «Куплеты» явно ролевые и состоят из реплик отдельных исполнителей, сейчас трудно расставить в их тексте прямую речь, поскольку со временем акценты исполнения смещались. Да и вряд ли есть такая необходимость. Читатели при желании сами могут это сделать.

Куплеты Из спектакля «Пугачев»

Андрей! Кузьма!
А что, Максим?
Чего стоймя
Стоим, глядя?

Вопрос не прост,
И не смекнем,
Зачем помост
И что на нем.
Нет, без хмельного не понять, —
Пойти, бутыл побольше взять.

«...Вот так я оказался в кадре». Высоцкий в кругу друзей и почитателей. (Крайний справа: Г. Внуков, рядом Вс. Ханцин).

Кузьма! Андрей!
А что, Максим?
Давай скорей
Сообразим.

И-их — на троих.
А ну их, на троих.
На троих так на троих...
И-их, и-их, и-их!

Андрей! Кузьма!
А что, Максим?
Чего стоймя
Опять стоим?
Теперь вовсе не понять:
И тут висят[ь] и там
висят[ь]!

Так был же Петр?!
Тот был сперва...
Нет, не пойдет
У нас стрезва!

Кузьма!
Готов!

Неси-ка штоф!
Нет, на троих не пойдет,
На троих не возьмет!
Чего же ждешь?
Давай вдвоем!

И-их — на двоих.
А ну их, на двоих.
На двоих так на двоих...
И-их, и-их!
Кузьма, Кузьма!
Чего ты там?
Помрешь глядеть,
Ходи-ка к нам!

Теперь вот, теперь вот
И на двоих-то не возьмет.
Кричат, орут... А ну его,
Давай, дави на одного!

И-их, а ну их.
Пей, пей, не робей!
Не робей так не робей.
Не робей...
не робей...
не робей...
воробей...
Соловей, пташечка,
Канаречка жалобно поет!

Публикация О. Терентьева
и Б. Акимова

Под редакцией Анатолия Карпова

...Минус почтовые неурядицы

Кончается год, и пора подводить итоги нашего конкурса. Хотя, если честно, хотелось бы еще подождать, ибо совершенно очевидно, что много, весьма много открыток и писем с ответами застряли на полпути к редакции, затерявшись на необъятных просторах почтовой империи.

Если помните, мы и в прошлом году столкнулись с подобными трудностями и вынуждены были отказать нескольким конкурсантам в праве называться победителями. Но вторично проявить такую жестокость (да еще по отношению к тем же людям) — это было бы уж слишком. И мы решили вносить поправку на почту. Допустим, кто-то из читателей в итоге не сделал ни одной ошибки, но отсутствует письмо с ответами на один тур (к тому же не самый трудный) — считаем его лауреатом. Перефразируя древнегреческого философа: то, что мы получили, безупречно, из этого мы заключаем, что и остальное тоже безупречно...

Но прежде чем назвать лучших решателей, несколькими штрихами охарактеризуем полученную почту. Писем оказалось побольше, нежели год назад, — в основном за счет второго тура. Задания в нем были не слишком трудными, да к тому же требовалось в каждой из шести диаграмм указать лишь первый ход. Затем, по мере усложнения задач и этюдов, поток шахматной корреспонденции уменьшался, пока не истощился до нескольких десятков писем.

Как всегда, не обошлось без курьезов. Несколько конвертов оказались без обратного адреса, а попытки с помощью графо-

логической экспертизы (впрочем, беглой) идентифицировать «анонимки» успеха не имели. Иные открытки были, напротив, с подробным обратным адресом, но совершенно чисты с обратной стороны, где надлежало бы быть ответам. А в одном таком случае ответы были найдены... в конце адреса редакции, в разделе «кому!» Кстати, очень много художественных открыток — от милых обезьянок до величественных океанских лайнеров, а две так даже «С днем свадьбы!». Среди наших конкурсантов один оказался с символической фамилией — Шахматов, увы, ни одного верного решения...

И — сюрприз! Задание № 15 из пятого тура — на мат в 22 хода — оказалось не совсем корректным. Исходная позиция: белые — Krc8, Ad1, Ce4, pp. b6, f6, g2, g7, h6; черные — Kpb1, La1, Ca2, Cc1, Kc2, pp. b2, b3, b7, d2, f7, g5, h7.

В авторском решении — необыкновенно красивом! — белые пешки четырежды превращались в ладью, решение приведено в № 9.

Увы (или к счастью!), несколько наших сильнейших конкурсантов управились куда быстрее:

1. g8Ф g4 2. Фg5 g3 3. Cf3 K— 4. Фf5+ Kc2 /4 ...K:f5— 5. Ce4×/ 5. Ah1 d1Ф 6. C:d1 C— 7. C:c2×.

Но, конечно, и тем, кто «удовольствовался» авторским решением, мы начислили очки.

Ну а теперь — о победителях. Первым, безусловно, стал А. Шукин из г. Волска Саратовской области. Его ответы верны, а кроме того, он оказался единственным, чьи письма дошли все, абсолютно все! Согласитесь, что в любом соревновании участнику надобно умение, но и удача не повредит!

Вот имена других лауреатов: М. Андрухиц из Донецка (он отличился и в прошлом году), москвич М. Германов (наш прошлогодний лауреат), Д. Красиков из Ростова-на-Дону (тоже лауреат прошлого года),

М. Куперман из Москвы (как и год назад, одно его письмо затерялось в пути),

А. Лобанов из Ставрополя (Анатолий Николаевич победил и год назад. Он инвалид Отечественной войны, 29 августа ему исполнилось восемьдесят!), Ю. Меледин (Львовская обл.),

душанбинец А. Нелидов, С. Остапюк из Тернопольской обл.,

Ю. Федотов из Петрозаводска,

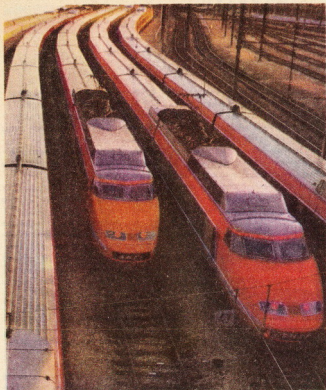
омаич Н. Чистяков, Р. Янко из Тернопольской обл. (Можно сказать, что любители шахмат Тернопольщины победили командой...)

Как и в прошлом году, отдельный зачет проведен для шахматистов. Лучший результат — у Л. Гладковой из Перми.

Справедливости ради перечислим вслед за победителями и тех, кто оказался менее удачливым (еще менее!) в отношениях с почтой, либо допустил где-то одну-единственную ошибку:

И. Алексеев (Алтайский край), С. Бобров (Пермь), В. Дьяченко (Киев), М. Ермолаев (Рязань), С. Ершов (Иваново), А. Корейба (Житомирская обл.), А. Кузнецов (Чита) и А. Чумак (Иошкар-Ола).

И в заключение обзора — СПАСИБО ВСЕМ!

ЕВРОПА — ОБЩИЙ ДОМ

«Ла-Манша больше нет»

Еще вчера Ла-Манш, именуемый упорно держащимися за свои фунты и дюймы англичанами Каналом, считался геостратегическим фактором, сродни русскому раздолью: ни Наполеон, ни нацисты так и не решились форсировать его многокилометровую гладь. А уже, может быть, завтра, а точнее, в 1993 году, Великобритания вообще перестанет числиться среди островных государств. К прародине — континенту — ее твердо намерены привязать пуповиной проложенного под проливом железнодорожного туннеля.

Впрочем, все эти 186 лет на пути туннеля стояли не только — и не столько — трудности чисто технического порядка, да и сейчас толячком к его строитель-

ству послужило отнюдь не ощущение «коммунальной тесноты» Ла-Манша, где на каждой квадратной миле холодной воды постоянно пребывают 19 средне-

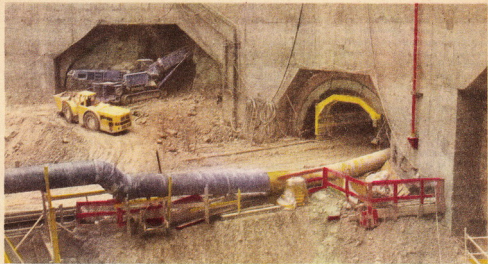
статистических моряков. Ведь в 1882 году у французского побережья уже пробивали пробные шурфы. Но и тогда, и позже, в 1928 году и в 1975-м, когда, казалось, не хватало только подписей ответственных лиц под строительной документацией, «проект XIX—XXI веков» становился жертвой скорее политических осложнений, чем технологических проблем.

По-королевски высокомерное «Пиренев больше нет» известно любому французскому школьнику. Успеет ли Тэтчер и Миттеран до истечения срока своих мандатов войти в историю сходной политической метафорой в отношении Ла-Манша (Канала)? Гарантий не дает ни один страховой полис.

О трех проектах социалистов и единой Европе

Казалось бы, что может быть общего между строительством нового здания парижской оперы, пуском управляемого компьютерами лильского метро и прокладкой ведущей на север Франции трассы сверхскоростных экспрессов «TGV». Однако все эти три проекта не только связаны между собой тем, что являются инициативами социалистической партии, но и состоят в определенном композиционном единстве с прокладкой туннеля под Ла-Маншем. Впрочем, обо всем по порядку.

На флажтоках перед стартовой линией, красного кирпича мариеш Лиалля развеваются под напором свежего ветерка, долетающего, вероятно, аж с Ла-Манша, полотнища Европейского сообщества — хоровод 12 звезд по голубому пояку. Вывесили их не по случаю посещения столицы исторической области Нор-Па-Де-Кале высокопоставленными эсовскими чиновниками, а в подтверждение общеевропейских амбиций Лиалля, который отцы города намерены превратить, так сказать, в «четвертый эсовский Рим», вслед за Брюсселем, Страсбургом и Люксембургом, уже приютившими органы управления Сообществом. В лильский перекресток — а отсюда — час до Лондона и Брюсселя, чуть больше до Дюссельдорфа и Кельна, — собираются

вписать общеевропейский торговый центр — координирующий орган и одновременно выставку-витрину «Европы технологий».

С выходом же на линию нового сверхскоростного, под стать японскому экспрессу обостренность претензий Лиалля на новую роль в Европе еще больше укрепляется. И так в городе можно постоянно созерцать макет локомотива «Формулы 1», выставленный на всеобщее обозрение и восхищение в ратуше. Его безупречный, с точки зрения дизайнера, облик подтолкнул к мысли о железнодорожной версии классической морской побасенки о самом большом корабле. Помните: после взрыва его нос и корму отбуксировали в разные порты.

За несколько дней до поезда в Лиаль я оказался, можно сказать, у самого старта «трассы в XXI век». Под Парижем холмистый ландшафт прорезали специальные туннели для «TGV», бетонные стенки которых призваны поглощать самолетоподобный рев «северной стрелы», оберегая от излишних стрессов жителей столичной агломерации. В гудящих коридорах «международной подземки» рождалось ощущение только что промелькнувшего последнего вагона.

Однако и столица департамента Нор отнюдь не конечный пункт железнодорожного

пробега. Экспрессу предстоит стать почти трансатлантическим. После туннелей парижского района на его пути окажется... туннель под Ла-Маншем. И помнится поезд дальше сквозь буйную зелень «английской Ривьеры», чтобы через три часа достичь своего лондонского причала. Так что английские меломаны вполне смогут без отрыва от текущих дел посещать премьеры в столь же ультрасо-

временной, как и экспресс, Парижской опере на площади Бастилии.

Канал под Ла-Маншем должен, в свою очередь, как бы усилить у жителей и без того, по нашим меркам, небольшой Западной Европы чувство компактности и единства Сообщества.

Ла-Манш или Канал?

Впрочем, общеевропейское — Европе, а непосредственным соседям по Ла-Маншу — свою двустороннюю историческую специфику. На первый взгляд французы и англичане столь неотвратно тянулись друг к другу, что столетиями только и занимались обновлением рекордов скорости пересечения пролива. Вассалы Вильгельма Завоевателя на ладях, воздухоплаватели Бланшар и Джеффи на воздушном шаре, авиатор Луи Блерио на аэроплане, не считая, конечно, миллионов клиентов пароходной компании, установившей еще в 1821 году прямое сообщение между Дувром и Кале. На фоне такой многовековой гонки между континентом и островами туннель, казальное, должен быть предметом первой жизненной необходимости для обитателей соседней.

Единственное, что, вероятно, постоянно смущало проектировщиков, так это изменяемая политическая геометрия Ла-

Манша, который временами расширялся до океанских масштабов. В такие моменты манифестировавшие в Лионе крестьяне требовали «утопить Тэтчер в море». Не исключено, что как раз в Ла-Манше. А respectableный дискуссионный клуб Оксфордского университета включил в свою повестку дня весьма небанальную тему: «Лучше умереть, чем быть французом». По обоим берегам пролива газеты — и бульварная «Сан», и солидная «Монд» — поспешили наперебой объявить конкурсы на лучшие, соответственно, антифранцузские и антианглийские анекдоты. Причем победителю обещали одну поездку через Ла-Манш для знакомства с антиподами, а второму и третьему призерам в наказание аж три поездки, судя по всему, для более углубленного изучения предметов острот. Как на грех, один из лучших анекдотов также оказался на военно-морскую тему: когда тонет корабль с англичанами (например, в Ла-Манше) — это беда, катастрофа, если они умеют плавать.

Словом, вопреки известной песне, туннель, который французы («лягушатники») собирались строить под Ла-Маншем, а англичане («ростбифы») под Каналом, отнюдь не обещал вести на свет. Не случайно очередной, решающий этап переговоров о строительстве туннеля занял почти в два раза больше времени, чем подрядчики собираются потратить на непосредственное осуществление проекта.

И чем мучительнее шел строительный диалог, тем во все большей степени еще не начатый туннель становился заложником непредвиденных осложнений. То в него рикошетом ударила французская ракета «Экзос», пустившая на дно у Фолклендских островов британский эсминец, то он чуть не взлетел на воздух из-за взрывчатки, которую охрана президента Миттерана ради проверки бдительности своих английских коллег спрятала вблизи резиденции посла Франции в Лондоне.

Однако и после ратификации в 1987 году парламентами двустороннего принципиального соглашения о стройке века партнеры-соперники не прекращают пинать друг друга под стол. Причем если на французском берегу 74 процента опрошенных высказываются за «воссоединение» островов с континентом, то на английском собралась целая рать «туннелеборцев». Британская оппозиция причудливо соединила в своих рядах докеров и моряков, riskingующих потерять работу, и «зеленых», опасющихся, что вызванная к жизни строительством туннеля дополнительная инфраструктура приведет к гибели от «депрессии» столетних дубов. Тем более не ясно, как британская общественность вообще переживет вырубку сотен деревьев, обреченных на заклание в связи с предполагаемым выходом туннеля на поверхность в юго-восточной Англии.

Туннель: «розовый период»

Наступил этап, когда наконец и статистика узнала о предстоящем строительстве все. Вернее, хорошо известно, как все должно идти, но мало кто рискует загадывать, что из этого получится. В теории дело обстоит следующим образом. Акционерное общество «Евротуннель», стоящее на плечах двух правительств, десяти крупнейших строительных фирм и сорока банков мировой величины, намерено за четыре года закопать на глубину 25—40 метров кругленькую сумму в 50 миллиардов франков. Для оправдания такого расточительства тамошние кооператоры собираются проложить две основные бетонные нитки длиной в 50 километров (37 из них непосредственно под Ла-Маншем) и диаметром в 7,6 метра, которые на случай непредвиденных аварийных ситуаций будут соединены через каждые 375 метров с резервной галереей безопасности. Контрольное время пробега туннеля — тридцать минут. После открытия, в 1993 году, на туннельные перевозки будут

приходиться 30 миллионов пассажиров и 13 миллионов тонн грузов. А еще через десять лет, считают акционеры-оптимисты, назло терпичам крах портам через туннель проследуют аж 100 миллионов путешественников всех категорий.

На этом исчерпывается набросок, выполненный, так сказать, в голубых и розовых тонах, не учитывающий возможных потрясений международной экономической конъюнктуры. Между тем очередной приступ инфляции или, скажем, критический рост банковских ставок могут привести к тому, что уже по ходу стоимости проекта удвоится. В этой связи можно вспомнить, что строительство почти аналогичного японского туннеля Хонсю — Хоккайдо продлилось лишние шесть лет, и в результате даже рациональным японцам пришлось в полтора раза превысить запланированную смету.

Берег Ла-Манша: бесконечные дюны с островками жесткого кустарника. Ноги утопают в бесцветном песке, а перед глазами — вереница кораблей и корабиков.

Михаил Александров

Париж — Лилль — Москва

От редакции. Около 40 миллионов фунтов штрафа грозят пяти французским и пяти британским компаниям, объединенным в совместном предпринятии «Трансманшник», если они не успеют завершить проект к установленному сроку.

По словам французского сопредседателя проекта А. Бернара, строительство эксплуатационного туннеля отстает от графика на 6 месяцев на французской стороне и на 2 месяца — на британской. Он признал, что считает преждевременным говорить о том, что срок, истекающий в мае 1993 года, будет выдержан.

Снова Руст

Матиасу Русту, прославившемуся беспосадочным перелетом Скандинавия — Красная площадь, неймется. Амнистированный в Москве пилот вскоре попал под следствие в родном Гамбурге. Дело в том, что, проходя альтернативную гражданскую службу в одном из местных госпиталей, Руст встретил в больничных коридорах, на свою беду, симпатичную практикантку. Считая себя, вероятно, универсальным послом мира, Руст захотел одарить девушку братским поцелуем и получил яростный отпор, несравнимый с реакцией советских служб ПВО. Раздосадованный таким непониманием, он банально ударил начинающую медичку ножом. Права пословица: кому суждено сесть, тот не утонет.

Фасон «Кремль»

Еще три-четыре года назад специалисты по маркетингу вспоминали о Советском Союзе только в случае, когда хотели унижить конкурента. На телеэкранах злобный комиссар за-

ставлял забытых русских крестян выбирать между «Кокой» и «Пепси» в пользу последней. В антирекламных сюжетах об «ИТТ» система управления этой компании напоминала советские обкомы.

Ныне времена другие — все советское в большой моде. «Пепсико» первой взяла реванш, выведя на околоземную орбиту советского и американского космонавта с бутылками собственного фирменного напитка. Затем фирма «Паркер» украсила яркие фотографии своей продукции пословицей, написанной по-русски: что написано пером, не вырубишь топором. Один из весомых результатов рекламной компании на «советском материале» — увеличение на 50 процентов потребления русской водки в США.

«Катастройка»

Александр Зиновьев, философ и писатель, лишенный в 1978 го-

ду советского гражданства, упорно отказывался считать себя диссидентом. Сейчас же, когда книги «бывших» писателей нашли дорогу к советскому читателю, политические сатиры Зиновьева все еще не издаются на одной шестой земного шара. Сам писатель полагает, что его произведения слишком глубоко вскрывают механизмы власти, до сих пор действующие в СССР. Последний роман-гротеск Зиновьева и вовсе назван символично — «Катастройка». Его действие разворачивается в образцовом провинциальном городке Партограде, который местные власти, спеша выслужиться перед Центром, норовят превратить в «маяк перестройки». Характерно, что в своих идеях Зиновьев идет сразу против всех: Горбачева, Сахарова, Солженицына, иных собратьев по русскому зарубежью. Меньше всех, как ни странно, достается... Сталину.

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Продолжение. Начало в № 2—7, 10, 12 за 1989 г. и в № 2, 3, 5, 7, 9, 11 за 1990 г.

Глава 11. Это делает кино. Это делает радио.

Почему этого не делаете вы?

Несколько лет назад «Филадельфия ивнинг бюллетин» стала объектом опасной цветочной кампании. Распространились порочащие газету слухи. Лицам, дающим в газету объявления, говорили, что в газете слишком много рекламы и слишком мало новостей, что она больше не привлекает читателей. Слетьни надо было пресечь.

Но как?

Вот как это было сделано.

Из номера газеты, вышедшего в обычный день, были отобраны все материалы нерекламного характера. Они были расклассифицированы и изданы в виде отдельной книги. Книгу назвали — «Один день». Она содержала 307 страниц — столько, сколько содержит примерно книга ценою в два доллара. Однако все эти новости и статьи были взяты из номера газеты, стоившего не два доллара, а два цента. Выпуск этой книги была придана зрелищность тому факту, что бюллетень содержит громадное количество интересного материала для чтения. Этот факт был выражен более живо, более интересно, более печатаясь, чем это могли бы сделать целые дни разговоров и горы цифр...

Ричард Берден и Элвин Бюсс из Нью-Йоркского университета проанализировали 15 000 интервью, взятых у продавцов. Они опубликовали свою книгу «Как убедить покупателя», затем изложили свои выводы в лекции «Шесть принципов продажи». По этому материалу был поставлен фильм, показанный продавцам сотен больших кор-

пораций. Берден и Бюсс не только разъясняли открытые ими принципы — они наглядно продемонстрировали их. Они разыграли перед аудиторией словесные битвы, театрализуя правильные и неправильные способы продажи.

Сейчас время инсценировок. Просто констатировать правду недостаточно. Продажа должна быть живой, интересной, драматичной. Вы должны пользоваться инсценировками. Кино делает это. Радио делает это. И вам придется делать это, если вы хотите привлечь внимание...

Джеймс Б. Бойнтон из фирмы «Америкен Уикли» должен был написать подробный обзор о состоянии рынка кремов. Его фирма только что закончила исчерпывающий анализ высшего сорта своего козьего крема. Под угрозой снижения цены обзор нужно было представить немедленно. Предполагаемому клиентом был один из крупнейших воротил рекламного бизнеса.

Однако первая попытка не удалась.

«В первый раз, когда я вошел, — признается мистер Бойнтон, — мы сразу отвлеклись в сторону бесплодной дискуссии о методах примененных при анализе крема. Мы спорили. Он говорил, что я неправ, я пытался доказать, что прав.

В конце концов, к моему удивлению, перевес оказался на моей стороне, но мое время истекло, беседа закончилась, не принеся никаких результатов.

Другой раз я не стал уже заботиться о цифровых таблицах и прочей информации. Я пришел повидаться с этим человеком и драматизировал факты.

Когда я зашел в его кабинет, он разговаривал по телефону. Воспользовавшись этим, я раскрыл саквояж и выложил на его стол тридцать две банки козьего крема — все известные ему сорта — все конкуренты его крема.

На каждой банке имелся ярлык, на котором была изложена коммерческая характеристика

крема. И каждый ярлык излагал рыночную историю крема кратко и выразительно.

«Что же произошло дальше?»

«Больше не было никаких споров. Здесь было что-то новое, совсем другое. Он выбрал одну, затем другую банку и прочитал написанное на ярлыках. Последовал дружелюбный разговор. Он задавал дополнительные вопросы. Он был глубоко заинтересован. Первоначально мне было отведено десять минут для изложения моих фактов, но прошло десять, двадцать, сорок минут, и по истечении часа мы все еще разговаривали.

Я представил ему те же факты, что и в первый раз. Но на этот раз применил принцип наглядности, инсценировку — и какая получилась разница!»

Поэтому, если вы хотите склонить людей к своей точке зрения, применяйте Правило 11:

Придавайте своим идеям наглядность, инсценируйте их.

Глава 12. Когда ничто другое не действует, попробуйте это

У Чарльза Швэба был начальник цеха, рабоче которого не выполняли производственных норм.

«Как это получается, — спросил Швэб, — что такой способный человек, как вы, не может добиться, чтобы цех работал нормально?»

«Не знаю, — ответил начальник цеха, — и убеждал рабочих, всячески подталкивал их, ругался и проклинал, грозил увольнением. Но ничто не действует. Они не справляются с планом».

Это происходило к концу дня, как раз перед тем, как должна была приступить к работе ночная смена.

«Дайте мне кусок мела, — сказал Швэб. Затем, обратившись к ближайшему рабочему, спросил: — Сколько плавков ваша смена выдала сегодня?»

«Шесть».

Не говоря ни слова, Швэб

вывел мелом на полу большую цифру шесть и вышел.

Когда пришли рабочие ночной смены, они увидели «6» и спросили, что это значит.

«Здесь был сегодня главный босс», — ответил рабочий первой смены, — он спросил, сколько плавков мы выдали, и мы сказали шесть. Он записал это на полу».

На следующее утро Швэб снова зашел в цех. Ночная смена стерла «6» и заменила большим «7».

Когда рабочие дневной смены явились, они увидели на полу большое «7». Значит, ночная смена считает себя лучше дневной? Ну хорошо же, мы покажем ей, так ли это. Они с энтузиазмом принялись за работу, и когда они вечером ушли, то оставили на полу громадное хвастливое «10». Дело пошло на лад.

Вскоре этот отстающий цех работал лучше, чем любой другой цех завода.

В чем же суть происшедшего? Пусть это выразит своими словами сам Чарльз Швэб.

«Чтобы добиться выполнения трудовой работы, — говорит он, — нужно пробудить дух соревнования. Я подразумеваю соревнование не с низменной, корыстной целью — заработать побольше денег, — а в желании доказать свое превосходство».

Жажда превосходства! Вызов! Брошенная перчатка! Безотказный путь к сердцам мужественных людей.

Теодор Рузвельт, если бы ему не был брошен вызов, никогда не стал бы Президентом Соединенных Штатов.

«Лихой наездник»*, только что перувиющийся с Кубы, выставив свою кандидатуру на пост губернатора штата Нью-Йорк. Оппозиция узнала, что он не является теперь правомочным гражданином этого штата, Рузвельт, испугавшись, решил снять свою кандидатуру. Тогда Томас Коэльо Платт бросил ему вызов. Резко обернувшись к Рузвельту, он закричал звенящим голосом: «Герой холма Сан-Хуана — трус?»

Рузвельт остался в схватке — и остальное принадлежит истории. Брошенный ему вызов не только изменил всю его

жизнь; он сыграл существенную роль в истории Америки...

Чарльз Швэб знал мощную силу вызова. Знал ее и Томас Платт, знает и Эл Смит.

Когда Эл Смит был губернатором Нью-Йорка, он воспользовался ею. Синг-Синг — самая известная каторжная тюрьма к западу от Чертова острова — не имела начальника. Через тюремные стены проникали скандальные слухи о безобразиях, творящихся внутри. Для управления тюрьмой Смиту нужен был сильный, железный человек. Но кто? Он послал за Львоном И. Лосом из Нью-Гемптона.

«Как вы относитесь к тому, чтобы взять на себя Синг-Синг? — бодро спросил он, когда Лос явился. — Там нужен человек, имеющий опыт». — Лос был в смущении. Он знал опасности Синг-Синга. Это было политическое назначение, зависящее от капризов политической конъюнктуры. Начальники тюрьмы приходили и уходили — один продержался только три недели. Лосу надо было считать со своей карьерой. Стоило ли рисковать?

И тогда Смит, видевший его колебания, откинулся в кресле и улыбнулся. «Молодой человек, — сказал он, — я не осуждаю вас за то, что вы испугались. Это нелегкое дело. Здесь требуется незаурядный человек, обладающий достаточными способностями, чтобы взяться за дело, и мужеством, чтобы выстоять».

Смит бросил Лосу вызов, не правда ли? Лоса соблазнило предложение взяться за работу, требующую мужества и незаурядных способностей.

И он согласился. И выстоял. Выстоял, чтобы стать самым знаменитым из ныне здравствующих начальников тюрем. Его книга «20 000 лет в Синг-Синге» разошлась в сотнях тысяч экземпляров. Он выступал с радиопередачами; его рассказы о тюремной жизни породили десятки фильмов. А его методы «очеловечивания» преступников сотворили настоящее чудо в практике исправительных учреждений.

«Я никогда не считал, — сказал Гарри С. Файрстон, основатель крупнейшей «Файрстон Тайр Энд Роббер компании», — что заработок, и только лишь заработок, может прилечь, объ-

единить или удержать стоящих людей. Я полагаю, что здесь дело в игре...»

Игра! Вот то, что любит каждый удачливый человек. Возможность самовыражения. Возможность доказать свое превосходство, выиграть и победить. Именно это стремление порождает состязания в ходьбе или в поглощении пирожков. Желание превзойти. Желание почувствовать свою значимость.

Таким образом, если вы хотите склонить мужественных людей, людей с характером, к своей точке зрения, применяйте Правило 12:

Бросайте вызов!

Резюме

Двенадцать способов убедить в своей точке зрения

Правило 1 — единственный способ добиться наилучшего результата в споре — это уклониться от спора.

Правило 2 — проявляйте уважение к мнению другого. Никогда не говорите человеку, что он неправ.

Правило 3 — если вы неправы, признайте это сразу и чистосердечно.

Правило 4 — вначале покажите свое дружеское отношение.

Правило 5 — пусть ваш собеседник с самого начала будет вынужден отвечать вам «да, да».

Правило 6 — дайте собеседнику возможность выговориться.

Правило 7 — пусть ваш собеседник почувствует, что идея принадлежит ему.

Правило 8 — честно попытайтесь увидеть вещи с точки зрения другого.

Правило 9 — проявляйте сочувствие к мыслям и желаниям других людей.

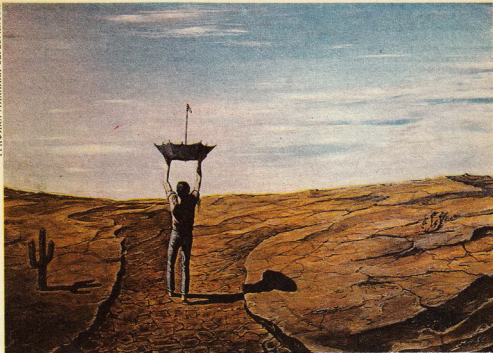
Правило 10 — взывайте к благородным побуждениям!

Правило 11 — придавайте своим идеям наглядность, инсценируйте их.

Правило 12 — бросайте вызов!

Продолжение следует

* «Лихой наездник» — кличка, полученная Рузвельтом в испано-американской войне.

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Хочу заполнить пробел

В сентябре сего года по телевидению было объявлено о конкурсе проектов Новой Конституции РСФСР. Пользуясь случаем, хочу предложить те позиции, которые, на мой взгляд, упускаются.

Увлечшись борьбой с последствиями троцкизма-сталинизма и т. д., мы забыли о том, что давно живем в условиях технотронной среды, несущей в себе грозы тотального психофашизма* как неотъемлемой час-

*Термин, предложенный болгарским ученым Тодором Дичевым. Психофашизм не только разрушает духовный мир человека, его нравственный и духовный потенциал, но и приводит к деградации, дезадаптации личности, приводит к депопуляции и гибели нации.

ти всякого технического прогресса. В этом смысле неограниченную технотронику можно смело назвать вратами смерти для всего человечества. Стремительно расширяясь за счет всего живого, механический мир неуклонно превышает сегодня власть всех вместе взятых правительств на Земле, и тайных, и явных... Совершенно недопустимы иллюзии о воображаемом равновесии. Исходя из этого, полагаю, что Новая Конституция должна быть сводом критериев немедленной ответ-

ственности всех слоев общества отнюдь не в репрессивном отношении, а в осознании того, что в природе безответственности нет вообще. Конституция, не могущая привести нас к взаимответственности, — бессмысленна. Мы так увлеклись идеей демократии, что часто путаем ее с анархией, забывая элементарные вещи, что, например, государство — понятие формообразующее, оно должно иметь жесткие несущие конструкции, оберегающие наш государственный дом от развала.

Конституция (от лат. Constitutio) — устройство, основной закон государства, определяющий общественное и государственное устройство, порядок и принципы образования представителей органов власти, избирательную систему, основные права и обязанности граждан. Конституция — основа всего текущего законодательства.

Полагаю, что это определение конституции на данном этапе несовершенно, ибо не включает в себя целый ряд жизненно важных положений, среди которых, говоря словами известного

культуролога Андрея Николаевича Зелинского, нет положения о ноосферной (духовно-психологической) защите общества. Частная собственность на землю в разумных пределах — залог оздоровления сознания народа, но как нам защитить оное от растущих посягательств на него? Этот пробел следует компенсировать:

1. Законом о защите человеческого сознания и психики от насильственного подавления психицидом, экоцидом, идеологическим терроризмом и т. д. через средства массовой информации и особенно через телевидение. Должны быть разработаны эффективные критерии допустимого психологического воздействия на человека (общества) по принципу сущностной информации. Следует учесть и то, что сегодня уже имеются устройства (вещества) воздействия на сознание человека на расстоянии.

2. Вводом основательно разработанного национального права**, строго согласованного с институтом национальных святых, зафиксированных Новой Конституцией РСФСР (материново, национальная символика и т. д.).

3. Законом об ответственности за осквернение святых всех народов, проживающих в России или за ее пределами. И добиваться установленным путем включения данного закона в международное право.

4. Законом об охране чистоты и природного строя русского языка, неразрывно связанного с литургическим православным календарем, возврат к которому — неизбежное условие возврата нашего народа в русло естественного развития. «Календарь, — пишет А. Н. Зелинский, — это ритм, который должен объединять внешний космос мироздания с внутренним космосом народа, человека в некое единое гармоническое целое. Но календарь не только ритм, но и память, поэтому календарь по самой своей сути есть выражение того, что можно определить понятием «ритмической памяти человечества». Введенный ленинским

** Очевидно, следует ввести в практику межнациональных отношений интернациональное право.

декретом в 1918 году Советский календарь стал причиной духовной и психологической аритмии целого народа, ибо он, по словам А. Н. Зелинского, является оскпленным календарем римского Папы Григория XIII. Этическая система этого календаря прямо противоположна всем христианским принципам (включая и любовь к ближнему) по сути.

Действительно. Советский календарь ведет свою короткую память с 1917 года и не обладает согласующим ритмом народного тела и окружающей природы, исключив дни христианских святых, олицетворяющих собой духовные идеалы. Он подменил их наугад названными днями шахтера, рыбака, пограничника и т. д. То есть лишил нас исторических всенародных праздников. Необходим возврат к православному литургическому календарю. По исчерпывающему определению психиатра Ю. Шишиной: «Культура — это литургически организованное сознание».

Дух православия, породивший тысячелетнюю русскую культуру независимо от наших желаний и обстоятельств, предполагает наличие земного царя, который под Царем Небесным ходит, то есть под Богом. Наличие монарха в государственной иерархии необходимо, пусть на символическом уровне, для сохранения тех понятий, без которых ни русская держава, ни ее народ немислимы. Царь-отец олицетворяя, как свидетельствует Словарь В. Даля, Отечество, крепость, силу, твердую связь, землю, народ и т. д.

Вся наша история говорит о том, что в Конституцию РСФСР должен быть включен и столбовой закон об ответственности правительства (или правящей партии) за отчуждение своего народа от земли, от истории Отечества и национальной культуры, а также за недопустимо низкий уровень жизни народа. Правительство и госаппарат должны отвечать за принимаемые ими решения без срока давности, дабы обезопасить наших потомков от государственного авантюризма.

Григорий Калужный

ВНИМАНИЕ!

«Эрконтс» обращается к молодым, предприимчивым и легким на подъем.

У вас есть шанс найти друзей за рубежом, посмотреть мир, поработать и отдохнуть!!!

«Эрконтс» готов:

1. Рассмотреть вместе со своими советскими и зарубежными партнерами, СП и кооперативами любые предложения, связанные с развитием туризма, строительством, переработкой сырья и отходов.

2. Найти вам работу по контракту за границей.

3. Подобрать партнеров за рубежом со сходными интересами и привязанностями для взаимных семейных или индивидуальных обменных поездок.

Для регистрации в качестве абонента необходимо перевести 50 рублей (пункт 1) либо 25 рублей (пункты 2, 3) на расчетный счет № 700001 в Вологодском кооперативном банке «Северный» областного управления Госбанка, МФО 108 009, бюро информации и рекламы «Эрконтс».

160007, г. Вологда, ул. Самнера, 60 а.

Предложения и пожелания вместе с заполненной анкетой и квитанцией об оплате вы должны затем выслать письмом по адресу:

121249, г. Москва, Кутузовский проспект, 1/2, Совет «Эрконтс».

Анкета:

1. Ф. И. О.
2. Семейное положение
3. Специальность, квалификация, стаж работы
4. Владение смежными специальностями
5. Место работы (учебы)
6. Какими иностранными языками владеете
7. Дополнительные сведения о себе (жилоплощадь, наличие машины, увлечения, предпочтительные виды отдыха и т. д.)
8. Почтовый адрес с индексом

А Н О Н С

Легенда о Викторе Цое

«Из газет мы узнали дату и немногие подробности его гибели. Но хотим знать все о его жизни и творчестве». Смерть так потрясает, что мы даже не представляем себе, как много знаем «о жизни и творчестве» Виктора Цоя. Иначе бы не провожали его так. Самое главное, что он успел стать художником.

Мы его любим потому, что он победитель. Имя Виктор означает «победитель». Он очень рано сделал ставку на свой талант, на свою энергию, на друзей — и выиграл. Не все его любил: свидетельством тому грубый анекдот, ходивший по российской провинции — но он оказался для всех «последним героем».

«Кино» поддержал Гребенщиков, но и «Кино», в свою очередь, поддержало «поколение дворников и сторожей». Никто не начинает в одиночку: по двое, по трое, рок-группами, «Метрополями», только конец у всех разный. Цой, говорят, хотел написать «стёбовую» историю группы «Кино». Но — не написал.

В январе этого года я брала интервью у Алексея Учителя, автора фильма «Рок». Он сказал: «Фильм «Рок» был не о музыке. «Рок» — в смысле «судьба». Я хотел бы лет через пять (почти три года прошло) вернуться к Цюю, Гребенщикову — и посмотреть, как все изменилось».

В этом фильме Виктор Цой впервые появился на экране. Потом была дипломная работа Саши Бурцева — «Город» по сценарию Шинкарева и Тихомирова, — это взгляды ленинградской культуры на самое себя, и Виктор снялся там... вместо Саши Башлачева, который покончил, с собой за неделю до съемок. В кадре Цой пел новую песню:

А жизнь только слово,
Есть лишь любовь и есть смерть.
Эй, а кто будет петь,
Если все будут спать?
Смерть стоит того, чтобы жить,
А любовь стоит того, чтобы

ждать...

Он вообще, как настоящий художник, не стеснялся смерти. Он серьезно об этом думал. Может быть, ему не хватало смерти в жизни, потому что он был романтик. Он бросил ей вызов в фильме «Игла». Смерть на экране — плохая примета, но судьба дала ему время еще для того, чтобы он стал лучшим актером года, поехал по Союзу, слетал в Америку...

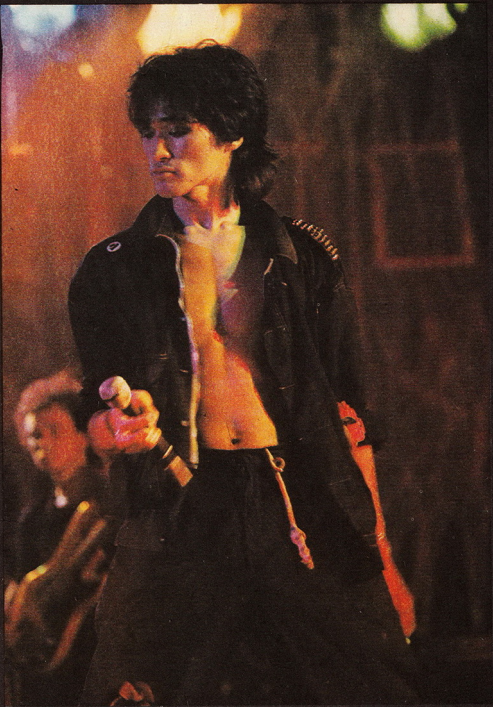
Цой (особенно в последние два-три года) держал на дистанции и журналистов, и «фанов». При жизни ему никто не помогал, кроме своих. Да он и ничего не просил:

Ты должен быть сильным,
Ты должен уметь
Сказать: руки прочь,
Прочь от меня...
Ты должен быть сильным, иначе
Зачем тебе жить?

Альбом группы «Кино», вероятно, будет выпущен не на фирме «Мелодия», а его друзьями. Если и будет документальный фильм, его должен делать Рашид Нугманов. Последние песни Виктора Цоя, его картины, интервью, которые он дал в Америке, — может быть, мы скоро это увидим.

Материал о Викторе Цое, которым мы располагаем, будет напечатан во втором номере «Ст. М.» в 1991 году.

Ольга Миткина

АНДРЕЙ

Русский журнал для мужчин

УЧ-2

ФОТО
АЛЕКСЕЯ ВЕЙЦЛЕРА

«Андрей» — независимый журнал. Его название от греческого «Andros» — мужчина, мужественный. Журнал необходим сегодня, потому что именно мужчины более всего нуждаются в освобождении от стрессовой агрессивности. Их психологическая свобода — это свобода общества от давящих комплексов прошлого, залог повышения оптимизма и здорового энергетического потенциала страны. Эротика в журнале — тема, представляющаяся сейчас наиболее важной. Это попытка возрождения мощного в старину русского эротического идеала, который «Андрей» противопоставляет «психологии рабской сексуальности», пошлости, оккупировавшей прилавки в виде календарей, брошюр, брелоков. «Сексуальную революцию» пора поставить на реальсы искусства и профессионализма. Журнал ищет девушек не только сексопильных, но прежде всего несущих в себе высокую женственность. Кроме цветных эротических репортажей, на страницах первых номеров статьи о моде, спорте, сатирическая графика, интервью, проза, философские эссе, психологические тесты, реклама...

«Андрей» — первый русский мужской журнал. Встреча с его редактором, авторами и фотомоделями ждет наших читателей на страницах «Ст. М.» в новом году. Это ориентир для тех, кто расстался с предрассудками искаженной эпохи и не боится делать ставку на будущее России. Для тех, кто бросит вызов мировой моде и сделает русский стиль доминирующим стилем 90-х — стиль мышления, эмоционального простора, женской красоты. Беглецы в австралийские дворники и экспортеры советских «Мисс» остаются на обочине.